

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- КРИТИЧЕСКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО США И САУДОВСКОЙ АРАВИИ
- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИКВИДАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ
- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ШТАТА ОГАЙО КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ
- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ США В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
- ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В ЕВРОПЕ (2017–2023)
- ДЕМОКРАТИЯ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА В АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

НАУКА
— 1727 —

10 • 2024

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 10 (658)

Октябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Чрезвычайный и полномочный
посол Российской Федерации, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН,
Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО,
Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия);
С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия);
В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия);
Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Пан Давэй (Шанхайская академия
общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава,
Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс,
Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США);
Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский
университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония);
Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул,
Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редакция журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 10 (658)

October

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada); John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada); Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan); Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 10 (658)

Экономика

Пороховский А.А. Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США.....	5
--	----------

Президентские выборы-2024

Шведова Н.А. Выборы президента США – 2024: репродуктивные права в фокусе.....	20
--	-----------

В мире бизнеса

Никитин Л.В. Особое звено в банковской системе США: штат Огайо.....	34
--	-----------

Идеи и концепции

Воробьёв Д.Н. Влияние критической расовой теории на современный идейный раскол в США.....	48
--	-----------

США и мир

Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе (2017–2023 годы).....	64
---	-----------

Дербенев А.С. Технологические и социокультурные новшества в Королевстве Саудовская Аравия: отношения с США.....	81
--	-----------

Экология

Колобов Р.Ю. Правовое регулирование ликвидации накопленного экологического вреда на промышленных площадках в США.....	98
--	-----------

Справки

Акимов Ю.Г., Исаева Е.В. Первые международные чтения по канадоведению в РГГУ памяти В.А. Коленеко.....	119
---	------------

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Contents

2024, No. 10 (658)

Economics

Porokhovsky, A.A. American Economic Sovereignty: The Foundation of U.S. World Leadership.....	5
---	----------

Presidential Elections-2024

Shvedova, N.A. 2024 US Presidential Election: Reproductive Rights in Focus.....	20
--	-----------

In the World of Business

Nikitin, L.V. A Specific Component in the US Banking System: The State of Ohio.....	34
---	-----------

Ideas and Concepts

Vorobyev, D.N. The Influence of Critical Race Theory on the Contemporary Ideological Divide in the USA.....	48
---	-----------

The U.S. and the World

Trunov, Ph.O. The Evolution of the U.S. Military Presence in Europe (2017–2023).....	64
Derbenev, A.S. Technological and Socio-Cultural Innovations in the Life of the Kingdom of Saudi Arabia in the Context of Relations with the United States.....	81

Ecology

Kolobov, R.Yu. Legal Regulation of the Remediation of Accumulated Environmental Damage at Industrial Sites in the USA.....	98
--	-----------

Background Material

Akimov, Yu.G., Isaeva, E.V. Vadim Koleneko Memorial Conference on Canadian Studies at the Russian State University of Humanities.....	119
---	------------

УДК 339.984

DOI: 10.31857/S2686673024100019

EDN: YWNUSF

Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США

А.А. Пороховский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1 стр.46.

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Researcher ID: N-1133-2013 Scopus Author ID: 57210344212 РИНЦ ID: 107834

ORCID: 0000-0001-5520-0550 e-mail: porokhovskyya@my.msu.ru

Резюме. Мировое лидерство США к началу XXI века достигло таких масштабов и глубины, что ряд исследователей в отечественной и зарубежной литературе стали называть глобализацию «американизацией». Между тем усиление неравномерности развития в мировом хозяйстве привело к новой тенденции – к регионализации и «параду» национальных экономических суверенитетов, формированию нового экономического порядка и полицентричного мира. Однако сами США стали бороться за свой национальный экономический суверенитет сразу после принятия своей конституции и начала работы первого правительства в 1789 году. В последующие два столетия американская либеральная экономическая модель утверждалась во внешнеэкономических связях не только благодаря росту своей конкурентоспособности, но и благодаря применению самых разнообразных неэкономических, нерыночных методов. Именно поэтому вопросы экономического суверенитета как основы национальной экономической безопасности были и остаются в повестке дня любого правительства США независимо от его партийной принадлежности. Тем более что американская гегемония служит не только экономическому суверенитету, но и приносит немало выгод гражданам, бизнесу и государству. Для раскрытия темы в рамках статьи остановимся на таких составляющих вопросах, как краткий исторический экскурс, внутренние факторы и внешние факторы, которые связаны с геополитическими процессами в современном мире.

Ключевые слова: национальный экономический суверенитет, экономика США, факторы экономического суверенитета, американское лидерство в мире, полицентричный мировой порядок.

Для цитирования: Пороховский А.А. Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(10):5–18. DOI: 10.31857/S2686673024100019 EDN: YWNUSF

American Economic Sovereignty: The Foundation of U.S. World Leadership

A.A. Porokhovsky

Lomonosov Moscow State University.

1, build.46, Leninskie Gory, 119991. Moscow, Russian Federation.

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby Pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation.

Researcher ID: N-1133-2013 Scopus Author ID: 57210344212 РИНЦ ID: 107834

ORCID: 0000-0001-5520-0550 e-mail: porokhovskyya@my.msu.ru

Abstract. By the beginning of the 21st century, the US world leadership had reached such a scale and depth that it prompted researchers in both domestic and foreign literature to refer to globalization as "Americanization". Meanwhile, the increasing unevenness in global economic development has led to a new trend – regionalization and a “parade” of national economic sovereignties, the formation of a new economic order, and a multipolar world. However, the United States began to fight for its national economic sovereignty immediately after the adoption of its Constitution and the formation of its first government in 1789. Over the next two centuries, the American liberal economic model was established in international economic relations not only due to its growing competitiveness but also through the use of a wide variety of non-economic, non-market methods. That is why issues of economic sovereignty, as the basis of national economic security have been and remain on the agenda of any U.S. government, regardless of party affiliation. Moreover, American hegemony serves not only to reinforce economic sovereignty but also brings substantial benefits to citizens, businesses, and the state. To explore the topic within this article, we will focus on key issues such as a brief historical overview, internal factors, and external factors associated with modern geopolitical processes.

Keywords: national economic sovereignty, US economy, factors of economic sovereignty, American leadership in the world, polycentric world order.

For citation: Porokhovsky, A.A. American Economic Sovereignty: The Foundation of U.S. World Leadership. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2024; 54(10):5–18.

DOI: 10.31857/S2686673024100019 EDN: YWNUSF

ВВЕДЕНИЕ

Обычно экономические процессы отличаются высокой инерционностью. Но в XXI веке происходят стремительные изменения при одновременном сохранении природы рыночного развития. Такая стремительность обусловлена обострившейся конкуренцией на основе цифровизации и других современных технологий. В таких условиях для США становится тяжёлым бременем удерживать достигнутое ранее мировое лидерство, к которому они привыкли и не желают

терять. Впервые за последние годы страна вновь вынуждена вернуться к обеспечению своего экономического суверенитета, который формировался долгие годы, но теперь оказался перед внутренними и внешними вызовами. Характерно, что в этой связи сами США поставили в повестку дня мирового сообщества вопрос о новом мировом экономическом порядке, надеясь тем не менее сохранить и приумножить свои позиции. Однако центр мировой экономики переместился и закрепился в Азии и это влияет на все мирохозяйственные процессы. В своё время США отвоевали свою политическую независимость и затем мобилизацией всех своих ресурсов и благоприятных внешних обстоятельств не только обеспечили свой экономический суверенитет, но и сменили Великобританию на высшем мировом пьедестале. Рассмотрим в статье некоторые вопросы этого процесса и его перспективы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Образование в июле 1776 года США свидетельствовало о самостоятельности нового государства, его политической независимости от бывшей метрополии Великобритании. По мере того, как формировались органы власти и готовилась конституция страны, становилась все более очевидным уязвимость политической независимости из-за слабой экономики страны. Прежняя колониальная зависимость сохранялась теперь через торговлю английскими, преимущественно промышленными товарами. Тем более что Великобритания благодаря своей развивающейся промышленности всё больше приобретала черты «мастерской мира». Полагаться только на внешнюю торговлю означало для США не что иное, как по-прежнему оставаться экономически зависимыми от бывшей метрополии. Не случайно поэтому уже первое федеральное правительство обратило внимание Конгресса и граждан страны на острую необходимость развития американской промышленности, тем самым бросая вызов гегемонии «мастерской мира» и укрепляя экономическую основу политической независимости.

15 января 1790 года Палата представителей поручила Министерству финансов подготовить доклад о состоянии и перспективах обрабатывающей промышленности страны, которая значительно уступала аграрному сектору. Понадобилось почти два года на подготовку такого доклада, и 5 декабря 1791 года министр финансов Александр Гамильтон, несмотря на другие неотложные дела, завершил подготовку и направил спикеру Палаты представителей Конгресса доклад «О значимости обрабатывающей промышленности» (*The Report on the Subject of Manufactures*), где с самого начала обращается внимание законодателей «на пути развития обрабатывающей промышленности, которая будет способствовать независимости Соединённых Штатов от иностранных государств в военной области и обеспечении населения товарами первой необходимости» [22].

Многостраничный доклад отличается скрупулёзной проработкой всего комплекса вопросов развития всех отраслей обрабатывающей и сопутствующих отраслей промышленности. Системный подход к этой важнейшей проблеме молодого государства позволил последовательно раскрыть как обеспеченность страны минеральными ресурсами и высокой ролью сельского хозяйства, так и сильную зависимость от внешней торговли промышленными товарами. В докладе описывается необходимая инфраструктура для обеспечения вовлечения всех штатов в процесс укрепления экономической и военной безопасности. При этом конкретно анализируется ситуация с целым рядом ресурсов и товаров – железная руда, чугун, медь, хлопок, сахар-песок, соль и др., а также транспортные потоки из портовых городов. Обращается внимание на предполагаемые инвестиции на указанные цели, которые должны быть выгодными для частного бизнеса, но основная доля затрат на первоначальном этапе ложится на федеральное правительство. Указывается, что роль американских фермеров на внутреннем и внешнем рынках не пострадает, а только получит дальнейшую поддержку от окрепшего государства. Доклад завершается словами: «В странах с большим частным капиталом многое может быть достигнуто за счёт добровольных вложений патриотически настроенных людей, но в обществе, таком как Соединённые Штаты, дефицит частных ресурсов должен покрываться из государственного бюджета. В чем это может быть так полезно, как не в стимулировании и совершенствовании работы обрабатывающей промышленности?» [22]. История США в дальнейшем в полной мере подтвердила значимость обрабатывающей промышленности для обеспечения своего экономического суверенитета и лидирующих позиций в мире.

5 декабря 2021 года США отметили 230-летие доклада А. Гамильтона о промышленности. Начиная с октября 2011 года в стране стал ежегодно отмечаться день обрабатывающей промышленности, а в 2016 году первая пятница октября официально провозглашена общенациональным Днём обрабатывающей промышленности. Несмотря на стремительное развитие сферы услуг роль промышленности не ослабевает, а наоборот повышается. Неслучайно поэтому в стране создана национальная сеть «Государственно-частное партнёрство развития обрабатывающей промышленности», имеющая свои отделения во всех 50 штатах. Цель партнёрства – популяризация промышленности среди населения, особенно среди молодёжи [Пороховский А.А., 2018: 32]. Теперь уже большое внимание уделяется защите окружающей среды и развитию берегающих и безотходных технологий, производству замкнутого цикла [13; 14; 15].

Особенно остро поставил вопрос выживания США экономический кризис 1929–1933 годов. Оказалось, что рыночный механизм не смог в полной мере способствовать выходу американской экономики из кризиса. Ситуацию удалось взять под контроль администрации президента Франклина Д. Рузвельта,

который после инаугурации 4 марта 1933 года вошёл в Белый дом. За несколько месяцев был разработан и немедленно приведён в действие «Новый курс», благодаря которому удалось остановить спад и постепенно налаживать стабилизацию и расширять занятость в экономике. Комплекс политических мер вместе с целенаправленной экономической политикой вселили в бизнес и общество уверенность, что выход найден. Впервые в истории США был образован *Совет по национальной экономической безопасности (СНЭБ)* во главе с министром труда. Главная угроза безопасности страны сформировалась внутри страны из-за громадной безработицы и социального напряжения. СНЭБ фактически стал координатором реализации *нового курса*, ставшим предпосылкой не только восстановления национальной экономики на базе экономического суверенитета, но и основой для будущей мировой гегемонии. К числу основных экономических мер «Нового курса» относятся следующие:

- поддержка финансово-банковской системе, промышленным и торговым компаниям при помощи крупных займов и субсидий;
- стимулирование частных инвестиций с помощью налоговых льгот;
- стабилизация падающих цен путём девальвации доллара при сохранении инфляционных тенденций;
- принудительное картелирование промышленных компаний;
- государственное регулирование уровня промышленного производства;
- введение отраслевых «кодексов честной конкуренции», временно определяющих единую политику цен, фиксировавших объёмы производства, распределявших рынки сбыта, рекомендовавших уровень заработной платы [Пороховский А.А., 1996: 61].

Как известно, при «Новом курсе» началась активная работа за счёт так называемых общественных работ по снижению безработицы и развитию национальной инфраструктуры [Пороховский А.А., 2022]. Оказалось, что «Новый курс» имеет не только огромное практическое, но и революционное теоретическое значение, что привело к появлению теории макроэкономики и кейнсианского направления в экономике после издания в 1936 году фундаментальной работы Дж. М. Кейнса «*Общая теория занятости, процента и денег*». Среди экономистов и политиков разгорелись нешуточные дебаты – как совместить принципы «*невидимой руки*» А. Смита и реальные вызовы капиталистической рыночной экономики XX и XXI веков [4; Хиршман А.О., 2012; Lamoreaux N., Rosenthal J-L., 2023; Deaton A., 2024]. Свой ответ в традициях американского прагматизма в своё время дал Ф.Д. Рузвельт.

Сегодня, когда внутри США накопилось немало проблем и возникли реальные угрозы их лидерству в мире, вновь вспомнили о *Новом курсе* в рамках дискуссии о национальной безопасности. Бывший сотрудник различных правительственных органов по национальной безопасности П. Роди выпустил в начале

2024 года книгу о современных спорах вокруг трактовки и практической реализации национальной безопасности США [Roady P., 2024]. Уже в подзаголовке монографии приводится указание на «Новый курс» Ф. Рузвельта. Автор обращает внимание на то, что в последние десятилетия при рассуждениях о национальной безопасности США прежде всего обращают внимание на национальные интересы и военную безопасность в мирохозяйственном масштабе. Между тем в «Новом курсе» речь шла, во-первых, об экономической безопасности и, во-вторых, об обеспечении национального благосостояния. Отмечается, что если внутристрановые компоненты национальной безопасности достигнуты (сегодня не стоит забывать о сути и практике «Нового курса»), то это во многом предопределяет обеспечение национальных интересов и военной безопасности. Вот почему дискуссии вокруг результативности «Нового курса» фактически переводятся в политическую плоскость, и на первое место выступает политика, которая в значительной степени нацелена на современную трактовку и соответствующую реализацию национальных интересов и военной безопасности. Важно отметить, что в наши дни не столько экономический суверенитет США находится в повестке дня, сколько защита национальных интересов и поддержание военной безопасности мирового лидера на значительных территориях земного шара [Roady P., 2024, Ch.8]. Экономическая безопасность страны и её экономический суверенитет считаются незыблемыми. Но современная конкуренция на мировых рынках не признаёт ничьей гегемонии [6; 7; Alesina A., Reich, B., Riboni, A., 2017].

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ – РАЗВИТИЕ ИЛИ ПРОТИВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Парадокс глобализации состоит в том, что США напрямую причастны как к становлению и развитию глобализации, так и к инициативе формирования нового мирового экономического порядка [Wentheim S., 2020; Rodrik, D., Walt, S., 2021; Bonadio B., Huo Z., Levchenko A., Pandalai-Nayar N., 2023; Deaton A., 2023; Jaax A., Miroudot S., Lieshout E., 2023; Rodrik, D., 2024; Jiang Z., Richmond R., Zhang T. 2022]. Если основания глобализации – рыночные принципы развития национальной и мировой экономики и повсеместная цифровизация, объединённая всемирной сетью Интернет – в полной мере сохраняются и развиваются, то причины поиска нового мирового экономического порядка рождаются внутри самой мировой экономики, а также вызваны стремлением ряда стран к экономическому суверенитету и новым формам региональных объединений – регионализации, что становится ответом на гегемонию США, превративших глобализацию в американизацию, безгранично утверждающую национальные американские интересы и «правила игры». Среди стран, вставших на путь обеспечения своего экономического суверенитета, выделяется своей решительностью Россия [Пороховский А.А., 2023].

В развитии рыночной цивилизации по-своему рубежным оказался экономический кризис 2007–2009 годов, который высветил накопившиеся проблемы в мировом хозяйстве и раскрыл факт главенствующей роли финансовых институтов. Не случайно поэтому США стали инициатором создания Группы двадцати, объединившей ведущие экономики мира, включая Россию. Главной задачей этой группы, впервые собравшейся в США в 2008 году, стало согласование мер по регулированию взаимодействия национальных финансовых систем и международных финансовых институтов для недопущения новых обвалов экономики. Фактически было объявлено о том, что мир нуждается в новом экономическом порядке, в котором США надеялись сохранить свою прежнюю роль [Calomiris C., Jaremski M., 2024]. Однако американские позиции оказались уже не столь прочными, как прежде. Их доля в мировом ВВП уступила растущей доле КНР. Сильно увеличила темпы экономического роста Индия и вообще мировой экономический центр начал закрепляться в Азии, а китайская экономика заняла нишу «мастерской мира» [2; 3; 5; 6; 7; 10; 17; Acemoglu, D., Lensman T., 2023; Cavassini F., Criscuolo C., Papa F., Talidi F., 2022; Ingleson, E. O., 2024; Jiang Z., Richmond R., Zhang T., 2022; Kiley M., Mishkin F. 2024; Pinkovskiy M., Sala-i-Martin X., Chatterji-Len K., Nober W., 2024]. Эпидемиологическим фактором деглобализации и переходом к новому экономическому порядку стал ковид-19, при котором начался «парад суверенитетов» даже в рамках Европейского Союза, оказались нарушенными торговые и другие логические связи как внутри стран, так и в мировой торговле. Обрушились мировые цепочки создания стоимостей. Из-за карантина остановились компании и даже целые страны. Упала производительность труда и выросла безработица [4; 19; Aoki K., Balaban C., Fiorini M., Miroudot S., Garcia I.O., 2023; Arend T., Mourougane A., Schmidt J., 2023; Cavassini F., Criscuolo C., Papa F., Talidi F., 2022; Gordon R., Sayed N., 2022]. Так называемый ковидный кризис, хотя и совпал с десятилетним экономическим циклом, начавшимся с кризиса 2007–2009 годов, оставил более глубокие следы во всех сферах жизни. Он породил возросшие требования граждан к своим правительствам, которым теперь необходимо немало сделать, чтобы восстановить прежнее доверие к своей деятельности [11;14; Nguyen D., Frey V., Gonzalez S., Brezzi M., 2022].

В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где США играют ведущую роль, всё активнее начали обсуждать необходимость для стран реализации национальной промышленной политики. Сторонники либеральных ценностей и рыночного фундаментализма по-прежнему делают ставку на силу рынка и конкуренции и считают, что можно обойтись без государственной промышленной политики, ибо предприниматели, по их мнению, сами сумеют найти решения, выгодные для компаний и общества [Criscuolo C., Gonne N., Kitazawa K., Lalanne G., 2022a, 2022b; Juhasz R., Steinwender C., 2023; Lamoreaux N., Rosenthal J-L., 2023]. Тем не менее, как показывают дискуссии в

структурах ОЭСР, всё больше стран в разной мере внедряют промышленную политику, в том числе для обеспечения реиндустриализации своей экономики. Как известно, США озаботились реиндустриализацией значительно раньше конкурентов в Европе, восстанавливая свою обрабатывающую промышленность. Происходит процесс влияния промышленной политики и реиндустриализации на формирование узко национальных экономических моделей, отличающихся от общей теоретической рыночной модели. В результате получают распространение теории «отечественной экономики» (*homeland economics*). Это означает, что страны вынуждены обращать внимание на свои национальные интересы, даже опираясь на теорию открытой экономики и на незыблемые рыночные принципы на внутреннем и внешнем рынках [Williams C., 2023; Пороховский А.А., 2019].

Значительное влияние на рыночный механизм оказывает цифровизация и её современное направление – искусственный интеллект. Возникли монополии в информационной сфере, чьё влияние на экономику и жизнь граждан оказывается значительно сильнее, чем роль традиционных крупных промышленных компаний [20; Jha M., Qian J., Weber M., Yang B., 2024]. Существенным образом изменилась розничная и оптовая торговля после внедрения цифровизации и роботизации, что меняет не только связь производства и торговли, но и поведение и запросы потребителей. Компании электронной торговли растут из года в год, повышается их значение и влияние на национальную экономику [Gonzalez J., Sorescu S., Kaynak P., 2023]. Возник и быстро распространяется новый феномен – самозанятость, который сформировал свой большой, но неустойчивый сегмент экономики, получивший название «гигэномика» и оказавший сильное влияние на модель сферы услуг и вспомогательного производства, а также на положение людей свободных, творческих профессий.

Немало новых проблем современные технологии создали в международной торговле. Поскольку большая часть такой торговли осуществляют крупные компании, среди которых ведущее место занимают американские фирмы, постольку стран-участниц волнует, как происходит перераспределение доходов и таможенных сборов. И здесь ОЭСР предлагает свою модель трансфертных цен для гармонизации интересов всех сторон [5; 10]. Однако стало обычной практикой для США вмешиваться в рыночный и договорный механизм внешней торговли, невзирая на нормы Всемирной торговой организации (ВТО), но подчиняя любые сделки своим интересам, даже на базе цифровизации [16; Andrenelli A., Lopez-Gonzalez L., 2023; Ingleson, E.O., 2024]. Так происходит и с тематикой устойчивого развития, международными соглашениями по климату и защите окружающей среды, когда партийная принадлежность администрации в Белом доме, а не международные обязательства, имеет решающее значение. Корпорациям приходится приспосабливаться к капризам правительства, по-разному время от времени трактуящему национальные интересы. [9; Scholl N., Turban S., Gal P., 2023].

Как известно, цели устойчивого развития, выраженные международно признанной формулой *ESG (Environmental, Social, Governance)* включают социальные аспекты, в том числе поддержку пенсионеров и престарелых. Поэтому Всемирный экономический форум отслеживает, как это происходит в разных странах, насколько это зависит от государства или от негосударственных организаций. Эта часть социальной сферы получила название «Экономика заботы» (*The Care Economy*). Выяснилось, что США далеко отстают от других стран в этой области по разным параметрам [18; Marcil Sh., 2023]. Особенно остро социальные проблемы стоят, к примеру, в Калифорнии, крупнейшем американском штате, где переплелись высокий уровень безработицы, растущее число бездомных, большой дефицит штатного бюджета и наплыв мигрантов [21]. Финансирование ремонта и новых элементов дорожной инфраструктуры происходит медленно и нередко перекладывается на доходы домашних хозяйств, что вызывает социальное недовольство [Currier L. Glaeser E., Kreindler G., 2023]. В целом США, оставаясь мировым лидером, мирятся с высоким неравенством и несправедливым распределением доходов как у себя, так и в мировом масштабе [Pinkovskiy M., Sala-i-Martin X., Chatterji-Len K., Nober W., 2024]. При этом ОЭСР, Всемирная организация труда и ЕС разработали и предлагают странам цифровую платформу для учёта и измерения занятости и безработицы, а также классификации видов работ и профессий, чтобы точнее стали международные сравнения в этой чувствительной области [13].

В результате постепенно происходит деглобализация мировой экономики в американском измерении, но в целом глобализация сохраняется и развивается, так как ни одна страна не закрывается от внешних разнообразных связей, но происходит формирование новых экономических центров при сохранении рыночной основы и повсеместной цифровизации. Экономически сохранению американских позиций способствует контроль над мировой финансовой системой и использование доллара как мировых денег.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировая экономика находится на стадии перехода к новому экономическому порядку, который представляет собой глобализацию не на основе безусловного лидерства США, а на взаимодействии различных региональных объединений и отдельных стран, образующих новые мировые центры. Этот период отличается турбулентностью и слабой прогнозируемостью [2; 3; 7]. Некоторые исследователи называют такие изменения деглобализацией, имея ввиду её американскую форму. На самом деле глобализация сохраняется, но приобретает черты, обусловленные равноправием мировых центров развития, в числе которых остаются и США. Потенциал полицентричного мира рассчитан на учёт национальных

интересов и экономического суверенитета всех стран с разным уровнем развития без диктата и монополии какого-либо центра или государства.

В этих условиях экономический суверенитет США должен обеспечить стране должную конкурентоспособность на различных рынках, число которых на мировом уровне растёт по мере развития и появления современных технологий, а также межстрановой кооперации и специализации. Поэтому в XXI веке возрастают требования к обеспечению американского экономического суверенитета в сложной конкурентной среде, где никому не гарантировано процветание за счёт прошлых достижений и заслуг.

ИСТОЧНИКИ

1. Economic Report of the President Transmitted to Congress, March 2024. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. Washington, D.C. Government Printing Office. C2+487 p.

2. International Monetary Fund. 2024. World Economic Outlook. Steady but Slow: Resilience amid Divergences. Washington, D.C. April. 202 p.

3. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook. Navigating Global Divergences. Washington, D.C. October. 182 p.

4. OECD, 1980. National Treatment and Questions of Public Order and Essential Security Interests. (Report by the Working Group on International Investment Policies). – Paris, November 20, 1980. 7 p.

5. OECD. 2010. Transfer Pricing Methods. Centre for Tax Policy and Administration. OECD Publishing, Paris, July, 16 p.

6. OECD. 2024. OECD Competition Trends 2024. OECD Publishing, Paris. 53 p.

7. OECD. 2024. OECD Economic Outlook. Interim Report. Strengthening the foundation for Growth. February. OECD Publishing, Paris. 23 p.

8. OECD. 2024. OECD Compendium of Productivity Indicators 2024. February. OECD Publishing, Paris. 71 p.

9. OECD. 2024. Global Corporate Sustainability Report 2024. March OECD Publishing, Paris. 63 p.

10. OECD. 2023. OECD Global Forum on Trade 2023. Making Digital Trade Work for AI. October, OECD Publishing, Paris. 34 p.

11. OECD. 2023. Government at a Glance 2023. OECD Publishing, Paris. 234 p.

12. OECD. 2023. OECD Economic Outlook. Volume 2023 Issue 1. Preliminary version, No. 113, June. OECD Publishing, Paris. 250 p.

13. OECD, ILO, European Union. 2023. Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work. OECD Publishing, Paris. 141 p.

14. OECD. 2023. Engaging citizens in innovation policy. Why? When and How? OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No. 149. June. OECD Publishing, Paris. 42 p.

15. OECD. 2023. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023. Enabling Transition in Times of Disruption. March. OECD Publishing, Paris. 230 p.
16. OECD. 2023. Key issues in Digital Trade, OECD Global Forum on Trade 2023 “Making Digital Trade Work for AI”. October. 34 p.
17. World Economic Forum. 2023. Chief Economists Outlook. Centre for the New Economy and Society. September. 24 p.
18. World Economic Forum. 2024. The Future of the Care Economy. White Paper. Centre for the New Economy and Society. March. 23 p.
19. What America’s protectionist turn means for the world. Officials from Berlin to Tokyo are planning their response. *The Economist*. January 9, 2023.
20. The economics of skiing in America. How monopoly and price discrimination are transforming an industry. *The Economist*. February 27, 2024.
21. California is gripped by economic problems, with no easy fix. Rising unemployment, a growing deficit and persistent outmigration are a painful trinity. *The Economist*. March 31, 2024.
22. The National Archives. The National Historical Publications and Records Commission (NHPRC) – Alexander Hamilton’s Final Version of the Report on the Subject of Manufactures [5 December 1791] – Philadelphia, December 5, 1791. 82 p. Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Hamilton/01-10-02-0001-0007> (accessed 20.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюкова О.В. 2022. Вопросы национальной безопасности в торговой политике США. *Мировая экономика и международные отношения*, Т. 66, № 4, с. 26-34. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-26-34>.
- Пикетти Т. 2023. Краткая история равенства. Пер. с франц. Москва: Издательство АСТ, 384 с.
- Пороховский А.А. 1996. Новый курс Ф. Рузвельта: основные меры и их значение. *Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России. Материалы конференции*. М.: Издательство МГУ, 1996. – 254 с. С.57–64.
- Пороховский А.А. 2018. Обработывающая промышленность в сервисной экономике. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 6, (582), с. 2–20. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0321206818060023>.
- Пороховский А.А. 2019. Частные и общественные интересы как факторы развития в условиях цифровизации. *Экономическое возрождение России*, № 2 (60), с. 55–61.
- Пороховский А.А. 2022. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6, с. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022060013>.

Пороховский А.А. 2023. Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения. *Экономическое возрождение России*, № 3 (77), с. 10–15. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15>.

Хиршман, А.О. 2012. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. Пер. с англ.- М.: Изд-во Института Гайдара. 200 с.

REFERENCES

Acemoglu, D., Lensman, T. 2023. Regulating transformative technologies. July, *NBER Working Paper 31461*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31461>. 40 p.

Andrenelli, A., Lopez-Gonzalez, L. 2023. Understanding the potential scope, definition and impact of the WTO e-commerce Moratorium. *OECD Trade Policy Paper*, No. 275. October, 70 p.

Alesina, A., Reich, B., Riboni, A. 2017. Nation-Building, Nationalism and Wars. *NBER Working Paper 23435*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23435>. 39 p.

Aoki, K., Balaban, C., Fiorini, M., Miroudot, S., Garcia, I.O. 2023. Interactions between goods and services in international trade. *Implications for customs valuation and rules of origin*. *OECD Trade Policy Paper*, No. 274. July, 38 p.

Arend, T., Mourougane, A., Schmidt, J. 2024. Insight on engagement in global value chains in 2023. March. 9 p. Available at: <https://oecdstatistics.blog/2024/03/14/insights-on-engagement-in-global-value-chains-in-2023/> (accessed 31.03.2024).

Biryukova, O.V. 2022. National Security Issues in US Trade Policy. *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 4, p.26-34. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-26-34> (In Russian).

Bonadio, B., Huo, Z., Levchenko, A., Pandalai-Nayar, N. 2023. Globalization, Structural Change and International Comovement. June. *NBER Working Paper 31358*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31358>. 60 p.

Calomiris, C., Jaremski, M. 2024. The Puzzling Persistence of Financial Crises. March *NBER Working Paper 32213*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w32213>. 49 p.

Cavassini, F., Criscuolo, C., Papa, F., Talidi, F. 2022. Pro-productivity institutions at work: country practices and new insights on their set-up and functioning. 2022. *OECD Productivity Working Papers No.32*. OECD Publishing, Paris. 30 p.

Chinthia, B., Jagannathan, R., Sridhar, S. 2024. Globalization and Profitability of US Firms: The Role of Intangibles. March *NBER Working Paper 32202*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w32202>. 32 p.

Criscuolo, C., Gonne, N., Kitazawa, K., Lalanne G. 2022a. An industrial policy framework for OECD countries: old debates, new perspectives. May. *OECD Science, Technology and Innovation Policy Papers*. No. 127. OECD Publishing, Paris. 53 p.

Criscuolo, C., Gonne, N., Kitazawa, K., Lalanne, G. 2022b. Are industrial policy instruments effective? A review of the evidence in OECD countries. May. *OECD Science, Technology and Innovation Policy Papers*. No. 128. OECD Publishing, Paris. 56 p.

Currier, L. Glaeser, E., Kreindler, G. 2023. Infrastructure inequality: who pays the cost road roughness? December. *NBER Working Paper 31981*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31981>. 66 p.

Deaton, A. 2023. Economics in America. *An Immigrant Economist Explores the Land of Inequality*. Princeton University Press, Princeton, N.J. 280 p.

Deaton, A. 2024. How Economics must change. Questioning one's views as circumstances evolve can be a good thing. *Finance & Development*, March, pp 20–22.

Gonzalez, J., Sorescu, S. Kaynak, P. 2023. Of Bytes and Trade: Quantifying the Impact of Digitalization on Trade. *OECD Trade Policy Paper*, No. 273. May, 55 p.

Gordon, R., Sayed, N. 2022. A New Interpretation of Productivity Growth Dynamics in the Pre-Pandemic and Pandemic Era U.S. Economy, 1950–2022. July. *NBER Working Paper 30267*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w30267> – 46 p.

Hirschman, A.O. 2012. The passions and the interests. Political arguments for capitalism before its triumph. Moscow. Gaidar Publishing House, 200 p. (In Russian).

Ingleson, E.O. 2024. Made in China. *When US–China Interests Converged to Transform Global Trade*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts – 352 p.

Jaax, A., Miroudot, S., Lieshout, E. 2023. Deglobalization? The Reorganization of GVCs in Changing World. *OECD Trade Policy Paper*, No. 272. April, 47 p.

Jha, M., Qian, J., Weber, M., Yang, B. 2024. ChartGPT and Corporate Policies. February. *NBER Working Paper 32161*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w32161> – 68 p.

Jiang, Z., Richmond, R., Zhang, T. 2022. A portfolio approach to global imbalances. July. *NBER Working Paper 30253*, Available at: <http://www.nber.org/papers/w30253> – 79 p.

Juhasz, R., Steinwender, C. 2023. Industrial policy and the great divergence. September. *NBER Working Paper 31736*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31736> – 63 p.

Kiley, M., Mishkin, F. 2024. Central banking post crises. March. *NBER Working Paper 32237*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w32237> – 67 p.

Lamoreaux, N., Rosenthal, J-L. 2023. Do entrepreneurs want control? And should they get what they want? A historical and theoretical exploration. April. *NBER Working Paper 31106*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31106> – 56 p.

Marcil, Sh., 2023. Care economy: The major economic crisis US business and government leaders are ignoring. January. World Economic Forum. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/care-economy-us-major-economic-crisis-us-davos->

2023/?utm_source=sfmc&utm_medium=email&utm_campaign=2824508_WeeklyAgenda29March2024&utm_term=&emailType=Agenda%20Weekly (accessed 29.03.2024).

Nguyen, D., Frey, V., Gonzalez, S., Brezzi, M. 2022. Survey design and technical documentation supporting the 2021 OECD Survey on Drivers of Trust Government Institution. OECD Working Paper on Public Governance. No. 53. 53 p.

Pinkovskiy, M., Sala-i-Martin, X., Chatterji-Len, K., Nober, W. 2024. Inequality within countries of world poverty, inequality and the global distribution of income. March. *NBER Working Paper* 32203. Available at: <http://www.nber.org/papers/w32203> – 51 p.

Piketty, T. 2022. *A Brief History of Equality*. Belknap Press, 288 p.

Porokhovskiy, A.A. 1996. F. Roosevelt's New Deal: basic measures and their significance. *F. Roosevelt's New Deal: significance for the USA and Russia. Conference materials*. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1996 – 254 p. P. 57–64. (in Russian).

Porokhovskiy, A.A. 2018. Manufacturing Industry in Service Economy. *USA & Canada: Economy. Policy, Culture*. No. 6. (582). P. 2–20. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0321206818060023> (In Russian).

Porokhovskiy, A.A. 2019. Private and Public Interests as factors of Development under Digitalization. *Economic Revival of Russia*. No .2 (60). P. 55–61 (In Russian).

Porokhovskiy, A.A. 2022. National Infrastructure as Factor of US Economic Development. *USA & Canada: Economy. Policy, Culture*. No .6. P. 23–40 (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022060013>.

Porokhovskiy, A.A. 2023. Economic Sovereignty of Russia: Problems of Formation and Maintenance. *Economic Revival of Russia* No.3 (77). P. 10–15. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15> (In Russian).

Scholl, N., Turban, S., Gal, P. 2023. The green side of productivity: an international classification of green and brown occupations. May. OECD productivity Working Papers, No. 33. 36 p.

Roady, P. 2024. The Contest over National Security. *FDR, Conservatives, and Struggle to Claim the Most Powerful Phrase in American Politics*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 320 p.

Rodrik, D., Walt, S. 2021 “How to Construct A New Global Order”. HKS Faculty Research Working Paper Series RWP21-013, May. 37 p. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/publications/how-construct-new-global-order> (accessed 25.01.2024).

Rodrik, D. 2024. Addressing Challenges of a New Era. *Finance & Development*, March, P. 10–12.

Wentheim, S. 2020. Tomorrow the World. The Birth of U.S. Global Supremacy. Harvard University Press/Belknap Press, 272 p.

Williams, C. 2023. Governments across the world are discovering “homeland economics”. But introducing industrial policy is a big mistake. *The Economist*. October 7. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2023/10/02/governments-across-the-world-are-discovering-homeland-economics> (accessed 25.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Профессор кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Anatoly A. POROKHOVSKY, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Chief Research Fellow of the Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebnny per., Moscow 121069 Russian Federation;

Professor, Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

1, bldg. 46, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024 / Received 28.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.06.2024 / Revised 15.06.2024.

Статья принята к публикации 17.06.2024 / Accepted 17.06.2024.

УДК 32.011, 342.8, 342.7

DOI: 10.31857/S2686673024100021

EDN: YWITZS

Выборы президента США – 2024: репродуктивные права в фокусе

Н.А. Шведова

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер. д. 2/3.

Scopus Author ID: 57208550232 ПИНЦ ID: 479195

ORCID: 0000-0001-6639-6392 e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Резюме. Свыше четверти века минуло с тех пор, как в 1997 году парламенты – члены Межпарламентского союза (МПС) приняли *Всеобщую декларацию о демократии (Каир, Египет)*. Документ был разработан как международный стандарт, нацеленный на помощь правительствам, парламентам и народу преодолеть многочисленные вызовы демократии во всем мире. На фоне диспутов о *демократии* раздаются голоса во многих странах по всему миру о том, что декларация теряет свою актуальность из-за девальвации ценности самой демократии. Сторонники иной точки зрения подчёркивают иные её черты. А именно, *достаточную устойчивость и гибкость, высокую степень адаптации к вызовам сегодняшнего дня, по-прежнему полезность к стимуляции позитивных сдвигов в жизни людей.*

Взгляды американской общественности на конкретную политику в отношении прерывания беременности (аборт) отражают более широкие представления о сути проблемы, скрывающейся, на первый взгляд, за фасадом медицинской операции. Проблема абортов – не столько медицинская, хотя, несомненно, процедура прерывания беременности, не может не быть не медицинским феноменом. Однако она простирается далеко за пределы медицинского факта. Не будет преувеличением утверждать, что борьба американских женщин за свои права в широком смысле, и конкретно, за свои репродуктивные права сопровождает их не одно сменяющееся поколение, имея длительную историческую хронологию [Шведова Н.А., 2022].

В первой четверти XXI века респонденты-американцы, отвечая на вопрос о значении для них феномена абортов, большинство подчёркивали его философскую и политическую сущность, то есть рассматривая его в контексте прав человека (*репродуктивных прав*), утверждают, что это *вопрос прав и свобод личности* (81%). Многие воспринимают его как *проблему здравоохранения* (68%), и *морали* (62%). В этом сегменте сторонников не менее половины демократов, независимых и республиканцев. Меньшее число опрошенных относятся к ней как к *религиозному вопросу* (41%), хотя для большинства республиканцев (55%) проблема абортов – это вопрос вероисповедания [1]. *Справляется ли*

демократия американской модели с задачей смягчения последствий чрезвычайной ситуации с репродуктивными правами в США?

Ключевые слова: репродуктивное право, Верховный суд, центры по контролю и профилактике заболеваний, ЦКЗ, дело «Роу против Уэйда», дело «Доббс против женской организации здравоохранения Джексона», Межпарламентский союз (МПС)

Для цитирования: Шведова Н.А. Выборы президента США – 2024: репродуктивные права в фокусе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(10):20–33. DOI: 10.31857/S2686673024100021 EDN: YWITZS

2024 US Presidential Election: Reproductive Rights in Focus

Nadezda A. Shvedova

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebnyy per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57208550232 PIИЦ ID: 479195

ORCID: 0000-0001-6639-6392 e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. More than a quarter of a century has passed since the member parliaments of the Inter-Parliamentary Union (IPU) adopted the Universal Declaration of Democracy in 1997 (Cairo, Egypt). The document was designed as an international standard to assist governments, parliaments, and citizens in overcoming the many challenges to democracy worldwide. Amid ongoing debates about democracy, there are voices in various countries suggesting that the declaration is losing its relevance due to the perceived devaluation of democracy itself. However, supporters of a different point of view emphasize its other features, such as its stability and flexibility, and high adaptability to modern challenges, as well as its continued usefulness in driving positive changes in people's lives.

The American public's views on specific policies regarding abortion reflect broader perspectives on what lies behind the façade of a medical procedure. Abortion is not primarily a medical issue, although the procedure itself is inherently medical. It extends far beyond the medical realm. Indeed, the struggle of American women for their rights, particularly reproductive rights, spans multiple generations, tracing a long historical trajectory.

In the first quarter of the 21st century, when American respondents were asked about the significance of abortion, the majority emphasized its philosophical and political dimensions. Specifically, 81% viewed it as a matter of individual rights and freedoms, situating it within the broader context of human and reproductive rights. Many perceived abortion as a health issue (68%) and moral issue (62%). Notably, this group of respondents includes Democrats, independents, and Republicans. Fewer respondents viewed abortion as a religious issue (41%), although most Republicans (55%) saw it in that light.

The question remains: Is American model of democracy up to the task of mitigating the reproductive rights emergency in the United States?

Keywords: reproductive rights, Supreme Court, KFF, Centers for Disease Control and Prevention, CDC, Roe v. Wade, Dobbs v. Jackson Women's Health, Inter-Parliamentary Union (IPU)

For citation: Shvedova, N.A. 2024 US Presidential Election: Reproductive Rights in Focus. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(10):20–33.

DOI: 10.31857/S2686673024100021 EDN: YWITZS

ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К РЕПРОДУКТИВНЫМ ПРАВАМ

С 20 по 28 февраля 2024 года KFF, известная авторитетная беспартийная организация, которая занимается исследованием политики в области здравоохранения, провела опрос (*KFF Health Tracking Poll*) на предмет выявления отношения американской общественности к острейшему вопросу о прерывании беременности (аборты) в обстановке всё большего накала избирательных страстей [1]. Результаты показали пёструю, но с чётко выраженными тенденциями картину в умонастроениях американских избирателей за несколько месяцев до ноябрьского «момента истины» в избирательном цикле 2024 года.

Во-первых, каждый восьмой избиратель (12%) заявляет о высокой значимости проблемы прерывания беременности («важнее всего») при определении своего выбора кандидата для голосования. При этом значительная часть общественности выступает против 16-недельного запрета на аборты, хотя преимущественная доля республиканцев поддерживает именно такое решение.

Во-вторых, преобладающая часть населения (58%), в том числе большинство женщин в возрасте до 50 лет (61%), выступает против национального запрета на аборты на 16-й неделе, хотя подавляющая часть республиканцев (63%) поддерживали бы его. Избиратели склоняются к демократам, поддерживают Дж. Байдена и выступают за легализацию абортов.

В-третьих, большинство представителей разных партий поддерживают прерывание беременности в чрезвычайных ситуациях, связанных с нею. Преимущественное большинство взрослых (86%) заявили о своей готовности защитить доступ к аборту для пациенток, испытывающих чрезвычайные ситуации, связанные с беременностью (например, выкидыши). На этой стороне подавляющее большинство демократов, независимых и республиканцев.

В-четвёртых, некоторые ключевые группы избирателей, среди которых американки, остро реагирующие на проблему, что, вполне логично, поскольку речь идёт о каждой из четырёх чернокожих женщин-избирательниц (28%) и около пятой части женщин-демократок (22%), а также об американках из штатов, где

аборты запрещены (19%). Женщины-избирательницы, которые планируют голосовать за президента Дж. Байдена и составляют соответственно 19% и 17% американок репродуктивного возраста (18–49 лет), выражают поддержку аборт-там.

В целом большинство избирателей, голосующих за аборты, считают, что процедура прерывания беременности должна быть законной во всех или в преимущественном числе случаев. Американские эксперты подчёркивают существенный сдвиг во взглядах на эту проблему по сравнению с выборами, предшествовавшими решению Верховного суда об отмене вердикта по делу «Роу против Уэйда».

В-пятых, 43% республиканцев считают, что аборты должны быть законными во всех или в большинстве случаев, но мало кто из республиканцев, которые хотят, чтобы аборты были законными, готовы выступить против своей партии по вопросу об абортах [1]. Таким образом, партийцы в значительной степени доверяют своей собственной партии и предполагаемому кандидату от неё в вопросе абортов.

В-шестых, большая доля независимых избирателей больше доверяет Демократической партии (38%) и президенту Дж. Байдену (35%), чем Республиканской партии (15%) и бывшему президенту Д. Трампу (19%), хотя значительная часть независимых избирателей недоверчиво относятся к обеим партиям (39%) или кандидату (31%) в этом вопросе.

В-седьмых, половина избирателей в целом считает, что президентские выборы – 2024 (51%), выборы в Конгресс (53%) и то, какая партия контролирует законодательный орган их штата (55%), окажут «серьёзное влияние» на доступ к аборт-там. Две трети (66%) поддерживают гарантию федерального права на аборт, в том числе три четверти (76%) женщин в возрасте до 50 лет.

Подавляющее большинство демократов (86%) и независимых (67%), а также значительное меньшинство республиканцев (43%) поддерживают такую гарантию. Причём доля признающих тенденцию к росту возможного серьёзного влияния, по крайней мере, до двух третей среди избирателей, голосующих за аборты, и избирателей-демократов увеличивается. Большинство, включая преимущественную долю американок репродуктивного возраста, поддерживают политику, направленную на защиту доступа к аборт-там, и выступают против политики, которая может ограничить его [1].

МНОГОПРОФИЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРОБЛЕМЫ АБОРТОВ

Проблема прерывания беременности в политической ипостаси – долгожитель, возраст которой перевалил за полстолетия. В кампании Дж. Байдена – К. Харрис репродуктивные права рассматриваются как одна из

самых важных тем. Бывший президент Дональд Трамп взял на себя ответственность за решение Верховного суда США по делу «Доббс против женской организации здравоохранения Джексона» (далее: «Доббс» – прим. авт.) (*Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*), которое отменило 24 июня 2022 года знаковое решение по делу «Роу против Уэйда» (далее: «Роу» – прим. авт.) (*Roe v. Wade*) и не нашло конституционных оснований для права выбора на аборт. Назначение Д. Трампом членов Верховного суда консервативного толка изменило соотношение сил и позволило вынести такое решение. Около двух третей избирателей (65%) возлагают ответственность за него на Д. Трампа, среди них половина избирателей-республиканцев [1]. Сообщается, что Трамп понимает свою уязвимость в вопросе об абортах, ведь тема, остро звучащая в избирательной кампании президента, которая совсем недавно заявила о своём влиянии на огромный сегмент электората. Он спешно предпринимает попытки смягчить ситуацию: то «хвастаясь» перед республиканцами отменой дела «Роу против Уэйда», то «лукавя» перед более широкой аудиторией, включая национальный запрет на аборты на 16-й неделе.

Американские избиратели, определяя свою позицию в отношении проблемы абортов, неизбежно должны найти для себя аргументы «за» или «против», включая следующие вопросы:

1. Считать ли преступлением со стороны медицинских работников отправку таблеток для прерывания беременности по почте пациентам в штатах, где аборты запрещены?
2. Как оценивать политику, которая запрещает клиникам, получающим федеральное финансирование, проводить аборты?
3. Стоит ли поддерживать практику направления пациентов к поставщикам услуг по прерыванию беременности в клиники, которые не получают федерального финансирования?
4. Стоит ли сохранять доступ к *мифепристону*, препарату, используемому для медикаментозного аборта, который в настоящее время может быть назначен через телемедицину и отправлен пациентам по почте?
5. Считать ли право на использование контрацепции «безопасным»?
6. Находится ли право на контрацепцию под угрозой?

В обществе горячо обсуждаются все эти вопросы. По традиции проводятся социологические замеры. Выявляется, что заметная часть общественности выступает против некоторых мер, за которые выступают противники абортов. В частности, такая мера как признание преступным деянием медицинских работников, которые предприняли отправку таблеток для прерывания беременности по почте пациентам в штатах, где аборты запрещены, вызывает существенное (62% против) неприятие.

Другая политика, запрещающая медицинским учреждениям с федеральным финансированием, предоставлять медицинские услуги по прерыванию беременности, или направлять пациентов к поставщикам услуг по прерыванию беременности получает также достаточно широкое (61% против) отторжение. Незначительное большинство республиканцев поддерживает эти стратегии.

После решения Верховного суда об отмене конституционного права на аборт чуть менее половины (45%) взрослых считают право на использование контрацепции «безопасным», в то время как каждый пятый (21%) заявил, что это «право, находящееся под угрозой, которое может быть отменено», а треть (34%) заявили, что они не уверены, находится ли это право под угрозой или защищено. Среди партийных избирателей демократы чаще всего считают, что право на контрацепцию находится под угрозой (38%) [1].

ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ И ЕЁ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В общей сложности ограничения на аборты обходились экономике штатов примерно в 105 млрд долл. в год в 2021 году [2]. Средняя стоимость медицинской услуги по прерыванию беременности колеблется в широких пределах [3] – от почти 600 до более 2 000 долл. без страховки. И эти расходы не учитывают немедицинские затраты на аборт, которые могут легко составить несколько тысяч долларов, включая транспорт, отели, уход за ребёнком, отгулы на работе и многое другое. 85% американок сообщают о стоимости медицинской услуги по аборту как об основной причине отказа от желаемого аборта [4]. Более половины американских женщин, обращающихся к процедуре прерывания, живут ниже федерального уровня бедности, 3 из 4 не могут оплачивать такие предметы первой необходимости, как еда и кров, и более 3 из 5 уже имеют детей [Diana Greene Foster and others. 2018].

Действительно, стоимость аборта оказывает большое влияние на спрос [5]. Те женщины, которые имеют страховое покрытие по программе медицинского вспомоществования «Медикейд» (*Medicaid*) и которые живут в штатах, где она может быть использована для оплаты услуг по прерыванию беременности, имели меньшие шансы ждать эту медицинскую процедуру более двух недель. Следовательно, они укладывались в рамки предельных допустимых сроков и осуществляли прерывание на ранних. Пациентки проживали, с большей вероятностью, в пределах часа езды от клиники. Это ещё раз подчёркивает важность штатной политики, направленной на то, чтобы помочь малоимущим женщинам с низким доходом и цветным американкам получить помощь при прерывании беременности, в которой они нуждаются.

ДОСТУП К АБОРТАМ И РЫНОК ТРУДА

Американские эксперты ссылаются на многочисленные исследования, показывающие чёткую связь доступа к абортam с увеличением участия женщин на рынке труда США, что особенно важно для чернокожих американок [6]. Отмена ограничительных законов об абортax до Роу (*Roe*) с 1969 по 1972 год увеличила участие чернокожих женщин в рабочей силе примерно на 6 процентных пунктов. Для сравнения, увеличение уровня участия чернокожих женщин в возрасте 20 лет и старше на рынке труда на 6 процентных пунктов в октябре 2023 года означало бы увеличение численности рабочей силы примерно на 1 млн женщин [7; Kalist, David E. 2004]. Данные свидетельствуют о том, что чернокожие американцы зарабатывают значительно меньше белых: средний доход чернокожих семей составляет 45 тыс. долл. по сравнению с 75 тыс. долл. у белых [8].

Исследование, проведённое до решения *Доббса*, показывает, что в штатах с более высоким числом поставщиков услуг по прерыванию беременности также был более высокий уровень участия молодых женщин в рабочей силе [Medoff, Marshall H., 2021]. Со времён *Доббса* время в пути до клиники для проведения процедуры аборта, резко увеличилось – среднее время в пути для женщин в возрасте от 15 до 44 лет, проживающих в штатах с полными запретами и шестинедельными пределами срока для прерывания беременности, увеличилось на 56%, а к сентябрю 2022 года среднее время в пути выросло на 261% [Benjamin Rader and others, 2022].

Количество учреждений по оказанию помощи при абортax также стремительно сокращается. В апреле 2023 года в США насчитывалось 762 обычных учреждения для проведения абортов, 40% этих клиник предоставляют исключительно *медикаментозные аборты* – и всё это при том, что общее количество учреждений продолжает сокращаться. К сентябрю 2023 года насчитывалось 757 обычных учреждений для проведения абортов, что означает закрытие ещё пяти учреждений всего за пять месяцев. В марте 2022 года, до *Доббса*, насчитывалось 796 учреждений [9].

Ряд американских исследователей подчёркивают прямую связь между доступом к прерыванию беременности и улучшением экономического благосостояния женщин и их семей в государстве. Так, анализ пятилетнего исследования, в котором сравнивались результаты женщин, желающие прервать беременность, но им было отказано в нём из-за срока, с аналогичной группой американок, которые прервали беременность, показывает, что женщины, вынужденные вынашивать нежелательную беременность до срока, *имели в 4 раза больше шансов* жить ниже федеральной черты бедности [4].

КАКОВА ПОДОПЛЕКА СВОБОДЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ ЖЕНЩИН?

Американские женщины не зря обеспокоены ограничением своих репродуктивных прав. Как понимать борьбу за право на аборт? Чтобы разобраться, необходимо проникнуть в суть вещей. В данном случае: осознать все аспекты введённого запрета на прерывание беременности. Сразу после решения по делу «Роу против Уэйда», которое в своё время санкционировало легализацию абортов на федеральном уровне, а теперь было отменено, в СМИ появляются заявления о «необыкновенной» важности момента для «изучения отношения к женщинам не только в социальном, но и в экономическом плане», поскольку эти два явления «так тесно переплетены», – справедливо отметила А. Хендерсон, автор статьи «Четыре способа, которыми наша экономика прямо сейчас голосует против женщин» [10]. В работе по горячим следам после принятия вердикта, положившего конец легализации прерыванию беременности на федеральном уровне, передав полномочия на региональный уровень штатов, аргументировано говорилось о неизбежных болезненных последствиях этой политики для женщин: «Лишение женщин репродуктивных прав (как это уже сделали многие штаты) – это всего лишь один из способов, с помощью которого системы в США ставят женщин в невыгодное положение в экономическом плане. Стоимость материнства – уход за детьми, здравоохранение, детское питание, подгузники и т.д. – плюс время, необходимое для воспитания младенца, может сократить способность женщины инвестировать в себя, свою карьеру и образование» [10].

Американские специалисты утверждают, что «быть женщиной дорого, и это заложено в экономические системы». Аргументом в пользу заявления служит «нехватка» детского питания, отсутствие оплачиваемого отпуска по семейным обстоятельствам и отчётности по равенству заработной платы, «розовый налог» и многое другое. Под «розовым налогом» подразумевают тот факт, что товары, предназначенные для женщин, как правило (например, средства личной гигиены), дороже, чем те, которые предназначены для мужчин (речь идёт об уходе за волосами, бритвах, дезодорантах, креме для бритья, геле для душа, лосьоне и др.).

Многие из способов проявления гендерного неравенства в экономике США могут быть гораздо более тонкими. Отмечают четыре «очень специфических и коварных способов», которыми экономика ставит американок в невыгодное положение. США входят в 24% стран мира, в которых нет конституционного положения о гендерном равенстве», – подчёркивает Катика Роу (Katica Roy), экономист по гендерным проблемам и генеральный директор Pipeline Equity SaaS – компании, работающей над искоренением гендерного неравенства и предвзятости. А. Хендерсон подчёркивает, что одинокие женщины платят на 2% больше

за покупку жилья. Если средняя стоимость дома в США равна 375 тыс. долл., то одинокие американки заплатят на 7,5 тыс. больше мужчин, и это без учёта ипотеки [11].

Согласно исследованию, проведённому Фондом семьи Кайзер в партнёрстве с Американским медицинским фондом (*the Kaiser Family Foundation in partnership with the American Medical Foundation*), женщины ежегодно тратят на здравоохранение больше мужчин. Многие другие исследования показали, что женщины обычно платят больше за медицинское обслуживание, в основном из-за медицинских услуг (визиты к гинекологу и в связи с рождением детей). Около без страховки или около 7 тыс. долл. со страховкой. И это только единовременные затраты на рождение одного ребёнка. К. Рой предлагает поддержать законодательную меру: «...нужна Поправка о равных правах (*the Equal Rights Amendment*), потому что она применяет основные принципы мышления к гендерному равенству. В основе этого лежит решение проблемы неравенства» [11]. *Инвестировать* – один из лучших способов, с помощью которого женщины могут противостоять. По статистике, женщины инвестируют на 40% меньше мужчин, что опасно для их финансового будущего, поскольку гендерный разрыв в заработной плате означает необходимость «делать больше» с меньшими затратами. Инвестиции заставляют деньги работать. Средняя доходность фондового рынка за последние 30 лет превышает 9%, а женщинам нужен этот рост.

Экономические трудности, с которыми американки сталкиваются в настоящее время – это лишь верхушка айсберга. Заглядывая в будущее, по мере роста числа высокооплачиваемых рабочих мест в сфере технологий женщины остаются за бортом. В области искусственного интеллекта только 14% рабочей силы в сфере технологий, искусственного интеллекта – женщины [10]. Чтобы сдвинуть тему гендерного неравенства в экономике, необходимо учитывать возможности американских женщин распоряжаться своими ресурсами свободно и эффективно в соответствии со своими интересами. Планируемое родительство теснейшим образом связано с реализацией американскими женщинами своих репродуктивных прав. Доступность к медицинским услугам по прерыванию беременности, независимо от причин, толкающих на такой шаг, представляется неотъемлемым правом женщины [10].

РЕКОМЕНДАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ

В свете продолжающихся ограничений на аборт после *Доббса* во всё большем количестве штатов политики на федеральном и на штатном уровнях должны добиваться существенного расширения доступа и ценовой доступности услуг по прерыванию беременности всех типов, что соответствует разумной экономической политике, которая повышает занятость женщин, доходы, результаты образова-

ния и многое другое. «Инклюзивная экономическая политика, обеспечивающая значительные экономические выгоды для всех, должна включать план расширения доступа к абортам» [10].

В контексте «разумной экономической политики» логически выглядят политические действия, ожидаемые от штатных директивных органов. *Необходим ряд законодательных мер по защите и изданию соответствующих указов в поддержку права на аборт*. Речь идёт о принятии законов для защиты пациентов и медицинских работников. Причём законы варьируются от штата к штату, но большинство из них защищают пациентов и / или медицинских работников от преследований со стороны штатов, которые ввели уголовную ответственность за аборт. Все заинтересованные стороны, осуществляющие самостоятельный аборт, должны быть юридически защищены от гражданских и уголовных санкций. Правовая защита должна включать пациентов, фармацевтов, врачей и других уполномоченных медицинских работников.

В расчёте расширения доступа к медицинским услугам по прерыванию беременности *необходимо отменить положения о совместном несении расходов на аборт* и прямо включить медикаментозные аборт в штатные планы здравоохранения, что влечёт необходимость разрешить использование средств программы медицинского вспомоществования «Медикейд» для оплаты услуг по прерыванию беременности. По состоянию на июнь 2023 года в 17 штатах было разрешено оплачивать по этой программе аборт по медицинским показаниям [10]. Необходимо ускорить процесс оплаты услуг за счёт государственных средств по программе «Медикейд», устранив проблемы оплаты для тех, кто зарегистрирован в обеих программах – медицинского страхования «Медикэр» и медицинского вспомоществования «Медикейд».

Необходимо *снять ограничения на телемедицинские услуги* для участников программы «Медикейд», что связано с жёстким графиком их работы или удалённым местом проживания от клиник для проведения абортов, а это значит, что им нужен гарантированный доступ к телемедицинским услугам для проведения абортов. Это ещё одна задача для смягчения ситуации в отношении доступа к прерыванию беременности.

Прокурорам штатов следует создать *целевые группы* по репродуктивным правам в масштабах штата, которые могли бы координировать реальный доступ к услугам, связанным с абортами, и защиту медицинских работников. Предусматривается создание рекомендаций для потребителей об опасностях «центров кризисной беременности»: генеральные прокуроры штатов могли бы разработать эти рекомендации для женщин, желающих сделать аборт, и разрешить им подавать жалобы в центры кризисной беременности.

Защита конфиденциальности данных лиц, желающих сделать аборт, важнейшая часть разумной политики. Генеральные прокуроры штатов и департаменты по

делам потребителей штатов могли бы сотрудничать с поставщиками услуг и отстаивать интересы частного бизнеса в целях защиты информации о репродуктивном здоровье.

Расширение и обучение персонала, проводящего аборт, также насущная задача, в рамках которой законодатели штатов могут принять законы, с последующим подписанием губернатором для расширения сферы обучения для различных специалистов, таких как практикующие медсестры, акушерки, лицензированные сертифицированные акушерки и ассистенты врачей, а также для поставщиков услуг по проведению абортов.

Предусматривается необходимость комплексного подхода, при котором директивные органы штатов должны работать в системной парадигме над поддержкой и расширением ключевых услуг, помогающих женщинам получить услуги по прерыванию беременности, таких как высококачественный и доступный уход за ребёнком, оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам и по болезни; транспорт; и другие вспомогательные услуги, которые помогли бы покрыть часть немедицинских расходов на аборт. Кроме того, они должны активизировать работу организаций прямой пропаганды, включая национальные и штатные фонды абортов, которые помогают оплачивать эти потребности [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2016 году Д. Трамп удалось привлечь на свою сторону 47% белых женщин (преимущественно без высшего образования), хотя он выступал на платформе против абортов. Однако в настоящее время обстановка в стране изменилась, конечно, американские женщины не выступают единым фронтом в поддержку права на выбор (аборт). Они расположились с небольшим перевесом на противоположных берегах по отношению к праву на прерывание беременности, организуют массовые марши протеста, которые в традиции женского движения в США. Они – активные субъекты в предвыборных процессах, в которых отражается осознание необходимости непосредственного обладания рычагами власти для определения собственного жизненного пути.

Сложность проблемы репродуктивных прав обусловлена переплетением множества составляющих: от медицинских до идеологических и религиозно-нравственных, включая социально-философские, расово-этнические, культурно-географические, психологические и политико-правовые аспекты. Важно подчеркнуть их векторную неоднородность и комплексный, порой противоречивый характер, многослойных историко-культурных и психологических рефлексий, требующих чёткого учёта при определении роли и возможностей субъекта конкретного политического процесса. Следует учитывать и экономическую составляющую репродуктивных прав, особенно для американских женщин, стре-

мящихся к самореализации, экономической и материальной независимости. Запрет и ограничение на реализацию репродуктивных прав воспринимаются многими женщинами и мужчинами в США как чрезмерные, что напрямую влияет на их электоральное поведение.

Верхушка айсберга проблемы репродуктивных прав, в частности, прерывание беременности (аборт) или права «на выбор», наиболее очевидна в активной фазе избирательного процесса, служит «лакмусовой бумажкой» для зримой части электората, прежде всего женского. И не только. Не следует упускать из виду: *право на выбор* – культивируемая ценность в американском обществе, которую поддерживают как женщины, так и мужчины. В контексте планируемого родительства американцы отказываются мириться с запретом на прерывание беременности, считая его «оскорблением элементарного достоинства и свободы» [Шведова Н.А., 2023]. Очевидно, что отмена конституционного права на аборт вызвала отрицательную реакцию в обществе большего масштаба, чем на это рассчитывали её конструкторы. В результате охрана репродуктивного здоровья превратилась в острую хроническую проблему политического поля выборов президента 2024 года. Следующему новому хозяину (или хозяйке) Белого дома неизбежно придётся учитывать широкую тематику репродуктивных прав в США, даже независимо от цвета партии, которая поселится на следующий четырёхлетний срок в Овальном кабинете.

ИСТОЧНИКИ

1. 1 in 8 Voters Say Abortion Is Most Important to Their Vote: They Lean Democratic, Support Biden, and Want Abortion to Be Legal. Available at: <https://www.kff.org/womens-health-policy/press-release/1-in-8-voters-say-abortion-is-most-important-to-their-vote-they-lean-democratic-support-biden-and-want-abortion-to-be-legal/> (accessed 12.04. 2024).

2. Institute for Women's Policy Research, "The Costs of Reproductive Health Restrictions". Available at: <https://iwpr.org/costs-of-reproductive-health-restrictions/> (accessed 02.05.2024).

3. Jammie Fields Allsbrook and Nora Ellmann, "A Proactive Abortion Agenda". Washington: Center for American Progress, 2021. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/proactive-abortion-agenda/> (accessed 03.05.2024).

4. Bahn, K. et. al. "Linking Reproductive Health Care Access to Labor Market Opportunities for Women". Washington: Center for American Progress, 2017. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/linking-reproductive-health-care-access-labor-market-opportunities-women/> (accessed 01.04.2024).

5. Estep, S. Protecting and Increasing Abortion Access. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/playbook-for-the-advancement-of->

women-in-the-economy/protecting-and-increasing-abortion-access/ (accessed 05.02.2024).

6. Robbins, K.G., Goodman, Sh., Klein, J. "State Abortion Bans Harm More Than 15 Million Women of Color". Washington: National Partnership for Women and Families, 2023. Available at: <https://nationalpartnership.org/report/state-abortion-bans-harm-woc/> (accessed 11.04.2024).

7. October Employment Situation Summary. U.S. Bureau of Labor Statistics. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/empisit.nr0.htm> (accessed 11.04.2023).

8. Novak, A. Report from National Urban League finds continued economic disparities among Black Americans // *CBS news*. March 1, 2024. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/national-urban-league-report-state-of-black-america-2024/?intcid=CNR-01-0623> (accessed 04.03.2024).

9. Myers, C. Abortion Access Dashboard. Available at: <https://experience.arcgis.com/experience/6e360741bfd84db79d5db774a1147815/page/Page/?views=September-2023> (accessed 10.09.2023).

10. Henderson, A. 4 Ways Our Economy Is Voting Against Women Right Now. Available at: <https://hermoney.com/earn/4-ways-our-economy-is-voting-against-women-right-now/> (accessed 22.04.2024).

11. Henderson, A. Why It Costs \$300K+ More to Be a Woman than It Does to Be a Man. Available at: <https://hermoney.com/invest/why-it-costs-300k-more-to-be-a-woman-than-it-does-to-be-a-man/?hp=1> (accessed 26.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. Конгресс США 118-го созыва: гендерный портрет. *Россия и Америка в XXI веке*. 2023. Выпуск № 2. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760025446-7> (accessed 04.05.2024).

Шведова Н.А. Репродуктивные права в США в контексте промежуточных выборов. *Россия и Америка в XXI веке*. 2022. № 5. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760022756-8> (accessed 12.09.2023).

REFERENCES

Foster, D.G. et al. Socioeconomic Outcomes of Women Who Receive and Women Who Are Denied Wanted Abortions in the United States. *American Journal of Public Health*. 2018. 108 (3): 407–413. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.304247>. (accessed 07.04.2024).

Kalist, D.E. Abortion and female labor force participation: Evidence prior to Roe v. Wade. *Journal of Labor Research*. 2004 (25): 503–510. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12122-004-1028-3>

Rader, B. et al. Estimated Travel Time and Spatial Access to Abortion Facilities in the US Before and After the Dobbs v Jackson Women's Health Decision, *JAMA*. 2022. 328 (20): 2041–2047. Available at: <https://jamanetwork.com/journals/jama/article-abstract/2798215>. (accessed 18.04.2024).

Medoff, M.H. Factors Affecting the Availability of Abortion Providers. *The American Economist*. 2021. 66 (2): 190–201. DOI: <https://doi.org/10.1177/05694345211010541>. (accessed 09.04.2024).

Shvedova, N. The US Congress 118th: a Gender Portrait. *Russia and America in the 21st Century*. 2023, Issue 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760022756-8-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760025446-7>

Shvedova, N. Reproductive Rights in the USA in the Context of the Mid-Term Election. *Russia and America in the 21st Century*. 2022. No. 5. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760022756-8-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760022756-8>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, главный научный сотрудник, доктор политических наук, профессор, Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Nadezda A. SHVEDOVA, Chief Researcher, Doctor of Political Sciences, Professor. Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024 / Received 12.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 25.05.2024 / Revised 25.05.2024.

Статья принята к публикации 27.05.2024 / Accepted 27.05.2024.

УДК 336.71
JEL G21, N22, N92
DOI: 10.31857/S2686673024100033
EDN: YWCNKK

Особое звено в банковской системе США: штат Огайо

Л.В. Никитин

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
педагогический университет.*

Россия, 454080, Челябинск, проспект Ленина, 69;

Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

Россия, 454080, Челябинск, проспект Ленина, 76.

ResearcherID: ABF-1076-2021

Scopus Author ID: 57210433574

РИНЦ ID: 140568 ORCID: 0000-0002-7404-8782 e-mail: contlab2003@gmail.com

Резюме. Дерегулирование банковской системы США, происходившее в 1980–1990-е годы, привело к глубоким изменениям не только в условиях работы кредитных корпораций, но и в территориальном устройстве отрасли. Особенно большую роль сыграла постепенная отмена исторического запрета на создание межштатных филиальных сетей, позволившая наиболее успешным банковским холдингам продвигаться в другие регионы и частично вытеснять там местный бизнес. Среди центров, из которых осуществлялась подобная коммерческая экспансия, были достаточно заметны Колумбус, Кливленд и некоторые другие города штата Огайо, обладавшего значительным экономическим фундаментом и кадровым потенциалом. Доля Огайо в общенациональных показателях, рассчитанная по активам банковских холдингов, почти непрерывно росла до 2002–2003 годов, однако затем стала снижаться под давлением ещё более сильных конкурентов.

Вместе с тем в первой половине 2000-х годов, когда прогресс в сфере телекоммуникаций всё чаще позволял обеспечивать дистанционное распределение внутрикорпоративных административных функций, Огайо стал стратегической площадкой для холдингов из других штатов – прежде всего, для нью-йоркского «Джей Пи Морган Чейз» (*JPMorgan Chase*). К настоящему времени Огайо остаётся носителем двойного, хотя и неравномерного, успеха: у данного штата заметные позиции по активам собственных холдингов (шестое-седьмое место в США) сочетаются с абсолютным лидерством по стратегическому, то есть на уровне ключевых подчинённых банков, присутствию холдингов из других частей страны.

Для старопромышленного Огайо, который ещё с 1960-х годов переживал значительные трудности из-за появления новых конкурентов с более современной индустрией, мощное развитие банковского сектора (в обоих отмеченных аспектах) стало одним из направлений общей отраслевой перестройки и важным источником создания рабочих мест.

Ключевые слова: Огайо, Колумбус, Кливленд, банки, холдинги, конкуренция.

Для цитирования: Никитин Л.В. Особое звено в банковской системе США: штат Огайо. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(10):34–47. DOI: 10.31857/S2686673024100033 EDN: YWCNKK

A Specific Component in the US Banking System: The State of Ohio

Leonid V. Nikitin

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University.
69, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.
South Ural State University (NRU).*

76, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

Researcher ID: ABF-1076-2021 Scopus Author ID: 57210433574

РИИД ID: 140568 ORCID: 0000-0002-7404-8782 e-mail: contlab2003@gmail.com

Abstract: Deregulation of the US banking system in the 1980s and 1990s led to profound changes not only in the operating conditions of credit corporations but also in the territorial structure of the industry. A particularly important role was played by the gradual lifting of the historical ban on creating interstate branch networks, which allowed the most successful banking holding companies to expand into other regions and partially displace local businesses. Among the centers from which such commercial expansion took place were Columbus, Cleveland, and other cities in Ohio, which had significant economic foundations and human resources. Ohio's share of national totals, measured by the assets of bank holding companies, rose almost continuously until 2002–2003, but then began to decline under pressure from even stronger competitors.

Meanwhile, in the early 2000s, as advancements in telecommunications increasingly enabled the remote distribution of internal corporate administrative functions, Ohio became a strategic hub for holdings from other states – primarily JPMorgan Chase from New York. To this day, Ohio reflects a dual, albeit uneven, success: the state holds a significant position in its own holdings' assets (sixth or seventh place in the US), while also maintaining a leading role in the strategic presence (at the level of key subordinate banks) of holdings from other parts of the country.

For Ohio, an old industrial state that had been struggling since the 1960s with the rise of new competitors with more advanced manufacturing, the growth of the banking sector (in both aspects noted) became a key part of the state's economic restructuring and an important source of job creation.

Keywords: Ohio, Columbus, Cleveland, banks, holdings, competition.

For citation: Nikitin, L.V. A Specific Component of the US Banking System: The State of Ohio. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(10):34–47. DOI: 10.31857/S2686673024100033 EDN: YWCNKK

ВВЕДЕНИЕ

За последние 40–45 лет банковская система Соединённых Штатов Америки пережила глубокие исторические трансформации, особенно в плане территориального устройства. Ещё в 1970-е годы и даже в начале 1980-х годов в США сохранялись очень архаичные правила, сложившиеся вскоре после обретения независимости, по которым банкам запрещалось создавать межштатные (а иногда и внутриштатные) филиальные сети. Подобные ограничения почти всегда переносились и на банковские холдинги, становившиеся к 1980-м годам всё более распространённой формой организации кредитного бизнеса. Каждый такой холдинг, контролируя значительную (от 25% и выше) долю в акционерном капитале одного или нескольких банков, обладал некоторой гибкостью, но обычно и он мог работать лишь в территориальных пределах своего штата.

Банковские барьеры между штатами, негативно влиявшие на надёжность и эффективность национальной кредитной системы, были постепенно отменены в течение 1982–1997 годов. Этот процесс довольно быстро повлёк за собой намного более высокую, чем раньше, концентрацию банковских сил в ограниченной группе самых успешных штатов – в Нью-Йорке и Калифорнии, которые уже давно лидировали в рассматриваемой отрасли, а также в неожиданно добавившейся к ним Северной Каролине. Вместе с тем немалые достижения наблюдались и за пределами этой «большой тройки». Так, очень важным примером финансового подъёма можно по ряду причин считать штат Огайо, о котором и пойдёт речь в данной статье. Для оценки масштаба и значения произошедших там перемен необходимо последовательно, на основе комплекса исходных статистических данных [1; 2; 3], систематизированных и обработанных, рассмотреть изменение роли Огайо в национальной банковской системе США – от предреформенного состояния на рубеже 1970–1980-х годов до настоящего времени.

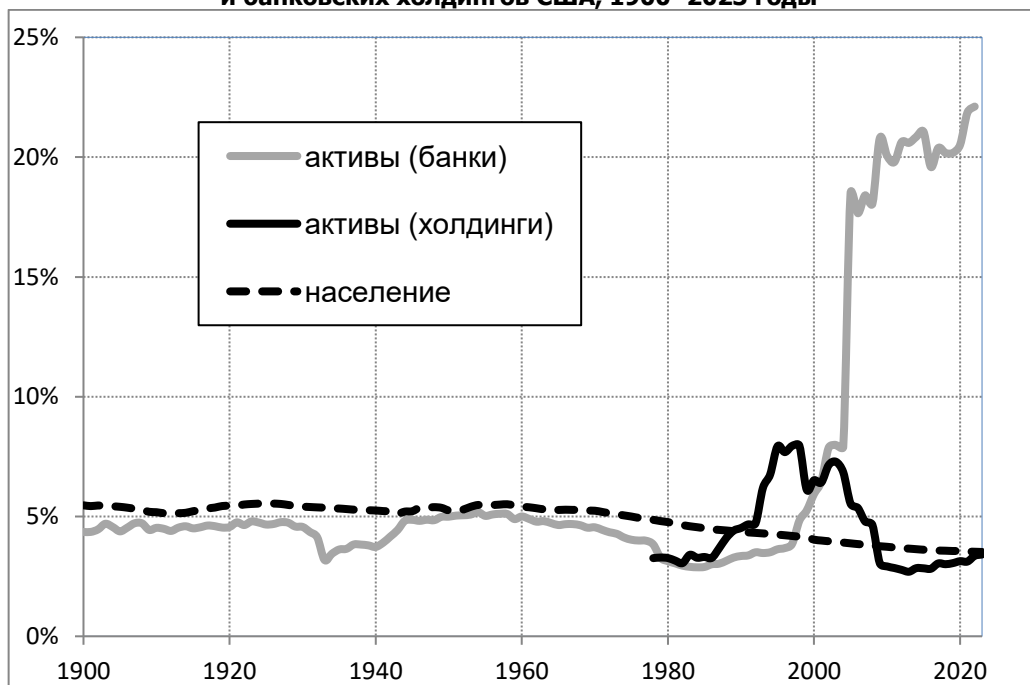
ОТ РАННЕЙ ИСТОРИИ К ПОДЪЁМУ 1980 – НАЧАЛА 2000-х ГОДОВ

В 1980 году Огайо с его 10,8 млн жителей занимал шестое место по численности населения среди всех штатов США; точно такой же была его ранговая позиция и в банковской сфере. Аналогичные или очень близкие совпадения наблюдались тогда по всей стране, и такая ситуация, конечно, не была случайной. Из-за почти непреодолимых территориальных барьеров возможность для развития банковского дела ограничивалась демографическими и экономическими ресурсами того или иного штата, что и приводило к подобному выравниванию показателей.

В некоторых случаях, включая Огайо, отмеченная зависимость сочеталась с немалыми масштабами и историческими достижениями промышленного

сектора. Ещё в XIX веке мощный подъём металлургии, нефтепереработки и других отраслей сделал Огайо одним из главных локомотивов всей американской экономики. Тогда же по соседству с большой индустрией возникли достаточно перспективные финансовые институты, однако их рост сдерживала невозможность выхода на широкий общенациональный рынок. В течение многих десятилетий доля Огайо в банковских активах оставалась очень близкой к доле в численности населения США, хотя и при двух выраженных периодах снижения – относительно коротком в условиях кризиса 1929–1933 годов и продолжительном, начавшемся в 1960-е годы (см. рис.). Во втором случае подобный разворот также был частью ещё более масштабных явлений. Именно в это время Огайо, вместе со всем старопромышленным регионом Великих озёр, начал терять прежние позиции под давлением более современных конкурирующих производств, развивавшихся на юге и западе США, а также в Европе и Восточной Азии. Вынужденное закрытие нефтеперерабатывающих и сталелитейных заводов делало всё более актуальным вопрос о развитии в экономике штата альтернативных компонентов, в том числе банковского бизнеса.

Рисунок. Доли Огайо в численности населения, а также в активах банков и банковских холдингов США, 1900–2023 годы

Расчёты автора на основе данных: [1; 2; 3].

Очень важные модернизационные инициативы того времени были связаны с деятельностью одного из самых известных губернаторов в истории Огайо,

республиканца Джеймса Аллена Родса (1963–1971 и 1975–1983). Именно при нём началось успешное привлечение японских автомобилестроительных корпораций в качестве стратегических инвесторов [Kern K.F., Wilson G.S., 2013: 472–473; Smil V., 2013: 124]. В отношении банковского сектора важным стартовым шагом стало принятое в 1979 году решение об отмене запрета на филиалы в пределах Огайо [Clarke A.E., Holly B., 1994: 2]. Также в 1979 году видный представитель действующей республиканской администрации штата Джордж Войнович был избран мэром Кливленда (на тот момент крупнейшего по численности населения города в Огайо). Это событие, особенно с учётом поражения предыдущего мэра – левого демократа Денниса Кусинича, отвечало интересам финансовых кругов и даже рассматривалось как прямой результат их усилий [Glasberg D.S., 1989: 119–143].

Правда, после выборов 1982 года губернаторские полномочия перешли к демократу Ричарду Селесте (1983–1991), при котором приоритеты несколько сместились в сторону расширения социальных программ и повышения налогов [Mullaney, M.M., 1994: 304–307]. Вместе с тем администрация Р. Селесте старалась не забывать и об интересах бизнеса. С 1985 года, как только на правовом поле США появилась соответствующая возможность, Огайо приступил к постепенной отмене «банковских границ» с другими штатами на основе взаимных соглашений [Clarke A.E., Holly B., 1994: 2].

Особенно эффективно новой ситуацией воспользовался крупный финансовый холдинг «Бэнк уан» (*Banc One*), располагавшийся в Колумбусе – столице штата Огайо. В ходе проведённой в начале 1980-х годов реорганизации владельцы этой группы решили взять яркое и необычное для того времени название («Банк один») [McCoy J.B., Sheban J., 2018: 47–50], а также подчеркнуто модифицированное написание первого слова через букву «си». Уже с 1985 году этот холдинг начал активно покупать кредитные корпорации сначала в соседней Индиане, а затем и в других штатах. Ключевым событием стало произошедшее в 1989 году приобретение разорившейся техасской группы «МКорп» (*MCorp*), сохранявшей при этом ценную инфраструктуру и огромную клиентскую базу. В результате «Бэнк уан» стал финансовым игроком межрегионального и даже общенационального значения.

Довольно успешная экономическая модернизация Огайо, неоднократно отмечавшаяся в аналитике тех лет (см., напр.: [Anderson G.H., 1992]), была продолжена и после того, как в 1990 году новым губернатором был избран мэр Кливленда республиканец Дж. Войнович. К тому же на данном этапе произошёл очень важный сдвиг в национальной банковской системе. В 1994 году был принят долгожданный закон «Об эффективности междущтатных банков и филиалов» (или закон Ригла – Нила), по которому для этой отрасли в течение трёх последующих

лет окончательно отменялись географические барьеры на всей территории страны.

Конечно, новый уровень мобильности не обязательно должен был пойти на пользу банковскому кластеру Огайо. В начале и середине 1990-х годов некоторые из местных холдингов, в особенности флагманский «Бэнк уан», активно продвигались в другие части США. Но со своей стороны финансовые круги Огайо, Иллинойса и других соседних штатов Среднего Запада опасались прихода стремительно развивавшихся компаний из Нью-Йорка или из южных городов и в этой связи стали создавать между собой «оборонительные альянсы» для удержания большой доли рынка в собственном регионе. Самым значительным событием такого рода стало произошедшее в 1998 году слияние двух огромных корпораций – «Бэнк уан» из Огайо и «Фёрст Чикаго Эн-би-ди» (*First Chicago NBD*) из Иллинойса. Новая группа выбрала, немного изменив орфографию, возникшее в Огайо и коммерчески успешное название «Бэнк уан» (*Bank One*), но при этом вопрос о центре управления объединённым бизнесом был решён в пользу другого участника сделки. Руководитель прежнего «Бэнк уан» Джон Маккой, для которого эта компания была продолжением давнего семейного бизнеса с неизменной локацией в Огайо, объяснял подобный выбор следующими мотивами: «Чикаго – это не только финансовый центр, но также культурный и транспортный узел. Из него проще совершать поездки по стране и миру, чем из других городов Среднего Запада» [McCoy J.B., Sheban J., 2018: 176].

Подобное решение, каким бы понятным оно ни выглядело в коммерческом плане, привело к тому, что после максимальной отметки 7,96%, пройденной в 1998 году, доля Огайо в активах банковских холдингов заметно сократилась (см. рис.). К тому же, лишившись холдинга «Бэнк уан», Колумбус перестал быть ведущим узлом банковской деятельности в своём штате. Однако перехватить эту роль был готов Кливленд.

Долгое время Кливленд оставался типичным старопромышленным центром с огромным комплексом социально-экономических и инфраструктурных проблем или, как нередко говорили его жители, «ошибкой на озере» (*mistake on the lake*). Однако с 1980-х годов в местной экономике наметилось некоторое оживление, в том числе на уровне строительных проектов [Смирнягин Л.В., 1989: 99]. Новому подъёму в немалой степени способствовала и финансовая отрасль, представленная крупными банковскими холдингами «Нэшнл сити корпорейшн» (*National City Corporation*) и «Сосайети корпорейшн» (*Society Corporation*). Вторая из названных групп, завершив в 1991 году возведение своего 57-этажного офисного центра по проекту знаменитого американо-аргентинского архитектора Сезара Пелли, внесла огромный вклад не только в экономические достижения Кливленда, но также в изменение его имиджа и модернизацию внешнего облика. Следующей вехой в истории этой корпорации стало произошедшее в 1994 году слияние с

холдингом «КиКорп» (KeyCorp) из Олбани, штат Нью-Йорк. Для объединённой структуры было выбрано нью-йоркское название «КиКорп», но вопрос о штаб-квартире на этот раз решился в пользу Огайо. Данный выбор менеджеры обеих сторон объясняли удобным географическим положением Кливленда, наличием в городе очень хорошего аэропорта и низкими налогами штата Огайо [4]. Новый межрегиональный «КиКорп» и близкий к нему по масштабам «Нэшнл сити» (*National City*) уверенно обеспечивали для бывшей «ошибки на озере» место среди десяти крупнейших банковских центров США, а с 1999 года, после реорганизации «Бэнк уан», гарантировали также превосходство над Колумбусом и лидерство в Огайо.

Таким образом, Кливленд, вместе, например, с Питтсбургом в Пенсильвании и Детройтом в Мичигане, показывал, что в городе с ярко выраженным и во многом устаревшим промышленным укладом может, в качестве одной из отраслевых альтернатив, получить развитие сильный банковский бизнес общенационального значения [Никитин Л.В., 2014]. К тому же Кливленд имел и в этом ряду дополнительное преимущество, являясь одним из окружных центров Федеральной резервной системы США.

Вслед за Кливлендом хорошую динамику демонстрировал и второй по значению банковский центр Огайо того времени – город Цинциннати, где располагался мощный холдинг «Фифс сёрд бэнкорп» (*Fifth Third Bancorp*). Благодаря группе «Хантингтон бэнкшэрс» (*Huntington Bancshares*) продолжал играть некоторую роль и Колумбус.

В результате доля Огайо вновь стала расти и достигла локального максимума (7,28%) в 2003 году (см. рис.). В названный момент, как и на предыдущем историческом пике в 1998 году, Огайо занимал по суммарным активам местных банковских холдингов четвёртое место в США, пропуская вперёд только таких гигантов кредитного дела, как штаты Нью-Йорк, Северная Каролина и Калифорния. На оптимистический лад финансовое сообщество Огайо могла настраивать и довольно благоприятная для частного бизнеса экономическая политика, проводившаяся и при губернаторе Дж. Войновиче (1991–1998), и, некоторое время, при его преемнике Роберте Тафте (1999–2007), который также представлял Республиканскую партию.

УХОД С ВЕРШИНЫ И ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ РОЛИ (2000 – НАЧАЛО 2020-х ГОДОВ)

Между тем новые «правила игры», окончательно утвердившиеся после принятия закона Ригла – Нила, продолжали трансформировать банковскую географию США, и эти изменения, как и в 1990-е годы, не всегда оказывались благоприятными для Огайо. Очередное снижение долевых показателей штата, которое

началось в 2004 году (см. рис.), было в очень большой степени связано с феноменальным подъёмом крупнейших банковских сил страны, располагавшихся в Нью-Йорке и Северной Каролине, и развернувшейся между ними борьбой за лидерство [Никитин Л.В., 2015: 140–141].

Не обошлось, однако, и без существенных корпоративных потерь в банковских кругах Огайо. В 2004 году третий по величине кливлендский холдинг «Чартер уан файнэншл» (*Charter One Financial*), располагавший внушительной сетью отделений на пространстве от Атлантического побережья до озера Мичиган, именно по этой причине привлёк внимание со стороны успешного и состоятельного покупателя – «Ситизенз файнэншл» (*Citizens Financial*) из штата Род-Айленд [5]. Поскольку и сам «Ситизенз» с 1988 года находился под контролем шотландского гиганта «Ройал бэнк оф Скотлэнд» (*Royal Bank of Scotland*) [Martin I., 2013: 55], многомиллионный бизнес «Чартер уан» вошёл в состав грандиозной финансовой империи с главным узлом управления даже не в другой части США, а в далёком Эдинбурге.

Примерно в это же время другой холдинг с центром в Кливленде, «Нэшнл сити корпорейшн» (*National City Corporation*), сохранял отличную динамику и уверенно расширял географию деятельности, но при этом всё глубже погружался в популярную тогда и содержавшую огромные риски сферу субстандартной ипотеки. К тому же «Нэшнл сити» отличался повышенным интересом к работе в некоторых районах Калифорнии, которые переживали сначала особенно выраженную строительную лихорадку, а затем (с 2006–2007 годов) её резкое торможение. Уже с середины 2007 года «Нэшнл сити», в основном из-за ипотечной составляющей, стал работать в убыток [Engel K.C., McCoy P., 2011: 169], а во время основной волны экономического кризиса 2008 года остатки его бизнеса были выкуплены холдингом «Пи-эн-си файнэншл сёрвисиз» (*PNC Financial Services*) из Питтсбурга.

В результате этих и некоторых других неудач Огайо сразу после «Великой рецессии» 2008–2009 годов откатился примерно к тем же позициям, которые были у его банковских холдингов до начала либерализации в 1980-е годы (см. рис.). Несмотря на многообещающие попытки, города Огайо всё же не смогли войти в число важнейших узлов управления финансовыми потоками. Однако штат достиг выдающихся результатов на другом пути.

Ранее упоминавшееся институциональное разделение кредитного бизнеса США на банки и управляющие ими холдинги в условиях реформ постепенно наполнялось новым содержанием. С начала 1980-х годов, как только в отрасли наметилось стирание территориальных барьеров, распространённой практикой стал перенос за пределы базового штата (в котором находилось ядро холдинга) сравнительно небольших контролируемых банков – например, тех, которым поручалась работа по эмиссии и обслуживанию пластиковых карт. Неудивительно, что такие специализированные банки стали возникать в штатах, готовых

предложить особые налоговые льготы (прежде всего, в Делавэре, Неваде и Южной Дакоте). К концу 1990-х годов добавились два других фактора: полная отмена «банковских границ» и прогресс в области телекоммуникаций, сделавший возможным управление рядом внутрикорпоративных функций на больших расстояниях. С этого времени в штатах с фискальными и иными преимуществами всё чаще регистрировались уже не специализированные «пластиковые» структуры, а крупнейшие банки из состава того или иного холдинга.

Довольно перспективным в этом отношении выглядел и штат Огайо. У него не было такого давнего опыта по целенаправленному привлечению банков, как у Южной Дакоты или Делавэра, но тоже имелись свои сильные стороны: наличие большого числа специалистов с опытом работы в кредитно-финансовой сфере, развитые транспортные связи, удобное расположение между городами Восточного побережья и всем Средним Западом и, наконец, что уже упоминалось в связи с холдингом «КиКорп», относительно низкий уровень налогов.

Возможности ведения бизнеса через Огайо ещё в 1998 году оценила группа «Фёрстар корпорейшн» (*Firststar Corporation*) из Висконсина, для которой местом работы основного банка стал Цинциннати. В 2001 году последовала ещё одна реорганизация, завершившаяся вхождением «Фёрстар» в состав огромного формирующегося холдинга «Ю-эс бэнкорп» (*U.S. Bancorp*) со штаб-квартирой в Миннесоте. Эта финансовая империя, офисные сети которой даже на стартовом этапе охватывали более 20 штатов [6], решила сохранить доставшуюся от «Фёрстар» регистрацию крупнейшего банка в Цинциннати. Благодаря третьему из своих ведущих городов Огайо начал намного быстрее наращивать долю в активах подчинённых банков, чем в активах банковских холдингов (см. рис.).

За очень важным для Огайо решением холдинга «Ю-эс бэнкорп» последовало аналогичное событие на ещё более высоком уровне. Оно стало своеобразным продолжением уже рассмотренных трансформаций 1998 года, по итогам которых «Бэнк уан» из Колумбуса стал частью новой финансовой силы с центром в Чикаго. Однако деятельность «Бэнк уан» в чикагской версии оказалась не очень долгой: уже в 2004 году он был поглощён одним из самых больших финансовых холдингов США и всего мира – нью-йоркским «Джей Пи Морган Чейз». Тогда же руководство этого конгломерата решило перевести крупнейший среди контролируемых им банков из Нью-Йорка в Колумбус, где имела отличная база в виде структур бывшего «Бэнк уан».

Следует подчеркнуть, что в данном случае (в отличие от похожих событий во многих других корпорациях) речь шла не просто о перерегистрации с целью сэкономить на уплате налогов, а о реальном делегировании Колумбусу важных и ответственных функций. С 2004 года в офисном комплексе прежнего «Бэнк уан», широко известном как «Полярис» (*Polaris*), приступили к своим обязанностям тысячи специалистов, выполнявших основной объём текущей работы всего

холдинга «Джей Пи Морган Чейз» по линии ипотеки, кредитования малого бизнеса и обслуживания пластиковых карт [McCoy J.B., Sheban J., 2018: 213–214]. В результате прихода гигантской компании, активы которой приближались тогда к триллиону долларов, долевой показатель Огайо (измеренный по банкам) почти вертикально взлетел вверх, а затем стабилизировался на принципиально новых уровнях (см. *рис.*).

Резкое расхождение между траекториями Огайо по банковским холдингами и управляемым банкам стало ещё более выраженным в результате экономического кризиса 2008–2009 годов. Если в первой категории, как уже упоминалось, тогда произошло дальнейшее снижение (в основном из-за банкротства кливлендского «Нэшнл сити»), то второй показатель продолжал повышаться. В период «Великой рецессии» и «Джей Пи Морган Чейз», и «Ю-эс бэнкорп» оставались зонами относительной стабильности и важными центрами консолидации кредитного бизнеса. Названные холдинги становились всё крупнее и, соответственно, продолжали расти их опорные банки в Огайо.

Со второй половины 2009 года развитие отрасли вошло в относительно спокойное русло. Этому способствовала как экстренная помощь со стороны федерального правительства непосредственно во время кризиса, так и принятый в 2010 году закон Додда – Фрэнка, создавший дополнительные механизмы контроля над финансовыми корпорациями. Правда в 2017–2018 годах при Дональде Трампе были сделаны значительные шаги в обратном направлении [Травкина Н.М., 2018: 196–205], но степень госрегулирования всё же осталась выше, чем до «Великой рецессии», что обеспечивало некоторую защиту от новых крупных потрясений.

Очень стабильной, особенно при сравнении с бурными переменами 1980–2000-х годов, выглядела конфигурация банковской отрасли в Огайо. У компаний, сложившихся по итогам прошлых десятилетий, имелись серьёзные причины для того, чтобы сохранять реальный центр управления или как минимум регистрацию в данном штате. Даже после того, как в начале 2000-х при губернаторе Р. Тафте произошло заметное повышение некоторых налогов, для кредитного сектора ситуация оставалась вполне комфортной. В 2012 году независимый аналитический центр «Полиси мэттерз Охайо» (*Policy Matters Ohio*), базирующийся в Кливленде и Колумбусе, провёл исследование, которое показало, что за предыдущие 14 лет банковская отрасль значительно выросла, однако её доля в налоговых поступлениях штата почти не изменилась. Подобный разрыв стал возможным из-за законных лазеек (*loopholes*) в расчёте налога на корпоративную франшизу, являвшегося ключевым для местного банковского сообщества [7]. При губернаторе-республиканце Джоне Кейсике (2011–2019) налог на корпоративную франшизу был заменён специальным налогом на деятельность финансовых институтов, который начисляется по более простой и прозрачной схеме, зато при очень низкой

ставке, и к тому же фактически даёт преимущества крупным компаниям с межштатной географией деятельности [7; 8].

Тесно связанная с налоговой привлекательностью штата и сохраняющаяся более полутора десятилетий устойчивость корпоративного состава местного кредитного бизнеса проявляется по обоим рассматриваемым линиям.

Завершение в уже далёком 2008 году истории кливлендского «Нэшнл сити» до сих пор остаётся для Огайо последней существенной потерей на уровне банковских холдингов. Свою работу успешно продолжают такие большие группы, как «Фифс сёрд бэнкорп» в Цинциннати, «КиКорп» в Кливленде и «Хантингтон бэнкшэрс» в Колумбусе. Каждая из них представляет собой сильный бизнес с широкими территориальными интересами и обеспечивает своему городу позиции как минимум во втором десятке ведущих банковских центров страны. Деятельность этих и некоторых других компаний аналогичного типа привела к тому, что с середины 2010-х годов доля штата в активах, рассчитанных по холдингам, вновь стала расти (см. рис.).

Но всё же эти результаты выглядят достаточно скромными на фоне другого вида кредитно-финансовой деятельности. Банковский профиль Огайо продолжает определяться стратегическим выбором в пользу данного штата, который сделали в своё время «Ю-эс бэнкорп» из Миннесоты и «Джей Пи Морган Чейз» из Нью-Йорка. Особенно большую роль играет вторая из названных корпораций. Как показывает муниципальная отчётность Колумбуса, на протяжении уже многих лет нью-йоркский гигант обеспечивает этому городу примерно в 3,5 раза больше рабочих мест, чем местный холдинг «Хантингтон бэнкшэрс» [9]. Очень высокая и продолжающая расти доля Огайо в активах контролируемых банков (см. рис.) вызывает интерес не только в чисто статистическом плане. Этот феномен наполнен важным содержанием – огромной ролью штата в триллионных финансовых потоках, которыми управляет холдинг «Джей Пи Морган Чейз», одна из крупнейших финансовых сил современного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспективный взгляд, уходящий в прошлое на несколько десятилетий, позволяет понять масштаб и значение территориальных сдвигов в банковской системе США, в том числе и в таком большом штате, как Огайо. Начавшаяся в 1980-е годы либерализация кредитно-финансового сектора сделала неизбежным разделение американских штатов (а также округов и городов) на сравнительно небольшую группу лидеров отрасли и огромное число тех, кто не смог воспользоваться историческим шансом. Огайо с его немалым потенциалом на протяжении 1980-х – начала 2000-х годов принадлежал, скорее, к первой категории, но затем (если говорить о ситуации на уровне банковских холдингов) стал отставать от

некоторых более успешных конкурентов. Впрочем, возвращение Огайо с 2010-х годов к примерно тем же долевым и ранговым показателям, которые фиксировались до начала реформ, в любом случае нельзя назвать провальным результатом.

Более того, относительная неудача на уровне собственных холдингов во многом была компенсирована за счёт прихода в Огайо крупных банков, управляемых холдингами из других штатов. Интерес к Огайо, связанный с его низкими налогами, удобным географическим положением и наличием квалифицированных специалистов, сделал данный штат (наряду с Южной Дакотой) одним из двух абсолютных лидеров страны по активам банков, находящихся под управлением «чужих» холдингов. Но при этом Огайо, в отличие от Южной Дакоты, обладает мощной группировкой собственных холдинговых корпораций. Именно такое сочетание первенства в одной сфере и заметных позиций в другой позволяет рассматривать Огайо в качестве особого звена в банковской системе Соединённых Штатов.

Для старопромышленного Огайо с его непростой историей адаптации к новым условиям сохранение мощного финансового кластера является, подобно произошедшему ещё в 1970–1980-е годы приходу японского автоконцерна «Хонда мотор» (*Honda Motor*) или объявленным в 2022 году планам по строительству гигантского производства процессоров «Интел корпорейшн» (*Intel Corporation*), очень важным источником общей экономической стабильности и создания высококвалифицированных рабочих мест.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Census Bureau. Population. Population Estimates. Historical Data. Available at: <http://www.census.gov/popest/data/historical> (accessed: 18.11.2023).
2. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. Available at: <https://www5.fdic.gov/idasp/advSearchLanding.asp> (accessed: 25.03.2024).
3. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. C.6. Bank Holding Companies and Subsidiary Banks, Domestic and Foreign. Available at: <https://www.fraser.stlouisfed.org/data/#!21:title:1268> (accessed: 16.03.2024).
4. Hansell, S. Keycorp–Society Deal Is Merger of Equals. *The New York Times*. Oct. 5, 1993.
5. Glater, J.D. Citizens Financial Acquires Charter One. *The New York Times*. May 5, 2004.
6. Sanders, E. U.S. Bancorp to Be Sold to Firststar. *The Los Angeles Times*. Oct. 5, 2000.
7. Schiller, Z. Bank Tax Cut Loopholes, Reduces Rates: Proposal Also Provides Unneeded Help to Big Banks. Policy Matters Ohio. Research & Policy. Available at: <https://www.policymattersohio.org/research-policy/quality-ohio/revenue->

budget/tax-policy/bank-tax-cuts-loopholes-reduces-rates-proposal-also-provides-unneeded-help-to-big-banks (accessed: 15.02.2024).

8. Patton, W. Wendy Patton Testifies on the Proposed Financial Institutions Tax (HB 510). Policy Matters Ohio. Research & Policy. Available at: <https://www.policymattersohio.org/research-policy/quality-ohio/revenue-budget/tax-policy/wendy-patton-testifies-on-the-proposed-financial-institutions-tax-hb-510> (accessed: 15.02.2024).

9. The City of Columbus. Annual Comprehensive Financial Reports, 2001–2022. Available at: <https://www.columbus.gov/auditor/Annual-Comprehensive-Financial-Reports> (accessed: 11.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Никитин Л.В. От домны к банку: развитие кредитного сектора в традиционных промышленных центрах США (1980-е – начало 2010-х гг.). *Вестник Пермского университета. История*. 2014. № 2 (25). С. 172–182.

Никитин Л.В. Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт: новейшая история борьбы за лидерство в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х годов). *Новая и новейшая история*. 2015. № 3. С. 128–144.

Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.

Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018. 264 с.

REFERENCES

Anderson, G.H. Is the Rust Belt's Revival Real? Federal Reserve Bank of Cleveland. Economic Commentary. March 1, 1992.

Clarke, A.E., Holly, B. Recent Spatial and Structural Changes in Commercial Banking; a Case Study of Ohio. *The Great Lakes Geographer*. 1994. No. 2. P. 1–13.

Engel, K.C., McCoy, P. The Subprime Virus: Reckless Credit, Regulatory Failure, and Next Steps. New York: Oxford University Press USA, 2011. 368 p.

Glasberg, D.S. The Power of Collective Purse Strings: The Effects of Bank Hegemony on Corporations and the State. Berkeley (Calif.): University of California Press, 1989. 249 p.

Kern, K.F., Wilson, G.S. Ohio: A History of the Buckeye State. Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2013. 544 p.

Martin, I. Making it Happen: Fred Goodwin, RBS and the Men Who Blew Up the British Economy. London: Simon & Schuster, 2013. 361 p.

McCoy, J.B., Sheban, J. Here's the Deal: How the McCoy's Built America's Most Admired Bank, One Acquisition at a Time. Wilmington (Oh.): Orange Frazer Press, 2018. 238 p.

Mullaney, M.M. Biographical Directory of the Governors of the United States, 1988–1994. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1994. 434 p.

Nikitin, L.V. From Blast Furnaces to Banks: Development of Credit Sector in Traditional Industrial Centres of the USA (1980s – Early 2010s). *Perm University Herald. History*. 2014. No. 2 (25). P. 172–182.

Nikitin, L.V. New York, San Francisco and Charlotte: Contemporary History of Competition for Leadership in the U.S. Banking System (1970s – Mid 2010s). *Modern and Contemporary History*. 2015. No. 3. P. 128–144.

Smil, V. Made in the USA: The Rise and Retreat of American Manufacturing. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2013. 332 p.

Smirnyagin, L.V. Regions of the USA: A Portrait of Modern America. Moscow: Mysl, 1989. 379 p.

Travkina, N.M. USA: Changing Algorithm of Evolution. Moscow: Ves mir, 2018. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТИН Леонид Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Российская Федерация, 454080 Челябинск, пр. Ленина, д. 69;

доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет».

Российская Федерация, 454080 Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

Leonid V. NIKITIN, Doctor of Sciences (History), Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 69, Lenina pr., Chelyabinsk 454080, Russian Federation;

Associate Professor, South Ural State University;

76, Lenina pr., Chelyabinsk 454080, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024 / Received 25.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 13.06.2024 / Revised 13.06.2024.

Статья принята к публикации 15.06.2024 / Accepted 15.06.2024.

УДК 316.48

DOI: 10.31857/S2686673024100047

EDN: YVXBNN

Влияние критической расовой теории на современный идейный раскол в США

Д.Н. Воробьёв

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер. д. 2/3.

РИНЦ ID: 1040040 ORCID: 0000-0002-3585-620X e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Резюме: Статья посвящается исследованию влияния академического движения в лице сторонников критической расовой теории (КРТ) на развитие современного американского общества. В работе рассматриваются идейные истоки КРТ, уходящие корнями в наследие Франкфуртской школы. Особое внимание автор уделяет рассмотрению наиболее значимых концепций КРТ, основанных на утверждении о систематической дискриминации расово-этнических меньшинств в США, которую возможно преодолеть исключительно при помощи радикальных социокультурных и правовых изменений. В работе проанализированы последствия влияния КРТ на американскую систему образования как сферы, подвергнувшейся непосредственному практическому воздействию её концепций. Наконец, в статье продемонстрирован переход споров касательно КРТ в политическую плоскость в условиях, когда Республиканская партия рассматривает её распространение как витальную угрозу для традиционных устоев американского общества.

Ключевые слова: Критическая расовая теория, Франкфуртская школа, системный расизм, превосходство белых, система образования США.

Для цитирования: Воробьёв Д.Н. Влияние критической расовой теории на современный идейный раскол в США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(10): 48–63. DOI: 10.31857/S2686673024100047 EDN: YVXBNN

The Influence of Critical Race Theory on the Contemporary Ideological Divide in the USA

Dmitry N. Vorobyev

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Science (ISKРАН);*

2/3, Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 1040040 ORCID: 0000-0002-3585-620X e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of the academic movement represented by supporters of Critical Race Theory (CRT) on the development of modern American society. The paper examines the ideological origins of CRT, rooted in the legacy of the Frankfurt School. The author pays special attention to the consideration of the most significant concepts of CRT, based on the assertion of systematic discrimination against racial and ethnic minorities in the United States, which can only be overcome with the help of radical sociocultural and legal changes. The paper analyzes the consequences of the influence of CRT on the American education system, as an area that was directly exposed to the practical influence of its concepts. Finally, the article demonstrates the transition of disputes regarding CRT to the political plane, in conditions where the Republican Party views its spread as a vital threat to the traditional foundations of American society.

Keywords: Critical Race Theory, Frankfurt School, systemic racism, white supremacy, US education system.

For citation: Vorobyev, D.N. The Influence of Critical Race Theory on the Contemporary Ideological Divide in the USA. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(10): 48–63. DOI: 10.31857/S2686673024100047 EDN: YVXBNN

ВВЕДЕНИЕ

Знаменитый афроамериканский лидер Мартин Лютер Кинг, произнося свою великую речь «У меня есть мечта» 28 августа 1963 года у мемориала Линкольну в Вашингтоне, рассказал о своей надежде, что когда-нибудь в его стране людей будут судить не по цвету кожи, а по их поступкам и личным качествам. Длительная борьба чернокожего населения за равноправие в США увенчалась историческим успехом благодаря принятию закона «О гражданских правах» 1964 года (*The Civil Rights Act of 1964*), который запрещал дискриминацию по признакам расы, цвета кожи, религии, пола или этнической принадлежности.

Казалось бы, в этих условиях состояние межрасовых отношений более не должно быть в числе наиболее проблемных сфер для американского общества. Однако в последнее десятилетие многие учёные, журналисты, активисты и политики всё настойчивее утверждают обратное, говоря о том, что именно расизм является центральной проблемой в США. Сторонники данной точки зрения опираются на так называемую критическую расовую теорию (*Critical Racial Theory*, далее КРТ), которая наряду с другими критическими социологическими теориями, такими как радикальный феминизм и квир-теория, составляет основу современной левоориентированной идеологии прогрессивизма в США.

Академическое движение в лице сторонников КРТ рассматривает расу не как биологический фактор, а как социальную конструкцию. В их понимании, расизм проявляется не вследствие индивидуальных предрассудков отдельных людей, а по причине своего системного характера. Как результат, утверждается, что

расизм в США широко распространён и укоренён в социокультурных, политических и правовых структурах страны в угоду интересам белых американцев. Поддержка Демократической партией подобного рода концепций, ярко проявившаяся с началом 2020-х годов, вызвала ответную реакцию со стороны республиканцев, приведя к активному противостоянию между сторонниками двух партий.

ИСТОКИ КРИТИЧЕСКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИИ

Концепции КРТ как составной части критических социологических теорий были сформированы под непосредственным воздействием представителей так называемой Франкфуртской школы, оформившейся на базе созданного в 1931 году в Германии Института социальных исследований (*Institute for Social Research*; нем. *Institut für Sozialforschung, IfS*). На взгляды его сотрудников оказали основополагающее воздействие диалектика Георга Гегеля, философия Фридриха Ницше, а также учение Карла Маркса, вследствие чего учёные Франкфуртской школы отчётливо придерживались левых позиций.

Нельзя не отметить и непосредственное идейное влияние на Франкфуртскую школу создателя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши, считающегося одним из основоположников неомарксизма. В отличие от традиционных марксистов Грамши фокусировался не на экономическом детерминизме, а на социокультурной сфере. Объясняя причины отсутствия социалистической революции в Италии, он предложил теорию «культурной гегемонии», согласно которой, власти сумели навязать рабочему классу буржуазные ценности с упором на капитализм, религию, традиции, патриархальную семью и верность национальному государству. С точки зрения Грамши, когда стараниями левой интеллигенции ценности социализма станут преобладающими в среде пролетариев, их поддержка культурной контргегемонии приведёт к смене политической власти [Gramsci A., 1971: 26–33].

В 1937 году один из основателей Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер написал манифест под названием «Традиционная и критическая теория» (*Traditional and Critical Theory*; нем. *Traditionelle und kritische Theorie*). Фактически опираясь на взгляды Грамши, он заявил о том, что достижение общества, основанного на социальной справедливости, возможно лишь в случае отказа угнетаемых классов разделять буржуазные убеждения и культурные нормы. Следуя диалектике Гегеля, Хоркхаймер утверждал, что истина не может быть универсальной, на чём настаивала традиционная наука с её выработкой объективных знаний о действительности. Подобного рода позиция, по мнению создателя критической теории, должна была стимулировать рост сопротивления угнетаемых слоёв общества догмам капитализма [Horkheimer M., 1975: 207–240].

Опасаясь преследований со стороны нацистского режима, Хоркхаймер и другие учёные Франкфуртской школы перебрались в 1935 году из Германии в Колумбийский университет в Нью-Йорке. Проживая в США, Хоркхаймер также с сожалением отмечал высокую степень приверженности американского рабочего класса ценностям буржуазного общества [Adorno T.W., Horkheimer M., 2007: 106]. Вернувшись в Германию после окончания Второй мировой войны, Хоркхаймер оставил в США своего помощника Герберта Маркузе, ставшего одним из ведущих представителей движения «новых левых». Будучи свидетелем в Соединённых Штатах волнений, вызванных активизацией борьбы за гражданские права афро-американцев, а также движением против войны во Вьетнаме, Маркузе обратил внимание на различные меньшинства, в особенности расово-этнические, как потенциально новых агентов радикальных перемен [Marcuse H., 1991: 256–257].

Идейное наследие Франкфуртской школы было воспринято представителями так называемой Школы критической правовой мысли (*Critical legal studies*), созданной в США в конце 1970-х годов профессорами права Дунканом Кеннеди, Марком Келманом и прочими. Суть выдвинутой ими теории заключалась в обвинении американского законодательства в явном социальном предубеждении, направленном на защиту интересов исторически привилегированных слоёв населения. Согласно Кеннеди, с виду беспристрастные законы в реальности обеспечивали в США поддержание несправедливой иерархической системы, основанной на патриархальных, расистских и капиталистических порядках. Преодолеть сложившуюся общественную систему, по мнению сторонников Школы критической правовой мысли, возможно лишь посредством масштабного изменения правовых норм. Главную опору в зарождавшемся «прогрессивном» движении они видели в маргинализированных и угнетаемых слоях американского общества, к которым они, в первую очередь, причисляли расово-этнические и сексуальные меньшинства, а также женщин, настаивая на необходимости дальнейшего развития собственной идентичности среди данных групп населения [Kennedy D., 2002: 215–228].

Хотя теоретики КРТ обычно предпочитают говорить о себе как о наследниках Школы критической правовой мысли [Harris A.P., 1995: 741], влияние на них концептов представителей Франкфуртской школы, как и неомарксизма в целом, является неоспоримым.

ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИИ

Моментом появления КРТ принято считать 1989 год, когда на территории Висконсинского университета в Мэдисоне прошёл научный семинар, на котором учёный юрист Кимберли Креншоу предложила термин «критическая расовая

теория» с целью углублённого исследования взаимосвязи расизма и правовой сферы [Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K., 1995: 27]. Среди прочих видных популяризаторов новой теории на начальном этапе её развития выделялись профессора юридических школ Ричард Дельгадо и правовед и борец за гражданские права Деррик Альберт Белл-младший. На протяжении последнего десятилетия идейная база КРТ стала заметно более радикальной под влиянием популяризации движения «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter, BLM*), а также деятельности таких фигур, как американская писательница, ассоциированный профессор образования в Вашингтонском университете Робин Дианджелло, Николь Ханна-Джонс и Ибрам Х. Кенди.

Несмотря на то что позиции приверженцев КРТ могут расходиться по конкретным вопросам, существует ряд идейных концепций, разделяемых большинством теоретиков. Наиболее значимые из них следующие:

1. *Системный (или институциональный) расизм*. Сторонники КРТ убеждены в том, что расизм глубоко укоренён в американских правовых нормах, а также политических и социальных институтах, включая систему образования и правоохранительные органы. По мнению теоретика Шерил Харрис, главной задачей действующего американского законодательства является защита сложившейся системы, основанной на сохранении доминирующего положения белой расы и экономической эксплуатации расово-этнических меньшинств [Harris C.I., 1994: 1709]. Характеристика американского общества как «империалистического капиталистического белого патриархата» [Hooks B., 2013: 4] является канонической для сторонников КРТ. Для радикального изменения ситуации Ибрам Х. Кенди предлагает принять так называемую «антирасистскую поправку» к Конституции США, которая бы включала создание государственного департамента по борьбе с расизмом. По замыслу Кенди, новоиспечённая структура будет наделена обширными полномочиями по анализу существующего американского законодательства на наличие дискриминации по расово-этническому признаку, а также обладать правом применять дисциплинарные взыскания и прочие меры воздействия по отношению к политикам и чиновникам, придерживающимся расистских взглядов [Kendi I. X., 2019]. Появление подобного рода государственной структуры сродни созданию четвёртой ветви политической власти в США, что, безусловно, нанесло бы существенный удар по сложившейся системе сдержек и противовесов.

2. *Превосходство белых*. Апологеты КРТ убеждены в том, что основанная на расизме система позволяет извлекать выгоду всем представителям белого населения вне зависимости от их материального положения. Вместе с тем белые могут и не ощущать свои институциональные привилегии, так как воспринимают сложившуюся систему как само собой разумеющееся. Отказ признавать факт систематической дискриминации расово-этнических меньшинств в США рассматривается как проявление пассивного расизма. Как отмечает Робин Дианджелло принцип

превосходства белых заложен в скрытом виде в доминирующих в американском обществе взглядах на социальные и культурные нормы [DiAngelo R., 2018: 28]. Многие теоретики КРТ причисляют к проявлению превосходства белых даже приверженность таким качествам, как перфекционизм, пунктуальность, вежливость, объективность или строгость [5].

3. *Конвергенция интересов.* Так как апологеты КРТ рассматривают белых как единую социокультурную идентичность, они утверждают, что в рамках защиты своего привилегированного положения данная группа населения пытается не допустить реального изменения баланса не в свою пользу. Согласно предложенной Дерриком Альбертом Беллом-младшим в 1980 году концепции конвергенции интересов, белые американцы, желая и дальше контролировать властные институты, стремятся извлечь собственную выгоду от достижений угнетённых слоёв населения в борьбе за свои права. В качестве примера Белл заявляет, что главными бенефициарами политики «положительных действий», сконцентрированной на продвижении мало представленных слоёв населения в сферах образования и трудоустройства, по итогу стали белые женщины, а значит, и всё белое общество [Bell D.A. Jr., 1980: 532].

4. *Интерсекциональность.* Данная концепция, предложенная «крёстной матерью» критической расовой теории К. Креншоу, выходит за рамки сугубо проблемы расового неравенства, рассматривая взаимовлияние таких компонентов, как раса, класс, пол, сексуальная ориентация, инвалидность и т.д. По мнению Креншоу, пересечение данных критериев приводит к формированию различных «осей угнетения», способных усилить эффект дискриминации [Crenshaw K., 1991: 1255]. Таким образом, бедная чернокожая женщина автоматически находится в гораздо более невыгодном положении из-за большего количества «осей угнетения», чем чернокожий мужчина из среднего класса.

5. *Исторический контрнарратив.* Сторонники КРТ считают, что преодолеть последствия системного расизма невозможно без переосмысления американского прошлого. При этом, опираясь на наследие критической теории, они отрицают существование объективной истории, основанной на анализе широкого круга источников. Вместо этого приверженцы КРТ концентрируют внимание на осмыслении пережитого опыта на основе таких эпистолярных источников, как биографии и мемуары, игнорируя невыгодные исторические факты. В августе 2019 года журнал (воскресный выпуск газеты) «Нью-Йорк таймс» (*The New York Times*) опубликовал сборник эссе под названием «Проект 1619» (*The 1619 Project*), посвящённый четырём столетиям высадки первых чернокожих невольников на территории североамериканской колонии Вирджиния. В эссе под названием «Американская идея» (*The Idea of America*) куратор проекта Николь Ханна-Джонс заявила, что реальной причиной независимости североамериканских колоний было желание британского короля отменить рабство. По мнению журналистки, США никогда

не соответствовали демократическим идеалам, заявленным в Декларации независимости, а магистральная идея американской истории, отсчитываемой ей с появления института рабства в 1619 году, заключалась в поддержании системы, основанной на господстве белой расы. Полностью игнорируя вклад белых активистов и политиков в движение за гражданские права, Ханна-Джонс объявила чернокожих американцев истинными отцами-основателями как единственных настоящих поборников борьбы за прогресс в США. Несмотря на выдающийся вклад в создание американской демократии, по словам журналистки, чернокожее население продолжает и по сей день чувствовать на себе последствия нескольких веков расовой дискриминации [6]. В качестве акта исторической справедливости приверженцы КРТ требуют выплатить репарации потомкам рабов, что может стоить американским властям триллионы долларов.

6. *Антилиберализм*. Сторонники КРТ негативно относятся к идеалам классического либерализма, основанным на капитализме, свободе слова, индивидуализме, меритократии, равенстве перед законом, гарантии права собственности [Delgado R., Stefancic J., 2001: 3]. В их понимании, данные принципы, стоящие на защите основ существующей системы, не позволяют осуществить необходимую глубокую перестройку американского общества. Исходя из правовой теории несопоставимого воздействия, апологеты КРТ считают, что любая нейтральная с точки зрения закона политика является в действительности дискриминационной, если приводит к непропорциональным результатам среди представителей различных групп, в том числе и по расово-этническому признаку [Carle S.D., 2010: 256]. Ввиду данного принципа приверженцы КРТ допускают ущемление прав белого населения в интересах жертв системы. По мнению Кенди, подобного рода меры являются не чем иным, как антирасистской дискриминацией, а следовательно, подходящим средством борьбы с межрасовым неравенством [Kendi I.X., 2019: 19].

7. *Разнообразие, равенство и инклюзивность (Diversity, equity and inclusion, DEI)*. Данная концептуальная структура, являющаяся одной из опор американского левого прогрессивного движения, продвигается преимущественно в форме тренингов не только с целью популяризации политики «положительных действий», но и пропаганды прочих постулатов КРТ. Понятия «разнообразие» и «инклюзивность» связаны с поощрением большего многообразия в трудовом коллективе за счёт увеличения количества представителей различных идентичностей. Относительно термина «равенство» важно отметить, что используется не слово *equality*, под которым подразумевается равенство возможностей, а *equity*, означающее равенство результатов [16]. Делая упор на необходимости внедрения расовых квот, сторонники КРТ не рассматривают профессиональные навыки как важнейший фактор построения успешной карьеры.

Таким образом, идейные концепции апологетов КРТ основываются на отказе от традиционных для США социокультурных и правовых норм, подразумевающая необходимость проведения радикальной перестройки деятельности американских общественных и государственных институтов в интересах расово-этнических меньшинств.

ВЛИЯНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИИ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В США

Апологеты КРТ добились серьёзной популяризации своих концепций за последнее десятилетие. Контент-анализ научных исследований, проведённый учёным Дэвидом Розадо в 2022 году, продемонстрировал, что популярность терминологии, используемой сторонниками КРТ, планомерно набирала популярность в академических кругах США с 1990-х годов. В середине 2010-х годов американские СМИ сравнивались с учёными по частоте использования таких терминов, как «расизм», «расовое разнообразие» или «белые привилегии» [Rozado D., 2022: 20–25]. В это же время приверженцы КРТ стали доминировать и среди общественных активистов, специализирующихся на борьбе за гражданские права афроамериканцев. Созданное в 2013 году популярное движение «Жизни чёрных имеют значение» полностью разделяло теоретическое наследие КРТ о существовании системного расизма в США [22]. В свою очередь, тренинги, основанные на концепции разнообразия, равенства и инклюзивности, стали обыденными мероприятиями не только в корпоративной среде, но и у федеральных чиновников уже в период президентства Д. Трампа [18].

По-настоящему звёздный час КРТ настал после протестов и беспорядков, произошедших летом 2020 года, и гибели афроамериканца Джорджа Флойда при полицейском задержании. Благотворительные фонды выделили миллиарды долларов различным общественным и исследовательским организациям на инициативы по борьбе за межрасовое равноправие в США [17]. В 2021 году в каждом американском университете работало порядка 45 сотрудников, специализирующихся на продвижении этой концепции, что в среднем превышало в 1,4 раза количество преподавателей истории на один вуз [Greene J.P., Paul J.D., 2021: 2].

Примечательно, что подобного рода концентрация внимания на проблемах расизма и прочей дискриминации привела не к стремительному улучшению межрасовых отношений в американских высших учебных заведениях, а к попыткам возродить в их стенах практику расовой сегрегации. Например, Нью-Йоркский университет отличился организацией отдельных выпускных церемоний для представителей разных расово-этнических групп, в то время как в Колумбийском университете местные активисты из числа афроамериканцев потребовали заселять чернокожих студентов в общежития отдельно от остальных [11].

Заявления сторонников КРТ о существовании в США системного расизма также нашли поддержку в лице истеблишмента Демократической партии. Такие «синие» штаты, как Калифорния, Орегон, Вашингтон и Иллинойс, стали пионерами в процессе широкого внедрения КРТ в школьную программу, не только в области предметов социально-экономического профиля, но и английского языка, а также естественных наук, включая математику [20]. В апреле 2021 года администрация президента Дж. Байдена предложила выделить федеральный грант для государственных школ, в котором было бы уделено приоритетное внимание проблемам межрасовых отношений с точки зрения КРТ [15]. Однако, столкнувшись с общественным резонансом по этому поводу, администрация Белого дома объявила об отмене своего решения.

Вместе с тем отсутствие прямой федеральной помощи не помешало концепциям КРТ глубоко проникнуть в систему американского школьного образования, несмотря на опровержения со стороны крупнейших профсоюзов педагогов США, таких как Американская федерация учителей (*American Federation of Teachers*). Организация одобряет учебные программы, включающие изучение в школах «Проект 1619», а также различные концепции КРТ, такие как системный расизм [13].

Анализ, проведённый Манхэттенским институтом политических исследований (*Manhattan Institute for Policy Research*) в 2022 году на основе опросов американской молодёжи 18–20 лет, показал, что абсолютное большинство школьников слышали хотя бы об одной концепции КРТ в период обучения в старших классах. Об этом заявило 83% опрошенных учеников частных школ и 85% респондентов из числа учащихся государственных школ. Важно отметить, что районы с высокой долей жителей из числа расово-этнических меньшинств оказались несколько больше подвержены влиянию КРТ: об изучении хотя бы одной её концепции заявило 77% белых, 85% испаноязычных и 89% чернокожих респондентов. Вместе с тем школы, расположенные в районах с преимущественно белым населением, поддерживающим Республиканскую партию, оказались в наименьшей степени подвержены влиянию КРТ: 66% белых респондентов из числа сторонников республиканцев заявили об изучении в школе концепций КРТ, в то время как среди белых демократов этот показатель составил 84%.

Исследование также продемонстрировало, что процесс преподавания КРТ в американских школах нередко представляет собой не что иное, как индоктринацию. Лишь 32% опрошенных заявили, что они изучали научные концепты, опровергающие доводы КРТ, большинство, 41%, сообщило, что контраргументы преподавались как несущественные, в то время как 27% респондентов и вовсе рассказали о том, что КРТ преподносилась им как абсолютная истина.

Наконец, как показало исследование, наиболее важным следствием преподавания КРТ в школах является влияние данного фактора на политические взгляды

американской молодёжи. Ученики школ, не подверженных влиянию КРТ, оказались в достаточно равной степени поделены по политическому и идеологическому принципу: 28% либералов и 25% консерваторов, 20% сторонников демократов и 27% – республиканцев. Однако по мере роста влияния КРТ на образовательную программу этот паритет резко нарушается: среди учеников, подробно изучавших «прогрессивную» повестку, лишь 5% отнесли себя к консерваторам и 7% – к числу республиканцев, в то время как 57% назвали себя либералами и ещё 53% – сторонниками демократов [Goldberg Z., Kaufman E., 2023: 2–35].

Исходя из этого обстоятельства, дальнейшее усиление влияния КРТ на американскую систему образования может привести к радикальным изменениям в расстановке политических сил в США не в пользу Республиканской партии.

БОРЬБА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ С КРИТИЧЕСКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИЕЙ

Споры относительно доводов КРТ преимущественно не выходили за пределы академических кругов вплоть до масштабных протестов и беспорядков лета 2020 года, когда проблема межрасовых отношений в США вновь актуализировалась. Консерваторы стали рассматривать КРТ, как одно из главных орудий воукизма (*woke culture* – «культура проснувшихся») для осуществления марксистской «культурной революции». Под определением «воукизм» консерваторы подразумевают проявление радикальных социокультурных концептов левого «прогрессивного» движения США. В свою очередь, либеральная общественность видит в атаках консерваторов на КРТ попытки ограничить свободу слова, а также обозначить проблему, способную мобилизовать правый электорат [21].

Опросы, проведённые журналом «Экономист» (*The Economist*) зимой 2021 года, показали, что большинство американцев практически ничего не знали о том, что такое КРТ: лишь 26% респондентов заявили, что хорошо разбираются в этом вопросе. При этом среди тех, кто заявил о высокой степени осведомлённости в данном вопросе, личное восприятие КРТ напрямую зависело от политических пристрастий: о положительном отношении заявило порядка 85% демократов, в то время как около 90% республиканцев придерживались негативного мнения о ней [1].

Определённые меры, направленные против КРТ, были предприняты ещё президентом Трампом. В сентябре 2020 года глава Белого дома объявил о запрете федерального финансирования учебных программ, включавших в себя концепции КРТ [4]. Кроме того, Трамп сообщил о создании консультативного комитета «Комиссия 1776» (*The 1776 Commission*) для стимулирования «патриотического воспитания» американской молодёжи посредством развенчания исторического

контрнарратива, основанного на идеях КРТ. Постановления Трампа были отменены уже в начале 2021 года новой администрацией демократа Байдена.

После того как власть в федеральном центре перешла к демократам, борьба республиканцев против распространения КРТ в сфере образования в США перешла на региональный уровень, где примером для подражания стала деятельность губернатора Флориды Рона Десантиса. 19 апреля 2022 года им был подписан Сенатский закон № 7044 о высшем образовании (*SB 7044: Postsecondary Education*), который потребовал от государственных университетов штата регулярно менять аккредитационные агентства [19], что, по замыслу законодателей, должно понизить влияние таких организаций, как «Южная ассоциация колледжей и школ» (*Southern Association of Colleges and Schools*), открыто заявляющих о своей поддержке концепции разнообразия, равенства и инклюзивности. Более того, 1 июля 2022 года во Флориде вступил в силу закон «Об индивидуальной свободе» (*Individual Freedom Act*, более известный как *Stop WOKE Act*), запретивший государственным школам и университетам Флориды нанимать консультантов по КРТ, преподавать данную теорию в школах, а также требовать от работодателей участия сотрудников в тренингах по продвижению концепции [9].

Успехи Десантиса в борьбе с распространением КРТ стимулировали действия республиканцев по всей территории США. К весне 2024 года власти 28 из 50 штатов приняли различные законодательные меры по ограничению применения КРТ на своей территории. В то время как подобного рода волна законодательства затронула преимущественно «красные» штаты, она также коснулась и продемократические штаты на уровне конкретных городов и даже отдельных школьных округов. К настоящему моменту лишь в 10 штатах (Иллинойс, Невада, Мэн, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Джерси, Делавэр и Гавайи) не принято никаких законов, ограничивающих использование КРТ [2].

Меры республиканцев направлены на достижение следующих результатов:

- Воспрепятствовать преподаванию КРТ в государственных школах, как концепции, призывающей к расовой дискриминации белого населения (в Техасе данное требование также распространено и на чартерные школы);
- Запретить государственным университетам и школам нанимать сотрудников для продвижения программ, построенных на концепции разнообразия, равенства и инклюзивности (подобные меры успешно приняты в 2024 году в Алабаме и Юте [7]);
- Признать вне закона участие сотрудников в обязательных рабочих тренингах на основе этой концепции (более умеренный подход, который республиканцы стремятся провести в штатах с сильными позициями Демократической партии);

- Усилить общественный контроль над школьным образованием посредством права родителей получать открытую информацию о деталях учебной программы (примером успешной реализации служат Флорида и Техас [8]).

Активные усилия Республиканской партии, направленные против КРТ, несомненно, оказывают влияние нпо данной проблеме. В ходе опроса, проведённого консервативной организацией «Саммит Министрис» (*Summit Ministries*) совместно с исследовательским центром «Маклафлин и партнёры» (*McLaughlin and Associates*) в конце декабря 2022 года, две трети респондентов заявили о том, что преподавание концепций КРТ не способствует улучшению межрасовых отношений среди американской молодёжи. С подобным утверждением согласилось не только большинство республиканцев (74% – за, 16% – против), но и независимых (57% – за, 24% – против) и даже демократов (40% – за, 35% – против) [14].

Апологеты КРТ также замечают перемены в общественном мнении. В интервью телеканалу «Си-эн-эн» (*CNN*) в марте 2023 года Кенди признался, что импульс на проведение радикальных изменений против системного расизма в США оказался упущен [3]. Когда проблема КРТ занимает важное место в президентской кампании Трампа 2024 года [10], возвращение республиканца в Белый дом, безусловно, подстегнёт дальнейшее выступление его однопартийцев против использования принципов КРТ в трудовой и образовательной сферах. Вместе с тем в условиях ограниченности возможностей федерального центра влиять на систему образования штатов, лишь дальнейшее ухудшение общественного мнения по отношению к КРТ может привести к изменению позиции властей регионов, находящихся под управлением Демократической партии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идейные истоки Критической расовой теории (КРТ) можно обнаружить в интеллектуальном наследии созданной в 1930-е годы Франкфуртской школы, представители которой, исходя из неомарксистских позиций, перевели противостояние «угнетатель – угнетённый» в социокультурную плоскость. Концепции сторонников Франкфуртской школы были развиты появившейся в конце 1970-х годов Школой критической правовой мысли, чьи приверженцы заявили о существовании в США систематической правовой дискриминации расово-этнических меньшинств, закрепившейся ввиду доминирования в социокультурном пространстве норм и традиций белых американцев.

КРТ базируется на ряде основополагающих идейных концепций, включая представление о существовании в США системного расизма, обеспечивающего «превосходство белых», то есть положение дел, при котором расово-этнические меньшинства оказываются обделёнными властью и богатствами. Исходя из концепции интерсекциональности, степень угнетения расово-этнических

меньшинств также зависит от их пола, сексуальной ориентации или класса. Теоретики КРТ делают ставку на продвижение исторического контрнарратива и концепции «разнообразия, равенства и инклюзивности» (ДЕИ), отвергая важность свободы слова, меритократии, равенства перед законом и прочих классических либеральных ценностей. Лишь радикальная перестройка социокультурных и правовых норм, по мнению сторонников КРТ, может привести к слому системного расизма в США.

Усиление влияния КРТ на жизнь американского общества произошло после протестов лета 2020 года во главе с движением «Жизни чёрных имеют значение». Как результат, идеи на основе КРТ широко распространились не только в системе высшего, но и школьного образования в США, в особенности в районах с высоким уровнем поддержки Демократической партии и большим расово-этническим разнообразием населения. Кроме того, концепции КРТ нередко преподносятся ученикам как безапелляционная истина, что, безусловно, влияет на политические предпочтения американской молодёжи в пользу более левой повестки.

В этой связи консервативная общественность стала рассматривать КРТ как серьёзнейшую угрозу традиционным укладам американского социума. За последние несколько лет Республиканская партия предпринимала значительные меры по ограничению влияния КРТ на систему образования США как на региональном, так и сугубо на локальном уровне в зависимости от штата. В то же время окончательное ослабление позиций КРТ невозможно без отхода истеблишмента Демократической партии на более умеренные позиции в вопросе оценки межрасовых отношений в США.

ИСТОЧНИКИ

1. Americans who have heard of critical race theory don't like it. *The Economist*. June 17, 2021. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/06/17/americans-who-have-heard-of-critical-race-theory-dont-like-it> (accessed 02.03.2024).

2. Anti-CRT efforts introduced at the local, state, and federal levels. *CRT Forward*. Available at: <https://crtforward.law.ucla.edu/map/> (accessed 20.04.2024).

3. Blake, J. Ibram, X. Kendi says a backlash has 'crushed' the nation's racial reckoning. *CNN*. March 26, 2023. Available at: https://edition.cnn.com/2023/03/18/us/ibram-kendi-racial-reckoning-blake-cec/index.html?utm_source=pocket_saves (accessed 15.04.2023).

4. Executive Order on Combating Race and Sex Stereotyping. The White House National Archives. September 22, 2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-combating-race-sex-stereotyping/> (accessed 28.03.2021).

5. Greene, J.P., Paul, J.D. Diversity University: DEI Bloat in the Academy. *Background-ner*. No. 3641. July 27, 2021. 18 pp.
6. Gutmann, A., Rossi, P. Inside the Woke Indoctrination Machine. *The Wall Street Journal*. February 11, 2022. Available at: <https://www.wsj.com/articles/inside-the-woke-indoctrination-machine-diversity-equity-inclusion-bipoc-schools-conference-11644613908> (accessed 09.01.2024).
7. Hannah-Jones, N. The Idea of America. *The New York Times Magazine*. August 14, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/black-history-american-democracy.html> (accessed 05.11.2023).
8. House Bill 261. Equal Opportunity Initiatives. Signed 30 January, 2024. Utah State Legislature. Available at: <https://le.utah.gov/~2024/bills/static/HB0261.html> (accessed 19.02.2024).
9. House Bill 3979. Passed 15 June, 2021. Texas Legislature Online. Available at: <https://capitol.texas.gov/BillLookup/history.aspx?LegSess=87R&Bill=HB3979> (accessed 17.10.2022).
10. Individual Freedom Act. Effective Date: 1 July, 2022. The Florida Senate. Available at: <https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2022/7/ByVersion> (accessed 13.05.2023).
11. Jimenez, K. Trump vows to cut federal funding for schools teaching CRT, accommodating transgender students. *USA Today*. 13 March, 2023. Available at: <https://eu.usatoday.com/story/news/education/2023/03/13/trump-vows-more-school-choice-parental-rights-less-crt-trans-insanity/11465592002/> (accessed 17.06.2023).
12. Kearns, M. Segregation Returns to Campus. *National Review*. August 25, 2020. Available at: <https://www.nationalreview.com/2020/08/segregation-returns-to-campus/> (accessed 15.09.2021).
13. Kendi, I.X. Pass an Anti-Racist Constitutional Amendment. *Politico Magazine*. 2019. Available at: <https://www.politico.com/interactives/2019/how-to-fix-politics-in-america/inequality/pass-an-anti-racist-constitutional-amendment/> (accessed 17.01.2024).
14. Myers, V. Connecting history to racism today: Teaching the 1619 Project. American Federation of Teachers. February 24, 2021. Available at: <https://www.aft.org/news/connecting-history-racism-today-teaching-1619-project> (accessed 02.02.2024).
15. Poll Results: More Than Two-Thirds of American Voters Say Critical Race Theory is Further Dividing Young People. Summit Ministries. January 18, 2023. Available at: <https://www.summit.org/about/press/poll-more-than-two-thirds-of-american-voters-say-critical-race-theory-is-further-dividing-young-people/> (accessed 25.07.2023).

16. Proposed Priorities – American History and Civics Education. *Federal Register*. 19.04.2021. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/04/19/2021-08068/proposed-priorities-american-history-and-civics-education> (accessed 17.12.2023).

17. Putnam-Walkerly, K., Russell, E. What the Heck Does ‘Equity’ Mean? *Stanford Social Innovation Review*. September 15, 2016. Available at: https://ssir.org/articles/entry/what_the_heck_does_equity_mean (accessed 15.10.2023).

18. Reuters. Factbox: Corporations Pledge \$1.7 Billion to Address Racism, Injustice. *U.S. News*. June 9, 2020. Available at: <https://www.usnews.com/news/top-news/articles/2020-06-09/factbox-corporations-pledge-17-billion-to-address-racism-injustice> (accessed 24.03.2022).

19. Rufo, C.F. Obscene Federal «Diversity Training» Scam Prospers – Even Under Trump. *New York Post*. July 16, 2020. Available at: <https://www.ny-post.com/2020/07/16/obscene-federal-diversity-training-scam-prospers-even-under-trump/> (accessed 10.10.2023).

20. Senate Bill 7044: Postsecondary Education, Last Action: 19 April, 2022. The Florida Senate. Available at: <https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2022/7044> (accessed 13.05.2023).

21. Stieglitz, B. Now MATH is racist. *Daily Mail*. June 23, 2021. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9717063/Educators-slam-math-work-book-claims-racist-ask-students-right-answer.html> (accessed 18.04.2023).

22. Tensley, R. The engineered conservative panic over critical race theory, explained. *CNN*. July 8, 2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/07/08/politics/critical-race-theory-panic-race-deconstructed-newsletter/index.html> (accessed 22.02.2024).

23. Vision for Black Lives: Policy Platform. *M4BL*. Available at: <https://m4bl.org/policy-platforms/end-the-war-on-black-communities/> (accessed 05.12.2021).

REFERENCES

Adorno, T.W., Horkheimer, M. *Dialectic of Enlightenment (Cultural Memory in the Present)*. Redwood City, 2007. 304 pp.

Bell, D.A., Jr. *Brown v. Board of Education and the Interest-Convergence Dilemma*. *Harvard Law Review*. Vol. 93, No. 3. January, 1980. Pp. 518–533.

Carle, S.D. *A Social Movement History of Title VII Disparate Impact Analysis*. *Florida Law Review*. Vol. 63, No. 1. 2010. Pp. 251–300.

Crenshaw, K. Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*. Vol. 43, No. 6. July 1991. Pp. 1241–1299.

- Crenshaw, K., Gotanda, N., Peller, G., Thomas, K. *Critical Race Theory: The Key Writings that Formed the Movement*. N.Y., 1995. 534 pp.
- Delgado, R., Stefancic, J. *Critical Race Theory: An Introduction*. N.Y., 2001. 188 pp.
- DiAngelo, R. *White Fragility*. Boston, 2018. 192 pp.
- Goldberg, Z., Kaufman, E. *School Choice Is Not Enough: The Impact of Critical Social Justice Ideology in American Education*. Manhattan Institute for Policy Research. February 2023. 48 pp.
- Gramsci, A. *Selections from the Prison Notebooks*. N.Y., 1971. 572 pp.
- Harris, A.P. Foreword: The Jurisprudence of Reconstruction. *California Law Review*. Vol. 82, No. 4. July 1994. Pp. 741 – 785.
- Harris, C.I. Whiteness as Property. *Harvard Law Review*. Vol. 106, No. 8. June 1993. Pp. 1707–1791.
- Hooks, B. *Writing Beyond Race: Living Theory and Practice*. N.Y., 2013. 208 pp.
- Horkheimer, M. Traditional and Critical Theory. *Critical Theory: Selected Essays*. N.Y., 1975. Pp. 188–244.
- Kendi, I.X. *How to be an Antiracist*. London, 2019. 320 pp.
- Kennedy, D. The Critique of Rights in Critical Legal Studies. *Left Legalism/Left Critique*. Durham, 2002. Pp. 178–228.
- Marcuse, H. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Boston, 1991. 260 pp.
- Rozado, D. Themes in Academic Literature: Prejudice and Social Justice. *Academic Questions*. Vol. 35, No. 2. Summer 2022. Pp. 16–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОРОБЬЁВ Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Dmitry N. VOROBYEV, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024 / Received 28.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 16.05.2024 / Revised 16.05.2024.

Статья принята к публикации 18.05.2024 / Accepted 18.05.2024.

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024100058

EDN: YVVRCA

Эволюция военного присутствия США в Европе (2017–2023 годы)

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 51/21.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus Author ID: 57211605240

РИНЦ ID: 878094 ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: 1trunov@mail.ru

Резюме. В статье предпринята попытка проследить эволюцию группировки США в 2017–2023 годы в европейской части зоны ответственности НАТО в целом и в важнейших государствах-реципиентах присутствия. Используются положения теории строительства вооружённых сил. Сравнивается размер присутствия Соединённых Штатов в Европе к окончанию холодной войны и в условиях современной конфронтации с РФ. К середине 2020-х годов близким к предельному признан размер группировки США в Европе в 100 тыс. военных, оптимальный с учётом возможностей и задач – в 80 тыс. солдат и офицеров. Исследуется динамика числа единовременно развёрнутых в Европе войсковых бригад Армии США. В работе изучается эволюция состава контингентов Соединённых Штатов в Италии, Германии (преобладание уже не войсковых частей, а различных сил поддержки), их роль как доноров для комплектования группировок в Восточной Европе. Раскрыты формы создания военного присутствия на севере Норвегии. Показаны особенности подхода США к ротационному развёртыванию бронетанковой бригады в Польше (с 2017 года), воздушно-десантной – в Румынии (с 2022 года), создание в обеих странах сетки штабов, в том числе дивизионных и армейского корпуса. Заметный рост военного присутствия США в Европе в феврале – июне 2022 года задал рамочные условия для новой модели войск НАТО (на Мадридском саммите) и внесения основной нагрузки в неё европейскими государствами-членами.

Ключевые слова: вооружённые силы, контингенты, США, Европа, НАТО, Германия, Италия, Норвегия, Польша, Румыния, стратегическое влияние, конфронтация.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе (2017–2023 годы). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(10):64–80.

DOI: 10.31857/S2686673024100058 EDN: YVVRCA

The Evolution of the U.S. Military Presence in Europe (2017–2023)

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences

Russian Academy of Sciences (INION RAS).

51/21, Nahimovskiy pr., Moscow 117997, Russian Federation.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus Author ID: 57211605240

РИНЦ ID: 878094 ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: 1trunov@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the U.S. military presence in Europe as the whole and in key NATO member states between 2017 and 2023. The author employs the theory of armed forces development. The paper compares the size of the U.S. military presence in Europe at the end of the Cold War with that during the contemporary confrontation with Russia. By the mid-2020s, the size of the U.S. military presence, nearing 100 thousand troops can be considered close to its upper limit. The optimal level, taking into account capabilities and objectives, was estimated at 80 thousand troops. The dynamics of U.S. Army brigades' deployments in Europe are explored. The article also traces the evolution of U.S. contingents in Italy and Germany, where military units were no longer predominant, having been largely replaced by various support forces, and their role as sources for reinforcing the U.S. forces in Eastern Europe. Also, the forms of U.S. military presence in Northern Norway are discussed. The author explores the U.S. approach to the rotational deployment of the Armored Brigade Combat Team (ABCT) in Poland (since 2017) and the Infantry Brigade Combat Team (IBCT) in Romania (since 2022), along with the establishment of division and corps headquarters in both countries. The noticeable increase in U.S. military presence in Europe between February and June 2022 set the framework for the New NATO Force Model (NNFM), approved at Madrid summit, and underscored the significant contributions made by European member states.

Keywords: Armed forces, contingents, USA, Europe, NATO, Germany, Italy, Norway, Poland, Romania, strategic influence, confrontation.

For citation: Trunov, Ph.O. The Evolution of the U.S. Military Presence in Europe (2017–2023). *USA & Canada: Economics, Politics. Culture.* 2024; 54(10): 64–80.

DOI: 10.31857/S2686673024100058 EDN: YVVRCA

ВВЕДЕНИЕ

Военные силы США в Европе после холодной войны выступали символом мощи, выполняли функции по практической поддержке партнёров по НАТО, побуждали их к направлению контингентов войск и финансовой нагрузке (прежде всего под эгидой альянса), которая отвечала бы интересам Белого дома. Удельный вес группировки от общей численности ВС США и её состав (соотношение боевых и вспомогательных компонентов) указывали на реальную важность европейских государств – членов НАТО в стратегическом планировании Белого дома. Расположение войск США по субрегиональным направлениям свидетельствовало о фактической приоритетности для их конкретного межгосударственного диалога.

С учётом географических особенностей основу сил США в Европе составляли прежде всего наземные формирования.

Эволюции военного присутствия США в Европе посвящён массив научных исследований. Однако пока ещё ограниченное внимание уделено хронологическому отрезку с 2017 года, когда силы США уровня бригады появились и стали расти в Восточной Европе – новой, возникшей в результате расширений НАТО, передовой зоне её ответственности. Публикации охватывали середину или вторую половину 2010-х годов [Зверев Ю.М., 2017], либо очень короткие (вплоть до нескольких недель) этапы в 2022 году, либо фокус был сделан лишь на континенте в одном государстве-реципиенте [Истомин И.А., Соколов А.П., 2021].

Задача статьи – исследовать динамику, детерминированность и значение эволюции военного присутствия США в европейской части зоны ответственности НАТО в 2017–2023 годах. Автор опирался на положения теории строительства вооружённых сил и возможности сравнительного анализа. В работе акцент сделан на ротационном и первых элементах постоянного присутствия ВС США, а не на кратковременном пребывании в ходе учений.

ОБЩИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Перед окончанием холодной войны, в 1989 году, в Европе находились 319 тыс. военных [1: 27], или 14,2% общей численности ВС США (2,241 млн [2: 7]). Из 319 тыс. на долю наземных сил приходилось 211 тыс., из них 196 тыс. подчинялись командованию США в Европе (*USAREUR*); на ВВС приходилось 94 тыс. [1: 28]. Почти все войска были дислоцированы на постоянной основе. В Европе находилось порядка 4,8 тыс. единиц тактического ядерного оружия (ТЯО) США [Зверев Ю.М., 2017a].

Географически подавляющее большинство 319-тысячных сил (239 тыс. военных, или почти 75%) располагалось в Западной Германии [1: 27]. Основу составляли два армейских корпуса (АК – V АК и VII АК), сведённые под управление 7-й полевой армии. Каждый из них имел по две «большие» по численности дивизии – бронетанковую (*бртд*) и механизированную (*мехд*), каждая из которых состояла из трёх войсковых бригад. В прямом подчинении АК находились по одному бронекавалерийскому полку (*бркп*) бригадного типа, две-три артиллерийские, армейская авиационная и инженерная бригады; иногда ещё одна бронетанковая бригада [Зверев Ю.М., 2017]. Всего контингент США в ФРГ имел 15 наземных войсковых (танковых, механизированных, пехотных) бригад. Здесь также были основные силы 17-й воздушной армии (пять тактических крыльев) [Зверев Ю.М., 2017]. Если ФРГ была важнейшим местом дислокации Армии США, то для ВВС соизмеримую роль играла Великобритания, где дислоцировалась 3-я воздушная

армия, включавшая четыре тактических крыла [Зверев Ю.М., 2017]. Основу военно-морской группировки США составлял 6-й оперативный флот. Его главные силы базировались в Средиземном море.

Контингенты США располагались и в остальных европейских странах – участницах НАТО. Наиболее значительными они были в Великобритании (до 30 тыс.), Италии (14 тыс.), Испании (8 тыс.); от 2,5 тыс. до 5 тыс. – в Турции, Греции, Исландии, Нидерландах и Бельгии [1: 27]. Так, в Норвегии находилось лишь 0,2 тыс. военных США [1: 27]. Соответственно, Белый дом концентрировал свои контингенты в Европе в составе I стратегического эшелона (до 80%), заметно менее масштабно участвовал в комплектовании II эшелона. При огромных количественных различиях контингентов в странах – участницах НАТО присутствие США было *географически диверсифицировано*. Что касается *эшелонирования* в глубину, оно было обеспечено благодаря тому, что главные силы Армии и в целом ВС США были дислоцированы в континентальной части страны, но готовы к переброске в Европу. Для их быстрого развёртывания была подготовлена широкая сеть складов с военной техникой и с разными видами материально-технического обеспечения (программа ПОМКУС; *POMCUS – Prepositioning of Material Configured in Unit Sets*). Большинство складов было сосредоточено в Бельгии, Нидерландах и в Западной Германии (запасы для двух бронетанковых дивизий, трёх механизированных дивизий, одного бронекавалерийского полка, «лёгкой» дивизии, что удвоило бы группировку). В Норвегии имелось всё необходимое для бригады Корпуса морской пехоты (КМП) [Зверев Ю.М., 2017].

Показатели 1989 года были очень близки к тем, которые наблюдались в 1980-е годы в целом [см.: 3]. В 1989–2014 годах, на протяжении четверти века после холодной войны, присутствие США в Европе *численно* сократилось – с 319 тыс. до 64 тыс. военных [1: 27; 3], то есть в 5 раз. В целом численность ВС США снизилась почти в 1,7 раза – с 2 241 тыс. до 1 338 тыс. солдат и офицеров [2: 7; 4: 12]. Уменьшение группировки США в Европе происходило в 3 раза быстрее, чем сокращение всей «военной машины» страны. Это отражало снижение удельного веса европейской части зоны ответственности НАТО в стратегическом планировании США – прежде всего в пользу Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) [Батюк В.И., 2021; Васильев В.С., 2022]. В 2014–2020 годах численность группировки США в Европе оставалась в диапазоне 62 тыс. – 64 тыс. военнослужащих [3], несмотря на конфронтацию с РФ, начавшуюся в 2014 году. Это происходило на фоне медленного увеличения численности ВС США в целом: менее чем на 0,6% в 2014–2021 годах [4:12]. По состоянию на 2014 год США располагали в Европе примерно 200 единицами ТЯО (авиабомбами B-61), которые хранились на складах в Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции [Зверев Ю.М., 2017b].

Большие изменения произошли в *конфигурации* сил США в европейской части зоны ответственности НАТО. Контингенты здесь закономерно делились на

две категории – в «новых» (вступивших в альянс в 1990-х годах) странах-участницах и «старых». В «новых» государствах-членах присутствие ВМС и ВВС стало появляться с 2008 года (многосторонние миссии НАТО), Армии – с 2014 года. Если первоначально речь шла о ротных тактических группах, то с января 2017 года в Польше и странах Балтии была развёрнута ротационная бронетанковая бригада [5]. США также участвовали в комплектовании многонациональных батальонных тактических групп (БТГ) сил передового развёртывания (СПР) НАТО в «новых» государствах-членах. Для БТГ в Польше США приняли функции «рамочного государства»¹ [6]. Сетка присутствия Соединённых Штатов в 2017–2021 годах демонстрировала тенденцию к дальнейшему географическому расширению (прежде всего на Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию²) и наращиванию объёмов. Администрация Д. Трампа в конце 2010-х годов предполагала делать это во многом за счёт передислокации части контингента США из ФРГ [7].

Такое решение, связанное с критическим ослаблением присутствия в Германии, отвечало логике масштабных сокращений сил США в «старых» странах – участницах НАТО. Контингент в ФРГ оказался лидером (точнее, антилидером) по скорости уменьшений не только в абсолютных цифрах (что логично с учётом огромных размеров в прошлую холодную войну), но и в относительных. Он снизился до 35,5 тыс. военных к 2022 году [3], то есть практически в 7 раз с 1989 года; группировка США в Европе в целом уменьшилась в 5 раз. По окончании конфронтации Запад – Восток и расширения НАТО на восток (что привело к тому, что ФРГ располагалась уже не на передовой, а в глубине зоны ответственности) подавляющее большинство частей США было выведено и/или расформировано. Наибольшие сокращения затронули наземные войсковые формирования: к концу 2010-х годов в ФРГ не осталось ни одного штаба уровня армейского корпуса или дивизии, а из 15 бригад оставлена только одна – 2-й бронекавалерийский полк бригадного типа. Кроме того, сохранялись по одной артиллерийской и армейской авиации бригаде [8]. Вместе с тем ФРГ даже увеличила свою логистическую ценность для ВС США: их базы в Германии, особенно Рамштайн и Шпангдалем, играли исключительную роль в трансконтинентальных перебросках в Европу и через неё (в частности, в Ирак и Афганистан [Новикова О.Н., 2022]). Именно на территории ФРГ располагались штабы сразу двух региональных командований США – европейского (EUCOM) и африканского (AFRICOM) [8]. В апреле 2021 года в Германии была развёрнута оперативная группа многопрофильного командования на театре военных действий [8].

¹Функции «рамочного государства» означали, что конкретное государство вносит наибольший удельный вклад в комплектование многонационального формирования и основную нагрузку – в управлении им.

²Здесь и далее государства перечисляются в их расположении с севера на юг.

К началу 2020-х годов вторая по численности группировка после Германии в Европе в целом и среди «старых» стран – участниц НАТО была в Италии: 12,5 тыс. военных в 2021 году; численность лишь незначительно уменьшилась с 1989 года (14 тыс. человек) [1: 27]. Основу составляла 173-я воздушно-десантная бригада (*вдбр*) в подчинении AFRICOM [8].

Таким образом, к 2022 году в Европе было три войсковых бригады США: ротационная бронетанковая бригада в Польше и странах Балтии, а также постоянные – 2-й бронекавалерийский полк в Германии и 173-я воздушно-десантная бригада в Италии.

С конца 2021 года, ещё до начала СВО РФ, США стали наращивать группировку в Европе. В январе 2021 года здесь располагалось уже 80 тыс. военных [9; 10]. В середине марта 2022 года, менее чем через месяц после начала СВО, этот показатель достиг 100 тыс. солдат и офицеров [10; 11] – своеобразной политико-психологической отметки. Она отражала некоторый рост стратегического внимания США к европейским государствам-партнёрам. Вместе с тем уже в марте 2022 года проявилась исключительная сложность для США наращивать здесь присутствие. В декабре 2022 года Белый дом заявил о наличии в Европе 90 тыс. военных [12], а год спустя, в декабре 2023 года, показатель сократился до 80 тыс. [13], то есть до уровня начала февраля 2022 года. Численность группировки в 100 тысяч следует признать *очень близким к предельному*, а 80-тысячный – *повышенным оптимальным*, который Белый дом мог поддерживать без критического ослабления других направлений.

Иллюстративной выглядит разница размеров присутствия США в Европе и на Дальнем Востоке. В 1989 году оно насчитывало соответственно 319 тыс. и 298 тыс. военнослужащих [1: 27; 14: 27], что составляло 14,2% и 13,3% общей численности ВС страны [рассчитано на основе: 2: 7]. К 2022 году разница стала огромной, притом в пользу ИТР: здесь находились 375 тыс. солдат и офицеров США [15: 1] против предельных 100 тыс. в Европе, то есть 27,9% и 7,4% суммарных размеров личного состава «военной машины» Белого дома (80-тысячное присутствие – менее 6,0%) [Рассчитано на основе: 4: 12].

Указанную роль европейского направления в стратегическом планировании Белого дома подтверждали ещё два факта. *Во-первых*, в отличие от периода холодной войны, в условиях современной конфронтации с РФ главные сухопутные силы США, дислоцированные в континентальной части страны, уже не предназначались в основной массе к переброске в Европу в кризисной ситуации. Это объяснялось нацеленностью ВС США прежде всего на «сдерживание» КНР. Вместе с тем Белый дом декларативно отнюдь не исключал возможности трансатлантической переброски своих сил в Европу: это подтверждали планы по учениям «Защитник Европы 2020» (*Defender Europe 20*) – отменены из-за пандемии, и прове-

дение манёвров «*Стойкий защитник 2024*» (*Steadfast Defender 24*) [16]. Таким образом, Вашингтон сохранял весьма важную тенденцию поддержания интереса к себе государств – партнёров по НАТО. Однако речь шла об относительно небольших объёмах трансконтинентальных перебросок: в ходе манёвров «*Стойкий защитник 2024*» США задействовали в основном отдельные боевые части, силы поддержки и различные штабы, а основную массу войск – от 90 тыс. предоставили сами европейские государства-члены [16]. Во-вторых, в конце зимы – весной 2022 года США перебросили в Европу дополнительные войсковые бригады (две бронетанковые и одну воздушно-десантную), их общее число временно выросло с 3 до 6 [11]. Однако в последующем оно вновь уменьшилось – к 2023 году до четырёх [11].

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАЖНЕЙШИХ КОНТИНГЕНТОВ США

Контингенты США в Германии и Италии играли роль оперативного резерва для ротационного комплектования вклада Соединённых Штатов в СПР. Первые шесть ротных тактических групп, размещённые весной 2014 года по одной в странах Балтии, в Польше, Румынии и Болгарии, были выделены от 173-й воздушно-десантной [6; 8]. Подразделения 2-го бронекавалерийского полка в конце 2010-х – начале 2020-х годов составляли основную часть сил «ядра» многонациональной БТГ СПР в Польше, где США выполняли роль «рамочного государства» [8]. По этой причине логика наращивания присутствия в Европе в целом зимой – весной 2022 года определяла необходимость усилить контингент в Германии. Уже 24 февраля 2022 года, в день начала СВО РФ, министр обороны США направил в ФРГ 1-ю бронетанковую бригаду 3-й пехотной дивизии (*ид*) и вспомогательные подразделения общей численностью в 7 тыс. военных [17]. В случае необходимости эта бригада могла выдвинуться из Германии, то есть из глубины зоны ответственности, в передовую её часть. Но к 2023 году 1-я бронетанковая бригада 3-й пехотной дивизии была возвращена в континентальную часть США.

На Мадридском саммите НАТО (28–30 июня 2022 года) Белый дом принял решение разместить в ФРГ штабы: бригады ПВО (де-факто в его распоряжение передавался лишь один батальон), инженерной бригады и батальона сил поддержки, последние без подразделений в подчинении, что составляло 625 военных [11]. Таким образом, в случае контингента в ФРГ Соединённые Штаты уже летом 2022 года вернулись к характерной ранее тактике: наличие разветвлённой сети штабов, баз и сил поддержки при минимальном наземном войсковом компоненте [Трунов Ф.О., 2024a]. Изменения почти не произошли и с силами в Италии: летом 2022 года туда была переброшена лишь батарея ПВО из батальона, основные

силы которого были направлены в Германию [11]: эта очередная «связка», функционально объединяла группировки США в ФРГ и на Апеннинском полуострове, то есть в центре и на юге «старых» государств – членов НАТО.

Использование ВС США в Норвегии представляло собой де-юре обособленный трек: оно почти не упоминалось отдельно в документах, которые были посвящены наращиванию контингентов в государствах – членах альянса в целом [11]. Основная причина – особая ценность Осло для Вашингтона как партнёра, способного эффективно помогать США в стратегическом закреплении в Арктике. Притом эволюция военного присутствия Соединённых Штатов в Норвегии функционально тесно связана с их действиями на других направлениях в Европе. Хронологически параллельно с размещением ротационной бронетанковой бригады США в Польше и странах Балтии в 2017 году – на севере Норвегии появились на ротационной основе подразделения КМП. Изначально они насчитывали 330 военных, а через год были увеличены до 700 человек личного состава, что составляло «ядро» БТГ. Располагаясь в самой северной норвежской губернии Финнмарк, морские пехотинцы активно перенимали опыт действий в Арктике у норвежских войск. В августе 2020 года Д. Трамп в свойственной ему манере внезапно принял решение о выводе данных сил [18]. Как и в случае с планами по выводу 2-го бронекавалерийского полка из ФРГ, администрация Дж. Байдена попыталась пересмотреть решение по Норвегии, но уже в иных формах. В апреле 2021 года Вашингтон и Осло подписали соглашение о доступе США на четыре норвежских военных объекта, в том числе расположенные на Крайнем Севере [19]. Документ вступил в силу в июне 2022 года, а весной 2024 года соглашения по допуску США на военные объекты на Севере подписали вновь вступившие в НАТО Финляндия и Швеция [19]. Это открывало широкую возможность для отработки в арктических условиях боевого применения войск США, притом в удобных им формах и в удобное время.

ОСОБЕННОСТИ НАРАЩИВАНИЯ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В ПОЛЬШЕ

На Варшавском саммите НАТО (8–9 июля 2016 года) было решено учредить по одной многонациональной БТГ в каждой из стран Балтии и в Польше. Параллельно США развёртывали бригаду в национальном качестве: оба эти решения стали де-факто реализовываться с января 2017 года.

Основу группировки Соединённых Штатов в зоне усиленного передового военного присутствия НАТО (*enhanced Forward Presence, eFP*) включало страны Балтии и Республику Польшу, РП) и составляла ротируемая каждые девять месяцев бронетанковая бригада. Точнее, речь шла о её «ядре» (*Armored Brigade Combat Team, ABCT*) – боевой группе, которая усиливала подразделения других родов войск

(прежде всего артиллерии, армейской авиации, инженерных) и компонентов тактического крыла ВВС. Список задействованных бронетанковых бригад представлен в таблице 1. Всего в роли такого ядра в зоне усиленного передового военного присутствия в 2017–2023 годы побывали семь бронетанковых бригад Армии США, из них четыре – дважды. Наибольшее число бригад принадлежало к 1-й бронекавалерийской дивизии (*бркд*): все три её бригады наработали практику как боевая группа в Польше и странах Балтии; от 1-й пехотной дивизии такой опыт приобрели обе её бригады (1-я пехотная дивизия была двухбригадной), от 3-й и 4-й пехотных дивизий – по одной бригаде. Суммарно в Армии США на 2023 год имелись 13 бронетанковых бригад и полков данного уровня, из которых как боевую группу в Северо-Восточной Европе не были использованы лишь три профильные бригады 1-й бронетанковой дивизии (она была в подчинении Центрального командования США, *CENTCOM*), отдельный бронекавалерийский полк и 1-я бригада 3-й пехотной дивизии. Однако именно она была направлена в феврале 2024 года в ФРГ [17]. Таким образом, через центрально- и восточноевропейские страны были «проведены», включая 2-й бронекавалерийский полк в ФРГ, 9 из 13 бронетанковых формирований уровня бригады США или почти 70%.

Таблица 1

Список бригад-комплектаторов АВСТ в Польше

Ротация	Сроки (месяц, год)	Бригада (с принадлежностью к дивизии)	Ссылка
1	I.2017 – IX.2017	3-я <i>бртбр</i> 4 <i>нд</i>	[5]
2	IX.2017 – V.2018	2-я <i>бртбр</i> 1 <i>нд</i>	[5; 20]
3	V.2018 – II.2019	1-я <i>бртбр</i> 1 <i>бркд</i>	[20]
4	II.2019 – X.2019	1-я <i>бртбр</i> 1 <i>нд</i>	[21]
5	X.2019 – VII.2020	2-я <i>бртбр</i> 1 <i>бркд</i>	[22]
6	VII.2020 – VII.2021	1-я <i>бртбр</i> 1 <i>бркд</i>	[22]
7, 8bis	VIII.2021 – VIII.2022	1-я <i>бртбр</i> 1 <i>нд</i>	[23]
8	III.2022 – II.2023	3-я <i>бртбр</i> 4 <i>нд</i>	[24]
9	VIII.2022 – II.2023	3-я <i>бртбр</i> 1 <i>бркд</i>	[25]
10	II.2023 – IX.2023	2-я <i>бртбр</i> 1 <i>бркд</i>	[26]
11	с IX.2023	2-я <i>бртбр</i> 3 <i>нд</i>	[27]

Таблица составлена автором.

Данный факт был важен как демонстрация готовности США вносить военно-практический вклад в поддержку европейских партнёров. Однако не следует преувеличивать их способность делать это: большую часть времени в Европе находилась только одна ротационная боевая группа. Исключение составляла лишь весна

2022 года: в феврале-марте был пролонгирован срок пребывания в Польше и странах Балтии 1-й бронетанковой бригады 1-й пехотной дивизии [24], раньше положенного срока стала прибывать бригада-сменщица – 3-я бронетанковая бригада 4-й пехотной дивизии [24], а в ФРГ была переброшена дополнительно 1-я бронетанковая бригада 3-й пехотной дивизии [17]. Соответственно, находились сразу три бронетанковые бригады, притом каждая – от разной дивизии. Для управления данными силами был развернут компонент штаба дивизии [11]. Кроме того, в Польшу были дополнительно перемещены батареи систем ПВО «Пэтриот» (*Patriot*), батальон реактивных систем залпового огня «ХАЙМАРС» (*HIMARS*), увеличен парк истребителей США [11]. Помимо уже двух боевых групп на юг Польши – в приграничные с Украиной воеводства – к середине февраля 2022 года, то есть ещё до начала СВО РФ, была переброшена 1-я воздушно-десантная бригада 82-й воздушно-десантной дивизии [28]. Она представляла собой уже не «тяжёлую», а «лёгкую» бригаду, относимую в Армии США к пехотному типу (*Infantry Brigade Combat Team, IBCT*) [28].

Таким образом, весной 2022 года в Польше (прежде всего) и странах Балтии число бригад Армии США увеличилось с одной до трёх – на 10 тыс. активных «шттыков» [28], то есть размер присутствия был доведён до эквивалента полной дивизии. Всего США временно развернули в Европе шесть бригад, что равно двум полным дивизиям, притом всего ВС США имели 32 войсковые бригады наземных сил в своём составе.

Конкретно за Польшей утвердилась давно ожидаемая официальной Варшавой роль главного сосредоточения войск Армии США [11], притом крупнейший по численности контингент продолжал оставаться в ФРГ. Группировка в Польше должна была по мере необходимости усиливать присутствие США в Восточной Европе как к северу – в странах Балтии, так и к югу – в Чехии, Словакии, Венгрии и особенно в Румынии и Болгарии [11]. Показательно, что на Мадридском саммите НАТО (28–30 июня 2022 года) США декларировали размещение в Польше компоненты штаба V армейского корпуса – управление с тем же номером и названием функционировало в период холодной войны в ФРГ [Зверев Ю.М., 2017]. Следует подчеркнуть, что этот передовой штаб и прибывавший с ним батальон поддержки размещались в Польше на *постоянной* основе [11]. Соответственно, возник прецедент несменяемого контингента в Восточной Европе, но пока применительно к невоисковым силам.

Присутствие войск в Польше достигло пика к Мадридскому саммиту НАТО, затем стало сокращаться. Уже к июлю 2022 года была возвращена в США 1-я воздушно-десантная бригада 82-й воздушно-десантной дивизии [28]. К весне 2023 года число бронетанковых бригад в Северо-Восточной Европе вновь сократилось с двух до одной (таблица 1; [24; 25]). Притом возможность повторения данной практики (использования сразу двух «тяжёлых» бригад) особо подчёркивалось в официальном заявлении США на Мадридском саммите НАТО [11].

Уменьшение группировки США в Польше вновь указало на проблему ограниченности тех военных и особенно войсковых сил, которые Белый дом мог длительное время держать в Европе. Данная трудность выступала одной из причин того, что Соединённые Штаты стали рассматривать возможность перейти от ротационного к постоянному характеру размещения боевых групп в Польше [29]. Такой подход отвечал бы запросам официальной Варшавы и одновременно позволил бы самому Вашингтону рационализировать использование других бронетанковых бригад (за исключением назначенной для постоянного размещения).

Интересно, что первой на отказ от ротационного принципа комплектования пошла ФРГ – с ноября 2023 года (решение стало готовиться с июня 2022 года) [30]. США стали открыто прорабатывать вопрос о смене типа дислокации своей боевой группы спустя полгода, в марте 2024 года [29].

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИСУТСТВИЯ ВС США В РУМЫНИИ

В марте 2022 года государства – члены НАТО решили продлить сетку формирования сил передового развёртывания к югу от Польши. Эти силы получили название индивидуальное передовое присутствие (*tailored Forward Presence, tFP*). Основу составляли многосторонние батальонные тактические группы в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Весной 2022 года США направили в эти государства отдельные подразделения, рассматривая возможность размещения более крупных сил. В пользу этого свидетельствовало размещение 1-й воздушно-десантной бригады 82-й воздушно-десантной дивизии (бригады пехотного типа) на юге Польши в феврале-июне 2022 года [28]. В итоге её основным реципиентом была выбрана Румыния, второе после Польши государство – член альянса в Восточной Европе по площади и численности населения, расположенное вблизи Украины. На Мадридском саммите США объявили о размещении основных сил ротационной бригады пехотного типа в Румынии, а небольших авангардов – в Венгрии и Болгарии. Таким образом, была в основе воспроизведена схема дислокации «ядра» в Польше и странах Балтии. Как и в Польше, в Румынии был учреждён ротационной компонент штаба дивизионного уровня [31; 32; 33].

Таблица 2

Список бригад-комплектаторов IBCT в Румынии

Номер ротации	Сроки (месяц, год)	Бригада (с принадлежностью с дивизии)	Ссылка
1	X.2022 – IV.2023	2-я вдобр 101 вدد	[31]
2	IV.2023 – XI.2023	1-я вдобр 101 вدد	[32]
3	с XI.2023	3-я вдобр 101 вدد	[33]

Таблица составлена автором.

Боевая группа бригады пехотного типа стала функционировать с октября 2022 года. (см. табл. 2). К весне 2024 года функции её поочередно приняли на себя все три воздушно-десантные бригады 101-й воздушно-десантной дивизии. Наряду с 82-ой воздушно-десантной дивизией она была наиболее элитной дивизией Армии США. Всего, с учётом временного развёртывания 1-й воздушно-десантной бригады 82-й воздушно-десантной дивизии в Польше весной-летом 2022 года и постоянного наличия 173-й воздушно-десантной бригады в Италии, опыт использования в Европе в 2022–2023 годах получили пять из восьми воздушно-десантных бригад США, или свыше 60%. Притом одновременно в европейской части зоны ответственности НАТО находилось не более двух воздушно-десантных бригад. Соответственно, тактики США по использованию воздушно-десантных и бронетанковых бригад были весьма схожи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2017–2023 годах США перестроили систему военного присутствия в европейской части НАТО так, что она стала меридионально вытянута с юга на север и одновременно эшелонирована в глубину от запада на восток. На *южном (правом)* крыле (считая от США к РФ) I стратегический эшелон стали составлять контингенты в Румынии и сопредельных странах – участницах НАТО в Восточной Европе (основа – ротационная *IVCT*), II эшелон – силы в Италии («ядро» – постоянная 173-я воздушно-десантная бригада). В *центре* эти функции выполняли войска в Польше и странах Балтии (в первую очередь, *ABCT*) и контингент в Германии (ключевой элемент – 2-й бронекавалерийский полк). На *северном (левом)* крыле основное значение имело присутствие на севере Норвегии (в перспективе также Финляндии и Швеции).

При всех колебаниях численности сил США в Европе от 65 до 100 тыс. (оптимальный с точки зрения соотношения задач и возможностей – 80 тыс.) количественно большая их часть *в целом* находилась в «старых» государствах – членах альянса: лидером оставался контингент в Германии, за ним – в Италии. Вместе с тем более половины *войсковых* наземных формирований с 2022 года располагались уже в «новых» странах-участницах: прежде всего в Польше, с включением в эту категорию и Румынии. Здесь были развёрнуты и важнейшие штабы: компоненты двух дивизионных и V армейского корпуса. В увязке с вероятным переходом от ротационного к постоянному принципу комплектования *ABCT* (а также *IVCT* в более отдалённой перспективе) это возвращает к основам логики прошлой конфронтации Запад – Восток при определении системы присутствия США. Притом было и важное отличие: заметно меньший объём сил, даже с поправкой на значительное сокращение численности ВС США и других «западных демократий» с 1980-х годов.

Для группировки США характерно стремление к *оптимизации* в двух тесно связанных отношениях. С одной стороны, это минимально требуемый или близкий к тому уровень практической нагрузки. Даже на пике, в феврале – июне 2022 года, присутствие в Европе состояло из 100 тыс. военных (почти в 4 раза меньше, чем в ИТР) и включало шесть наземных войсковых бригад. В понимании автора, это было обусловлено не столько самим фактором СВО РФ, но и тем, что США продемонстрировали готовность и способность быстро и резко наращивать поддержку европейских партнёров по блоку. В свою очередь, сами они, учитывая интересы Белого дома, на Мадридском саммите альянса приняли на себя доминирующую нагрузку при развёртывании новой модели войск НАТО (*New NATO Force Model, NNFM*, суммарно 800 тыс. военных), притом её комплектовали в плане войск в основном сами европейские страны-участницы [Трунов Ф.О., 2024b]. Размер присутствия США сразу после согласования развёртывании новой модели войск НАТО (начало июля 2022 года) стал сокращаться, достигнув в 2023 году 80 тыс. военных (всего 10%) и четыре войсковых наземных бригады (с обозначением возможности разместить ещё одну). Каждый из эшелонов в центре и на правом фланге обеспечивала всего одна таковая – бронетанковая бригада (в Германии и Польше) или воздушно-десантная бригада (в Италии и Румынии). В зонах *eFP* и *tFP* изначально войсковое присутствие США было равно многонациональному, но по мере роста последнего стало отставать от него, что также стало чертой оптимизации сил США в Европе.

ИСТОЧНИКИ

1. Military presence. U.S. personnel in Europe. GAO/NSIAD-90-04. Washington: General Accounting Office, 1989. 108 p.
2. Financial and economic data relating to NATO defence. M-PDC-90 (70). Brussels: NATO, 1990. 7 p.
3. The US military presence in Europe has been declining for 30 years – the current crisis in Ukraine may reverse that trend. 25.01.2022. Available at: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595> (accessed 9.04.2024).
4. Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2023) (2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.
5. EUCOM Commander: U.S. Armored Brigade's Deployment to Poland 'Significant'. 12.01.2017. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1048463/eucom-commander-us-armored-brigades-deployment-to-poland-significant/> (accessed 9.04.2024).
6. NATO's military presence in the east of the Alliance. 2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed 9.04.2024).

7. Major U.S. military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. Available at: <https://www.stripes.com/majorus-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-withinweeks-esper-says-1.639217> (accessed 9.04.2024).

8. Statement of General Christopher G. Cavoli, United States Army United States European Command. 26.04.2023. Available at: <https://armedservices.house.gov/sites/republicans.armedservices.house.gov/files/04.26.23%20Cavoli%20Statement%20v2.pdf> (accessed 9.04.2024).

9. Number of active-duty United States military personnel in Europe in 2022, by country. 4.02.2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1294271/us-troops-europe-country/> (accessed 9.04.2024).

10. The U.S. has 100,000 troops in Europe for the first time since 2005. 15.03.2022. Available at: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2022-03-15/us-forces-record-high-europe-war-ukraine-5350187.html> (accessed 9.04.2024).

11. Fact sheet - U.S. Defense Contributions to Europe. 29.06.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed 9.04.2024).

12. Letter to the Speaker of the House and President Pro Tempore of the Senate regarding the War Powers Report. 8.12.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/08/letter-to-the-speaker-of-the-house-and-president-pro-tempore-of-the-senate-regarding-the-war-powers-report-4/> (accessed 9.04.2024).

13. Letter to the Speaker of the House of Representatives and President pro tempore of the Senate regarding the War Powers Report. 7.12.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/12/07/letter-to-the-speaker-of-the-house-of-representatives-and-president-pro-tempore-of-the-senate-regarding-the-war-powers-report/> (accessed 9.04.2024).

14. Military presence. U.S. Personnel in the Pacific Theater. GAO/NSIAD-91-192. General Accounting Office, 1991. 152 p.

15. U.S. Defense Infrastructure in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. R47589. Washington: US Congress, 2023. 55 p.

16. Steadfast Defender 24. 2024. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/222847.htm> (accessed 9.04.2024).

17. Austin Orders Fort Stewart Armored Brigade Combat Team to Europe. 24.02.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2945855/austin-orders-fort-stewart-armored-brigade-combat-team-to-europe/> (accessed 9.04.2024).

18. U.S. Pulls 700 Marines Out of Norway. 7.08.2022. Available at: <https://www.lifeinnorway.net/u-s-pulls-700-marines-out-of-norway/> (accessed 9.04.2024).

19. New Agreement Gives US Access to Four New Military Areas in the North. 8.02.2024. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-agreement-gives-us-access-four-new-military-areas-north> (accessed 9.04.2024).

20. Armor arrives in Europe for Atlantic Resolve rotation. 21.05.2018. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/277770/armor-arrives-europe-atlantic-resolve-rotation> (accessed 9.04.2024).

21. Devil Brigade on the move in Europe. 8.02.2019. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/309999/devil-brigade-move-europe> (accessed 9.04.2024).

22. U.S. Soldiers Arrive in Poland with COVID-19 Protocols in Place. 13.08.2020. Available at: <https://www.defense.gov/News/Feature-Stories/Story/Article/2309221/us-soldiers-arrive-in-poland-with-covid-19-protocols-in-place/> (accessed 9.04.2024).

23. 1st ABCT, 11D arrives for Atlantic Resolve. 9.07.2021. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/400645/1st-abct-11d-arrives-atlantic-resolve> (accessed 9.04.2024).

24. U.S. is poised to have three armored brigades in Europe at once as troop numbers climb. 22.03.2022. Available at: <https://www.stripes.com/branches/army/2022-03-22/us-army-tanks-europe-poland-russia-ukraine-5433311.html> (accessed 9.04.2024).

25. U.S. 3rd Armored Brigade Combat Team of 1st Cavalry Division deploying in Poland. 1.08.2022. Available at: https://www.armyrecognition.com/defense_news_august_2022_global_security_army_industry/us_3rd_armored_brigade_combat_team_of_1st_cavalry_division_deploying_in_poland.html (accessed 9.04.2024).

26. Black Jack Brigade Assumes Authority in Europe. 4.02.2023. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/437831/black-jack-brigade-assumes-authority-europe> (accessed 9.04.2024).

27. Spartan Brigade assumes authority from Black Jack Brigade. 23.09.2023. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/454164/spartan-brigade-assumes-authority-black-jack-brigade> (accessed 9.04.2024).

28. 3,000 more U.S. troops from 82nd Airborne head to Poland amid Ukraine invasion concerns. 12.02.2022. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/3000-us-troops-82nd-airborne-head-poland-amid/story?id=82834091> (accessed 9.04.2024).

29. U.S. force posture in Poland and Romania ought to be strengthened, report finds. 14.03.2024. Available at: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2024-03-14/poland-romania-us-army-base-13314834.html> (accessed 9.04.2024).

30. Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. 6.11.2023. Available at: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (accessed 9.04.2024).

31. The U.S. Army's 101st Airborne is practicing for war with Russia just miles from Ukraine's border. 21.10.2022. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/ukraine-news-russia-us-army-101st-airborne-nato-war-games-romania/> (accessed 9.04.2024).

32. Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Welcomes Romanian Defense Minister Angel Tilvar to the Pentagon. 30.03.2023. Available at: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3347018/secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-welcomes-romanian-defense-minister-ange/> (accessed 9.04.2024).

33. U.S. Army Combat Brigade Teams host transfer of authority ceremony in Romania. 24.11.2023. Available at: <https://www.dvidshub.net/news/458535/us-army-combat-brigade-teams-host-transfer-authority-ceremony-romania> (accessed 9.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюк В.И. 2021. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 35–153. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.01.06>.

Васильев В.С. 2022. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–257. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.10>.

Зверев Ю.М. 2017. Вооружённые силы США в Европе: от Первой мировой до объединения Германии. 16.05. *Евразия-эксперт*. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope-ot-pervoy-mirovoy-do-obedineniya-germanii/> (accessed 9.04.2024).

Истомин И.А., Соколов А.П. 2021. Американский контингент в ФРГ: символ безопасности, гарант лояльности, предмет роскоши? *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72>.

Новикова О.Н. 2022. Четвёртая афганская война Великобритании. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 213–233. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>.

Трунов Ф.О. 2024а. Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х годов). *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2024. № 2. С. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673024020046>.

Трунов Ф.О. 2024b. Трансформация системы группировок конвенциональных сил НАТО. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. № 3. С. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>.

REFERENCES

Batyuk, V.I. 2021. US Indo-Pacific Strategy and Eurasia (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. P. 135–153. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.01.06>.

Istomin, I.A., Sokolov, A.P. American forces in Germany: security symbol, loyalty warrant or excessive luxury? (In Russ.). *World economy and international relations*. No 3. P. 60–72. 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72.

Novikova, O.N. 2022. Britain's Fourth Afghan war (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 213–233. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>.

Vasiliev, V.S. 2022. Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 234–257. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.10>.

Trunov, Ph.O. 2024a. German policy in the sphere of security and defence in the early 2020-s and the factor of the U.S. interests. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 2. C. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673024020046>.

Trunov, Ph.O. 2024b. The transformation of the system of NATO's conventional forces groupings. (In Russ.). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. No 3. P. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>.

Zverev, Yu.M. 2017. US Armed Forces in Europe: from the First World War to the Reunification of Germany (In Russ.). 16.05. *Eurasia-expert*. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope-ot-pervoy-mirovoy-do-obedineniya-germanii/> (accessed 9.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Российская Федерация, Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21.

Philipp O. TRUNOV, Candidate of Sciences (Political), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

51/21, Nahimovskiy prospect, Moscow 117418, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 9.04.2024 / Received 9.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 29.04.2024 / Revised 29.04.2024.

Статья принята к публикации 30.04.2024 / Accepted 30.04.2024.

УДК 327.56(53):338.9+316.774

DOI: 10.31857/S2686673024100069

EDN: YVSQMB

Технологические и социокультурные новшества в Королевстве Саудовская Аравия: отношения с США

А.С. Дербенев

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика

Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ResearcherID: AFX-7104-2022 Scopus Author ID: 57955231600 PIIHC ID: 764768

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0355-5100> e-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Резюме. Сегодня региональные лидеры Арабского Востока из числа наиболее финансово обеспеченных активно наращивают возможности в сфере современных технологий. США, находясь на переднем крае разработки и внедрения технологических новшеств, представляют значительный интерес для Королевства Саудовская Аравия (КСА). Дом Саудидов стремится диверсифицировать национальную экономику, в немалой степени зависящую от нефти, стремясь обрести новое качество развития государства в технологической, экономической и социокультурной сферах жизни, реализуя стратегию «Видение 2030» и делая ставку на сотрудничество с самыми продвинутыми корпорациями США.

Ключевые слова: США, Королевство Саудовская Аравия, Дом Саудидов, ОАЭ, «Видение 2030», «Майкрософт».

Для цитирования: Дербенев А.С. Технологические и социокультурные новшества в Королевстве Саудовская Аравия: отношения с США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(10):81–97. DOI: 10.31857/S2686673024100069

EDN: YVSQMB

Technological and Socio-Cultural Innovations in the Life of the Kingdom of Saudi Arabia in the Context of Relations with the United States

Andrei S. Derbenev

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Science (ISKРАН);

2/3, Khlebny, Moscow, 121069 Russian Federation.

ResearcherID: AFX-7104-2022 Scopus Author ID: 57955231600 PIIHC ID: 764768

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0355-5100> e-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Abstract: At the moment, the regional leaders of the Arab East, among the most financially secure, are actively pursuing a policy to increase their capabilities in the field of modern technologies. The United States, being at the forefront of the development and implementation of technological innovations of various types and properties, is of significant interest to the Kingdom of Saudi Arabia (KSA). The House of Saudis is struggling to diversify the national economy, which is heavily dependent on oil, in an effort to find a new one the quality of the state's development in the technological, economic and socio-cultural spheres of life, through the implementation of the VISION 2030 strategy, relying on broad cooperation with the most advanced corporations in the United States.

Keywords: USA, Kingdom of Saudi Arabia, House of Saudis, UAE, Vision 2030, Microsoft

For citation: Derbenev, A.S. Technological and Socio-Cultural Innovations in the Life of the Kingdom of Saudi Arabia in the Context of Relations with the United States. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(10): 81–97. DOI: 10.31857/S2686673024100069 EDN: YVSQMB

ВВЕДЕНИЕ

К началу третьего десятилетия текущего века арабский мир всё ещё находится во власти трудностей и противоречий, которые определяли специфику его развития на протяжении длительного периода новейшей истории. События начала 2020-х годов привели к колоссальным изменениям в Аравийском регионе и болезненно отразились на международной обстановке в целом [Дербенев А.С., 2020]. Дом Саудидов из всех сил старается диверсифицировать свою экономику, отвечая на тяжелейшие региональные и глобальные вызовы современности [Дербенев А.С., 2021].

Ценность для заявленной темы представляют исследования российских специалистов в области политологии и международных отношений И.В. Данилина [Данилин И.В., 2018, 2020] и И.А. Матвеева [Матвеев И.А., 2023], которые рассматривают некоторые аспекты развития современных технологий. Исследователи из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Т.В. Науменко и К.В. Тимахов [Науменко Т.В., Тимахов К.В., 2019] выявили меры, которые предпринимает КСА по повышению конкурентоспособности национальной экономики.

В данной работе были применены междисциплинарный методологический подход, а также общенаучные методы анализа и синтеза. Выводы были получены также на основе взаимодополнения текущих политических, а также исторических факторов, воздействующих на обстановку рассматриваемого региона и стран.

ДИНАМИКА В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОТХОД КСА ОТ КОНСЕРВАТИВНЫХ СКРЕП

В 2010 – начале 2020-х годов Эр-Рияд проводит последовательную политику экономических, технологических и культурных реформ, открывая страну внешнему миру. На современном этапе мирового развития трудно представить отрасль, на которую большие данные и искусственный интеллект (ИИ) не оказывали бы существенного влияния, приводя к повышению экономических показателей, снижению затрат, повышению производительности труда и росту операционной эффективности. Королевство заняло 51-е место в Глобальном инновационном индексе, ГИИ (*Global Innovation Index, GII*) в 2022 году, поднявшись с 66-го места в 2021 году [1: 11], а в «Ежегоднике мировой конкурентоспособности» (*World Competitiveness Yearbook*) за 2023 год оно разместились на 17-м месте. Среди стран Большой двадцатки (*The Group of Twenty, G20*) КСА занимает 3-е место по конкурентоспособности экономики, опережая такие страны, как Республика Корея, Германия, Франция, Япония, Италия, Индия, Великобритания, Китай, Мексика, Бразилия и Турция [2].

Активно реализуя национальную программу развития «Видение 2030», КСА добились заметных успехов, особенно в нефтефтяном секторе, продвигая цифровизацию и способствуя созданию конкурентной бизнес-среды. Отчёт корпорации «ПрайсуотерхаусКуперс» (*PricewaterhouseCoopers, PwC*) в Обзоре экономики Саудовской Аравии (*Saudi Economy Watch*) за 2023 год свидетельствует о том, что валовой внутренний продукт (ВВП) Саудовской Аравии впервые превысил 1 трлн долл. в 2022 году. Нефтефтяной частный сектор лидирует по темпам роста в 2023 году, ускорившись до 5,8% в годовом исчислении во II квартале 2023 года. Данный показатель на 13,9% выше, чем в 2019 году [3].

КСА входит в топ-10 стран мира по такому важному параметру, как специальные деловые навыки национальной рабочей силы, согласно «Глобальному отчёту о профессиональных навыках» (*Global Skills Report*) [4].

В марте 2023 года КСА объявило о своих планах вложить 40 млрд долл. в искусственный интеллект (ИИ). Эр-Рияд создаёт гигантский фонд для инвестиций в технологии искусственного интеллекта, работая над тем, чтобы стать крупнейшим игроком на стремительно растущем рынке [5]. В 2024 году королевство создало фонд в размере 100 млрд долл. для инвестиций в ИИ [6]. Реализация данной амбиции потенциально сделает КСА крупнейшим в мире инвестором в ИИ. Ожидается, что искусственный интеллект увеличит мировой валовой внутренний продукт примерно на 14%, что эквивалентно примерно 58,9 трлн саудовских риалов к 2030 году [Benazza, Toumi, 2023]. Ожидается, что Королевство Саудовская Аравия станет лидером в Ближневосточном регионе на рынке искусственного интеллекта и больших данных. ИИ играет жизненно важную роль в будущем

сектора автоматизации в стране. Согласно отчёту Европейского центра цифровой конкурентоспособности (*European Center for Digital Competitiveness, ESCP*), Саудовская Аравия входит в число мировых лидеров цифровых технологий [7]. Значительные инвестиции в искусственный интеллект указывают на то, что контуры промышленного сектора радикально изменятся. Примечателен тот факт, что в 1956 году Джон Маккарти ввёл термин «искусственный интеллект» на первой в истории конференции по ИИ в Дартмутском колледже (штат Нью-Хэмпшир) [8].

Страны Аравийского полуострова стремятся использовать искусственный интеллект и информационные технологии в необходимых для себя нишах. Это предполагает внедрение способности компьютерных систем прибегать к ИИ для повышения качества и эффективности систем и компьютерных процессов в различных секторах экономики – здравоохранении, образовании, транспорте, промышленности и энергетике. ИИ применяется в широком спектре отраслей и влияет практически на все аспекты инноваций. Развитию ИИ способствуют доступность больших объёмов обучающих данных и достижения в области высокопроизводительных вычислений по приемлемой цене. Это требует использования широких научных возможностей для создания передовой технологической и цифровой инфраструктуры. Новая революция будет обоюдоострой, с множеством положительных и отрицательных сторон, затрагивающих всех, включая развитие общества. Страны по всему миру стремятся внедрить технологии искусственного интеллекта в различные секторы экономики и государственные ведомства, чтобы повысить эффективность и продуктивность национальных экономик. Очевидно, что в Ближневосточном регионе многие страны хотят конкурировать в этой области, особенно КСА, Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), Кувейт, Иордания и Турция.

Для реализации амбициозных планов руководство КСА прилагает серьёзные усилия для решения гендерных проблем, совершенствования конкурентной бизнес-среды. Так, в сентябре 2015 года Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций, ГА ООН (*United Nations General Assembly, UNGA*) приняла «Повестку дня ООН в области устойчивого развития до 2030 года» [9]. КСА всецело поддержало настрой ООН. Однако цели программы, заявленные в документе, не были в полной мере достигнуты в королевстве. Одним из самых чувствительных вопросов для Дома Саудитов являются цели ООН, касающиеся гендерного равенства, прав саудовских женщин, которые в некоторых сферах жизни остаются весьма ограниченными.

В «Докладе о глобальном гендерном разрыве» (*Global Gender Gap Report*) за 2020 год, подготовленном Всемирным экономическим форумом, ВЭФ (*World Economic Forum, WEF*), КСА заняло 146-е место из 153 стран по общему гендерному равенству, 148-е место по гендерному экономическому участию и возможностям; в 2023 году, по данным той же организации, уже 130-е место [10: 17] и 136-е место

по расширению политических прав и возможностей (в 2023 году – 131-е место [10: 18; 11: 9, 12, 13]. Эти успехи КСА отражают позитивную динамику для подданных саудовского короля. Такое поступательное движение по улучшению своих позиций во многом реализуется благодаря грандиозным планам Дома Саудидов, а именно стратегии «Видение 2030», которая предполагает активное вовлечение молодёжи страны в приватизированную рыночную экономику. Сделать это достаточно непросто, поскольку категория населения в возрасте до 30 лет составляет 63% общей численности населения в 32,2 млн человек [12].

Активное участие женщин в политической жизни КСА заметно растёт. Свидетельством тому является назначение послом Саудовской Аравии в Соединённых Штатах Римы бинт Бандар Аль Сауд. Она стала первой женщиной – послом КСА в Соединённых Штатах за всю историю дипломатических отношений двух стран [13]. В среде приверженцев культурных и религиозных традиций в мусульманском мире распространено «беспокойство по поводу того, что женщины вырвутся из своих ограничений и принесут погибель обществу» [14]. «Женский труд очень важен. Женщины составляют половину общества, и мы хотим, чтобы это была продуктивная половина», – заявил кронпринц Мухаммед ибн Сальман [15: 61]. Королевство уделяет большое внимание снижению уровня материнской смертности до менее чем 70 смертей на 100 тыс. родившихся живыми детей к 2030 году [15]. Саудовская Аравия приняла ряд мер, направленных на то, чтобы женщины могли занимать руководящие посты в правительстве. Ранее женщины стали членами Маджлис аш-Шура – Консультативного совета Саудовской Аравии (المجلس الشورى السعودي). В 2013 году был издан королевский указ о выделении 20% мест в Совете для женщин. Женщины также были избраны в муниципальные советы, а некоторые из них были назначены на руководящие должности в правительстве и частном секторе [15: 62]. Саудовская Аравия постепенно приближается к достижению своей цели по обеспечению гендерного равенства в оплате труда. Одним из примечательных достижений стало увеличение доли женщин в общей массе занятых на рынке труда с 12% в 2009 году до 18% в 2017 году. Концепция развития до 2030 года предусматривает увеличение участия женщин в экономике государства до 25% [15: 62; 21]. Таким образом, королевство планирует привлечь значительное количество женщин к различным видам занятости в государственном и частном секторах экономики.

Стратегия «Видение 2030» придала серьёзный импульс процессу реформ, касающихся положения женщин в обществе, и руководство КСА приветствовало потенциальный вклад женщин в будущее беспрецедентного процветания королевства, будь то использование не задействованного ранее экономического потенциала женщин или занятие ими государственных должностей.

В связи с этим в 2017 году король Сальман издал указ о том, что женщины могут получать государственные услуги, такие как образование и здравоохранение, без необходимости получения согласия опекуна-мужчины.

В результате доля женщин, поступающих в высшие учебные заведения Саудовской Аравии, быстро выросла (69,9% женщин против 66,3% мужчин в 2020 году). Данная тенденция свидетельствует о существенном сокращении гендерного разрыва в уровне образования. По этому показателю КСА заняло 92-е место в «Докладе о глобальном гендерном разрыве» Всемирного экономического форума [11: 9, 12, 13, 301].

Указанные данные свидетельствуют о растущем участии женщин на рынке труда: благодаря доступу к различным профессиям, в которых ранее трудились только мужчины (от юриспруденции и архитектуры до розничной торговли и гостиничного бизнеса), женская часть саудовского общества вносит свой вклад в развитие национальной экономики. По состоянию на 2017 год, в частном секторе саудовской экономики трудились 600 тыс. саудовских женщин, тогда как ещё в 2011 году их число составляло не более 90 тыс. [16]. Указ короля Сальмана от 2018 года, разрешающий женщинам водить машину (а также путешествовать по стране и выезжать за границу без присмотра опекунов), устранил основное препятствие для трудоустройства женщин. КСА инспирировало ряд инициатив по расширению прав и возможностей женщин, поощрению гендерного равенства и улучшению положения женщин. В первую очередь это создание Семейного совета, в котором женщины занимают половину из шестнадцати руководящих должностей, назначаемых правительством. Эр-Рияд прикладывает значительные усилия по повышению роли семьи в обществе и обеспечению соблюдения прав как семьи в целом, так и её членов в частности [15: 62]. Согласно данным доклада, подготовленным комитетом Всемирного экономического форума, несмотря на достигнутые успехи, относительно слабые показатели гендерного равенства наблюдаются в Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратах и Индии, где женщины составляют 16%, 20% и 22% рабочей силы соответственно [11:38].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КСА С США В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОСЛЕ КОВИДА-19

Стремясь укрепить свои позиции в регионе, американские корпорации проявляют значительный интерес к наращиванию сотрудничества с государствами Персидского залива в сфере современных технологий. Как было отмечено ранее, королевство нацелилось на то, чтобы стать доминирующим игроком в области искусственного интеллекта и вкладывает в это значительные суммы. Саудовский технологический фонд, который создаётся при помощи банков с Уолл-стрит,

станет заметным потенциальным участником в области, которая уже немало наводнена деньгами [5].

В США, как известно, существует немало проблем. В современной экономике есть выражение «социальный контракт». Философы его тоже иногда используют. Это обмен между людьми и властью ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы. Кризис американского социального контракта возник, потому что США, которые более двух веков «всасывали» в себя иммиграцию, то есть людей, которые ехали, чтобы сделать что-то самим, получить свободу самореализации. А со второй половины XX века возникла иммиграция в богатую страну, люди ехали за материальным достатком. Разумеется, они исповедовали другие ценностные установки. Фактически США два десятилетия находятся в состоянии конфликта и неустойчивого политического равновесия между социалистическим проектом (Барак Обама в Европе был бы назван социалистом) и неоконсервативным (остаётся ли страна с прежними ценностями или нет). Нация расколота, а на выборах не признают победившего президента. Это, в частности, результат перемещения многих людей с определёнными ценностями. Таким образом, очевиден сдвиг к расколу и нарушению равновесия.

Эр-Рияд демонстрирует свою готовность внедрять ИИ; с ним и с большими данными связаны примерно 70 из 96 стратегических целей в концепции «Видение 2030». Саудовская Аравия стремительно развивает стратегическое партнёрство в сфере современных технологий с ведущими корпорациями США. 5 марта 2024 года КСА объявила о привлечении более 10 млрд долл. инвестиций от «Амазон вебсервис» (*Amazon Web Services, AWS*) и от некоторых других крупных технологических игроков для строительства современных центров обработки данных, критически важной инфраструктуры для реализации амбициозных планов Эр-Рияда в области искусственного интеллекта. Руководство королевства заявило о намерении всесторонне поддерживать и стимулировать развитие технологических стартапов у себя в стране [17].

Договорённость была достигнута на третьем ежегодном глобальном технологическом форуме *LEAP*, проходившем 4–7 марта 2024 года в столице Саудовской Аравии. По данным саудовской стороны, в мероприятии участвовали более 172 тыс. региональных и международных технических специалистов [18].

В том же месяце состоялась встреча президента Города науки и технологий имени короля Абдул-Азиза (*King Abdulaziz City for Science and Technology, KACST*) доктора Мунира ибн Махмуда с заместителем советника по национальной безопасности США Энн Нойбергер и сопровождавшей её делегацией из представителей 20 компаний. Стороны обсудили перспективы расширения сотрудничества в области коммуникационных технологий. Представители американских компаний отметили позитивную динамику функционирования инноваций *Open RAN*, а также совершенствование технологий кибербезопасности и роль

искусственного интеллекта в развитии интеллектуальных сетей. Сотрудники KACST, «Эс-ти-си групп» (*Saudi Telecommunication Company, stc Group*), «Арамко» (*Aramco*), а также высокопоставленные представители американской делегации из «Амазон» (*Amazon*), «Куалкомм» (*Qualcomm*), «Сиена корпорейшн» (*Ciena Corporation*), «Ай-би-эм» (*IBM*) и «Сириз кэпитал» (*Ceres Capital*) обсудили вопросы инвестиций в сферу коммуникационных технологий КСА [19].

Имея отлаженные механизмы инвестирования и опыт создания цифровых систем, «Амазон вебсервис» как технологический колосс внутри «Амазон» развивает облачный бизнес. Эта компания имеет все возможности рисковать своими капиталами, а в равной мере и активами при выборе путей развития своего перспективного бизнеса в КСА. Представители компании объявили о намерении инвестировать 5,3 млрд долл. в создание современной инфраструктуры, которая полностью заработает в 2026 году и поможет обучить местных разработчиков [17].

Реализация данной амбиции потенциально сделает Саудовскую Аравию крупнейшим в мире инвестором в искусственный интеллект. Политикум КСА демонстрирует глобальные бизнес-амбиции, что находится в русле саудовских усилий по диверсификации своей экономики и утверждению себя в качестве более влиятельного игрока в геополитике [5].

О своих амбициозных намерениях инвестировать 5 млрд долл. заявил оператор Центров обработки данных (ЦОД) «ДатаВолт» (*DataVolt*). Средства пойдут на строительство цифровых мощностей, потребляющих более 300 МВт. Американская корпорация «Ай-би-эм» намерена выделить 250 млн долл. на центр по разработке программного обеспечения (ПО), а сервис-провайдер «СервисНау» (*ServiceNow*) потратит 500 млн долл. на локализацию своих сервисов. Намерена открыть центр производства и выполнения заказов в стране и компания «Делл» (*Dell*) [20].

Технологический гигант «Оракл» (*Oracle*) – второй по размеру выручки разработчик программного обеспечения в мире со штаб-квартирой в Техасе (США) – заявил о намерении инвестировать 1,5 млрд долл. в расширение мощностей облачной инфраструктуры Саудовской Аравии. «Инвестиции "Оракла" существенно ускорят облачную трансформацию бизнеса и государственного сектора Саудовской Аравии», – отметил исполнительный директор Ричард Смит [21].

Осенью 2021 года 44 иностранные компании получили государственные лицензии от властей КСА на открытие штаб-квартир в Королевстве. Представительства своих компаний официально зарегистрировали «Пепсико» (*PepsiCo*), «Диди» (*DiDi*), «Юнилевер» (*Unilever*), «Сименс» (*Siemens*), КПМГ (*KPMG*), «Новартис» (*Novartis*), «Бейкер Хьюз» (*Baker Hughes*), «Халлибёртон» (*Halliburton*), «Филипс» (*Philips*), «Шлюмберже» (*Schlumberger*), САП-Эс-Е (*SAP SE*),

«ПрайсуотерхаусКуперс», «Ойо» (*Oyo*), «Бостон сайентифик» (*Boston Scientific*) и «Тим Хортонс» (*Tim Hortons*) [22].

Дом Саудидов уделяет много внимания повышению качества жизни своих подданных, одновременно делая ставку на развитие корпоративных культурных инициатив. Правительство увязывает эти изменения с быстро текущими процессами креативного развития других стран региона, таких как Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн.

В целом задачи саудовских властей по расширению взаимодействия с зарубежными компаниями впечатляют. К 2030 году Эр-Рияд хочет привлечь 480 компаний, которые откроют свои штаб-квартиры на территории королевства. По состоянию на 2021 год, 196 компаний из списка «Форчун-500» (*Fortune 500*) открыли свои офисы на Ближнем Востоке и в Африке, 70% общего числа которых предпочли разместиться в Дубае [22].

Важные позиции в освоении самых современных технологических новинок занимает саудовская нефтяная компания «Арамко» (*Aramco*). Относительно недавно её исполнительный директор Амин Насер представил большую языковую модель ИИ *AramcoMETABRAIN*, а также заявил о появлении в скором времени инновационной научно-исследовательской сети *Saudi Accelerated Innovation Lab*, которая будет ядром по внедрению цифровых экономических решений компании [23].

Американская компания из списка «дивидендных аристократов» [24] США «Эйр продактс» (*Air Products*) заключила соглашение с саудовской компанией «Эй-си-дабл-ю-эй пауэр интернэшнл» (*ACWA Power International*) о строительстве завода, производящего аммиак на основе водорода. Согласно заявлению, проект объединит более 4 ГВт возобновляемой энергии, включая солнечную и ветровую электроэнергию, для производства 1,2 млн т аммиака в год. Он также будет производить азот и 650 т водорода ежедневно [25].

О планах инвестировать в создание цифровых центров обработки данных объявил технологический гигант США «Майкрософт» (*Microsoft*). «Этот новый регион центров обработки данных предоставит организациям, предприятиям и разработчикам в Королевстве и во всём мире доступ к масштабируемым, высокодоступным и устойчивым облачным сервисам, удовлетворяя их потребности в размещении данных, безопасности, конфиденциальности и соответствии требованиям. Мы с нетерпением ждём продолжения реализации этих трансформационных путей – от расширения возможностей организаций для цифровой трансформации и совместной инновации до создания экономического эффекта и трансформации отраслей», – отметил Самер Абу-Латиф, корпоративный вице-президент и президент «Майкрософт» в Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Африке [26].

Министр связи и информационных технологий Саудовской Аравии Абдулла Аль-Сваха заявил, что «Майкрософт» инвестирует 2,1 млрд долл. в глобальное супермасштабируемое облако, в то время как «Оракл» выделил 1,5 млрд долл. на создание нового облачного региона в Эр-Рияде [27].

К 2030 году ИИ принесёт 135 млрд долл. в экономику Саудовской Аравии и 96 млрд долл. в экономику ОАЭ, что поставит эти два государства позади только Китая и США, где ИИ окажет наибольшее влияние на валовой внутренний продукт [28].

Таблица 1

Инвестиции крупнейших американских корпораций в КСА, 2023–2024 годы

Наименование компании	Размер и назначение инвестиций
«Ай-би-эм»	250 млн долл. в центр по разработке программного обеспечения
«Оракл»	1,5 млрд долл. в расширение мощностей облачной инфраструктуры
«Майкрософт»	2,1 млрд долл. в облачные вычисления
«Амазон веб сервис»	10 млрд долл. в центры обработки данных

Источник: [17; 29; 30; 31].

Подводя предварительные итоги сотрудничества, можно отметить, что набранная динамика взаимодействия американо-саудовского сотрудничества в сфере высоких технологий весьма серьёзно отражается на будущем саудовского королевства. Саудовскому бизнесу направлен чёткий сигнал на цифровизацию и многомерное сотрудничество с гигантами технологического бизнеса США, которые занимают серьёзные позиции в мире высоких технологий.

ФАКТОР КНР

США обеспокоены оседанием китайской компании «Хуавей» (*Huawei*) на Аравийском полуострове. В феврале текущего года компания «Хуавей» подписала меморандум о стратегическом сотрудничестве с ведущим оператором связи «Ду» (*Du*) в ОАЭ [32].

Официальные лица США склонны рассматривать технологические инициативы аравийских монархий с Китаем как серьёзные риски для американских информационных систем, а в ряде случаев и для национальной безопасности. Работа китайских фирм в Заливе, по мнению официального Вашингтона, чревата

корпоративным и техническим шпионажем против американских компаний, учитывая условия деятельности в рамках одних и тех же сетей связи.

Подводя предварительные итоги сотрудничества в сфере современных технологий, можно отметить, что набранная динамика американо-саудовского взаимодействия самым серьёзным образом отражается на настоящем и влияет на будущее саудовского королевства. Руководство КСА направило национальному бизнесу чёткий сигнал на цифровизацию и многомерное сотрудничество с гигантами технологического бизнеса США, которые занимают серьёзные позиции в мире высоких технологий (*hi-tech*).

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В связи с постоянно растущим санкционным давлением на Российскую Федерацию наращивание технологического и торгового потенциалов представляет прямой интерес для реализации курса на стратегическое расширение географии взаимодействия, в том числе с государствами Персидского залива. России есть что предложить. Например, успешно развивается отечественная компания «Вуш» (*Whoosh*), в том числе на зарубежных рынках, предоставляя востребованные услуги микромобильности. Вполне вероятно, что компетенции этой компании могут представлять интерес для арабских правительств. Учитывая серьёзные позиции в мире и компетенции России в цифровизации производства продукции агропромышленного комплекса (АПК), опыт отечественных компаний может принести пользу в деле диверсификации экономики КСА. РФ имеет серьёзный вес в создании плавучих атомных электростанций (АЭС). Учитывая курс королевства на освоение различных источников энергии, опыт РФ в этой сфере потенциально может представлять существенный интерес для КСА.

Объёмы поставок Россией продукции по транспортным коридорам на Ближний Восток и в Африку, в том числе через Иран, растут. В перспективе РФ могла бы создать трёхстороннюю площадку по управлению транспортными потоками, которая развивалась бы совместно с Тегераном и Эр-Риядом. Специалисты Ирана и КСА потенциально могли бы получить ценный опыт и серьёзно нарастить свои компетенции, перенимая опыт от коллег из «Российских железных дорог» (РЖД), а также от разработчиков навигационной системы ГЛОНАСС. Таким образом, РФ может выступить инициатором создания общего коммуникационного пространства для Ирана и КСА с целью реализации проектов, выгоды от которых могут получить все заинтересованные стороны.

Проблемы технологического развития в странах Арабского Востока обретают повышенную актуальность в свете новых явлений. Среди них и те, что проистекают из необходимости модернизации национальных экономик в связи с возникновением мощных тенденций к реформированию технологических пространств,

с проникновением в хозяйственную и культурную сферы жизни информационных технологий.

Опыт администрирования налоговой системы России, проведённый М.В. Мишустинным, вполне может оказаться полезным для развития экономик стран Залива. Учитывая создание «Яндексом» (*Yandex*) своего *GPT*, вошедшего в топ-20 *GPT* мира, навыки российских разработчиков могут быть востребованы в указанном регионе.

КСА адаптируется к новым условиям мировых стандартов ведения бизнеса, что напрямую влияет на судьбы подданных саудовского монарха. Продолжающиеся тяжелейшие конфликты в Сирии и Йемене, а также события в Газе и реакция на них Ирана подвергают Ближневосточный регион новым вызовам и опасностям. В любом случае это – фактически очередной жёсткий вызов, поставленный перед населением Аравийского полуострова современностью и наслаивающийся на ещё не преодоленные последствия предшествующих испытаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пути и методы формирования новых точек технологического совершенствования экономической сферы жизни КСА существенно изменяются в соответствии с текущими условиями вхождения аравийских государств в общемировую технологический поток, тон в котором во многом задают ведущие корпорации Запада. Конфликты в Сирии и Йемене свидетельствуют о возникновении многочисленных ниш, в которых напряжение достигло максимальных величин, а колоссальный накал страстей вылился в длительные и разрушительные гражданские войны. Как представляется, усиливающим фактором стало то, что процесс получил импульс в ходе переформатирования экономического пространства в духе либеральных представлений о рыночной экономике. Это одностороннее движение фактически завело в тупик арабские общества, лишив перспективы социального роста большую часть огромного молодёжного контингента, и вместо решения проблемы правящие силы добились лишь обустройства на этом пространстве ниш для возвращения радикального уклона.

Сотрудничество КСА с США в сфере современных цифровых технологий в 2020-х годах растёт существенными темпами, и эта тенденция, вероятно, продолжится в ближайшем будущем. Эр-Рияд имеет все возможности извлечь максимальную выгоду от сотрудничества с ведущими американскими технологическими гигантами. Набранные темпы взаимовыгодного взаимодействия открывают руководству КСА широкие перспективы развития сильного внутреннего рынка электронной коммерции и облачных технологий, что при правильной политике, вполне может стать локомотивом трансформации электронной коммерции в регионе Персидского залива.

Пример Саудовской Аравии свидетельствует о том, что США проводят политику технологической коллаборации среди своих партнёров-единомышленников на Ближнем Востоке, предоставляя свои услуги в развитии цифровых технологий, расширяя присутствие американских компаний в перспективном с точки зрения ведения бизнеса регионе. Установление чётких параметров инвестиционных контрактов и их укрепление в Персидском заливе позволяет Вашингтону одновременно усилить свои партнёрские отношения в области безопасности данных и защиты информации.

Но несмотря на общий оздоравливающий экономику КСА эффект от сотрудничества с США в сфере современных технологий, накопленные Эр-Риядом темпы вовлечённости женской части населения королевства всё ещё недостаточны и по имеющимся данным служат сдерживающим фактором модернизации социокультурного облика саудовского государства. Таким образом, в КСА есть немало приверженцев реформаторских настроений, которые настаивают на внесении изменений в законы, приспособления их к современной жизни. Реформаторы пользуются поддержкой большей части населения, но не всех жителей.

Для достижения амбициозных целей, поставленных программой «Видение 2030», Эр-Рияду необходимо не только модернизировать свою администрацию и институты управления, но и пережить социокультурную революцию, которая трансформирует его патриархальную структуру и приспособит глубоко укоренившиеся ценности и нормы к потребностям XXI века.

ИСТОЧНИКИ

1. Most Innovative Companies in Saudi Arabia 2022. Forbes Middle East. Available at: <https://www.forbesmiddleeastmagazine.com/magazines/2023/saudi-special-report/most-innovative-companines-in-ksa-english.pdf> (accessed 07.05.2024).

2. Saudi Arabia Ranks High among G20 Countries and the World. Saudi Press Agency, 09.09.2023. Available at: <https://www.spa.gov.sa/en/ae2b37c1e1i> (accessed 07.05.2024).

3. Saudi Economy Watch. PwC, 25.10.2023. Available at: <https://www.pwc.com/m1/en/publications/saudi-economy-watch.html> (accessed 07.05.2024).

4. Krishna Kumar, N.P. Saudi Arabia among top 10 globally in business skills: Coursera report 2022. *Al Arabiya*, 14.06.2022. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2022/06/14/Saudi-Arabia-among-Top-10-globally-in-business-skills-Coursera-report-2022> (accessed 07.05.2024).

5. Farrell, M. and Copeland, R. Saudi Arabia Plans \$40 Billion Push into Artificial Intelligence. *The New York Times*, 19.03.2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/03/19/business/saudi-arabia-investment-artificial-intelligence.html> (accessed 17.04.2024).

6. Satariano, A., Mozur, P. 'To the Future': Saudi Arabia Spends Big to Become an A.I. Superpower. *The New York Times*, 26.04.2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/04/25/technology/saudi-arabia-ai.html> (accessed 07.05.2024).
7. Digital Riser Report 2020. European Center for Digital Competitiveness. Available at: https://digital-competitiveness.eu/wp-content/uploads/ESCP03_Digital-Riser-Ranking_2020-09-14-1.pdf (accessed 21.04.2024).
8. Artificial Intelligence (AI) Coined at Dartmouth. Dartmouth. Available at: <https://home.dartmouth.edu/about/artificial-intelligence-ai-coined-dartmouth> (accessed 21.04.2024).
9. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed 17.04.2024).
10. Global Gender Gap Report 2023. World Economic Forum, June 2023. Available at: <https://pcw.gov.ph/assets/files/2023/07/Global-Gender-Gap-Report-2023.pdf> (accessed 17.04.2024).
11. Global Gender Gap Report 2020. World Economic Forum. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed 17.04.2024).
12. Saudi population at 32,2 million, 63% of Saudis under 30 years old, census shows. *Reuters*, 31.05.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-population-322-mln-median-age-29-years-old-general-authority-statistics-2023-05-31/> (accessed 17.04.2024).
13. Princess Reema bint Bandar meets President Trump, presents credentials as Saudi envoy to US. *Arab News*, 09.07.2019. Available at: <https://www.arab-news.pk/node/1522891/saudi-arabia> (accessed 17.04.2024).
14. Pipes D. Female Desire and Islamic Trauma. *The New York Sun*, 25.05.2004. Available at: <https://www.danielpipes.org/1823/female-desire-and-islamic-trauma> (accessed 17.04.2024).
15. Towards Saudi Arabia`s Sustainable Tomorrow. First Voluntary National Review Kingdom of Saudi Arabia. UN High-Level Political Forum 2018: "Transformation towards sustainable and resilient societies", July 9–18 2018, New York. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/20230SDGs_English_Report972018_FINAL.pdf (accessed 17.04.2024).
16. Hassan, S. Saudi women join the workforce as country reforms. *CNN*, 07.02.2018. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/02/06/middleeast/saudi-women-in-the-workforce/index.html> (accessed 17.04.2024).
17. Martin, M. Amazon Leads Firms Investing \$10 Billion In Saudi Data Centers. *Bloomberg*, 04.03.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-04/amazon-leads-firms-investing-10-billion-in-saudi-data-centers> (accessed 01.04.2024).

18. Di Marco, N. LEAP 2024: The Leading Tech Event in Riyadh. Azimuth Gulf, 03.03.2024. Available at: <https://www.azimuth-gulf.com/leap-2024-the-leading-tech-event-in-riyadh/> (accessed 21.04.2024).

19. Saudi Arabia, US Discuss Enhancing Cooperation in Future Communications Technologies. Asharq Al-Awsat, 08.03.2024. Available at: <https://english.aawsat.com/technology/4899206-saudi-arabia-us-discuss-enhancing-cooperation-future-communications-technologies> (accessed 07.05.2024).

19. Авдеев Р. AWS и DataVolt потратят \$10 млрд на строительство ЦОД в Саудовской Аравии. *ServerNews*, 05.03.2024. Available at: <https://servernews.ru/1101248> (accessed 01.04.2024).

20. Swinhoe, D. Oracle announces plans for third Saudi Arabia cloud region. Data Centre Dynamics (DCD), 06.02.2023. Available at: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/oracle-announces-plans-for-third-saudi-arabia-cloud-region/> (accessed 02.04.2024).

21. Warner, K. Will Saudi Arabia's plan work to become the Middle East's new corporate HQ? *The Circuit*, 03.01.2024. Available at: <https://circuit.news/2024/01/03/will-saudi-arabias-plan-work-to-become-the-middle-east-s-new-corporate-hq/> (accessed 02.04.2024).

22. Aramco unveils AI model aramcoMETABRAIN at LEAP 2024. Mubasher, 05.03.2024. Available at: <https://english.mubasher.info/news/4256256/Aramco-unveils-AI-model-aramcoMETABRAIN-at-LEAP-2024/> (accessed 05.04.2024).

23. S&P 500 Dividend Aristocrats. S&P Dow Jones Indices. Available at: <https://www.spglobal.com/spdji/en/indices/dividends-factors/sp-500-dividend-aristocrats/#overview> (accessed 21.04.2024).

24. Di Paola, A. Air Products Plans \$5 Billion Green Fuel Plant in Saudi Arabia. *Bloomberg*, 07.07.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-07-07/air-products-to-build-5-billion-ammonia-plant-in-new-saudi-city> (accessed 05.04.2024).

25. Microsoft Announces Intent to Expand Cloud Regions through Saudi Arabia Datacenter. Microsoft, 06.02.2023. Available at: <https://news.microsoft.com/en-xm/features/microsoft-announces-intent-to-expand-cloud-regions-through-saudi-arabia-datacenter/> (accessed 05.04.2024).

26. Saudi Arabia says tech giants to invest more than \$9 billion in kingdom. Reuters, 06.02.2023. Available at: <https://www.reuters.com/technology/saudi-arabia-says-tech-giants-invest-more-than-9-bln-kingdom-2023-02-06/> (accessed 07.04.2024).

27. Freitas, Jr G., Almeida, I. AI Is Helping Automate One of the World's Most Gruesome Jobs. *Bloomberg*, 01.05.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-01/ai-is-helping-automate-one-of-the-world-s-most-gruesome-jobs> (accessed 07.05.2024).

28. Bhat, D. Aramco launches world's first industrial AI model. *Arabian Gulf Business Insight*, 06.03.2024. Available at: <https://www.agbi.com/ai/2024/03/aramco-launches-world-first-industrial-ai-model/> (accessed 07.05.2024).

29. Oracle to Invest US \$1.5 Billion to Meet Cloud Computing Demand in Saudi Arabia. Oracle, 06.02.2023. Available at: <https://www.oracle.com/news/announcement/oracle-to-invest-us-1-point-5-billion-to-meet-cloud-computing-demand-in-saudi-arabia-2023-02-06/> (accessed 07.05.2024).

30. Butler, G. Microsoft to invest \$2.1bn in cloud and AI infrastructure in Spain. Data Centre Dynamics, 20.02.2024. Available at: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/microsoft-to-invest-21bn-in-cloud-and-ai-infrastructure-in-spain/> (accessed 07.05.2024).

31. Huawei and du Sign Strategic Cooperation MOU, Building the 5G Advanced Country. Huawei, 26.02.2024. Available at: <https://www.huawei.com/en/news/2024/2/5g-du-mou> (accessed 07.05.2024).

32. Annual Report 2017. Saudi Industrial Development Fund. Available at: <https://www.sidf.gov.sa/en/MediaCenter/AnnualReport/Annual%20Report%202017.pdf> (accessed 17.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилин И.В. 2018. Развитие перспективных технологий: вызовы для научно-технологической и инновационной политики. *Вестник МГИМО-Университета*. № 6 (63). С. 255–270. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-255-270>.

Данилин И.В. 2020. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? *Вестник МГИМО-Университета*. № 13 (1). С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116>.

Дербенев А.С. 2020. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 3 (13). С. 273–285. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-3-273-285>.

Дербенев А.С. 2021. Саудовская Аравия – Египет: выход из сомнамбулизма. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 3 (17). С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-3-44-52>.

Матвеев И.А. Пути преодоления технологической отсталости арабских государств: вызовы, перспективы и возможная роль России. *Российский совет по международным делам (РСМД)*, 27.03.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-preodoleniya-tekhnologicheskoy-otstalosti-arabskikh-gosudarstv-vyzovy-perspektivy-i-vozmozhnaya/> (accessed 02.05.2024).

Наumenko Т.В., Тимахов К.В. 2019. Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона. *Вестник МГИМО-Университета*. № 1 (64). С. 147–167. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167>.

REFERENCES

Benazza, H., Toumi, H. 2024. Dimensions of Artificial Intelligence and Data Strategies in Industrial Enterprises and Achieving Sustainable Leadership: A Reading in the Saudi Industrial National Strategy 2016–2030. *Journal of North African Economies*. Vol. 20. No. 34. P. 185–204.

Danilin, I.V. Emerging Technologies Development: Challenges for the Science, Technology and Innovation Policies. *MGIMO Review of International Relations*. 2018. 6. Pp. 255–270. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-255-270>.

Danilin, I.V. The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets? *MGIMO Review of International Relations*. 2020. 13. Pp. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116>.

Derbenev, A.S. Saudi Arabia at the Top of Political Turbulence. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 273–285. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-3-273-285>.

Derbenev, A.S. Saudi Arabia — Egypt: A Way Out of Somnambulism. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021. 3. Pp. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-3-44-52>.

Matveev, I.A. Ways to overcome the technological backwardness of the Arab States: challenges, prospects and a possible role for Russia. *Russian International Affairs Council (RIAC)*, 27.03.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-preodoleniya-tekhnologicheskoy-otstalosti-arabskikh-gosudarstv-vyzovy-perspektivy-i-vozmozhnaya/> (accessed 02.05.2024).

Naumenko, T.V., Timakhov, K.V. Saudi Arabia's Economic Competitiveness in the Middle East. *MGIMO Review of International Relations*. 2019. 1. Pp. 147–167. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕРБЕНЕВ Андрей Сергеевич, Кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Andrei S. DERBENEV, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023 / Received 23.04.2023.

Поступила после рецензирования 10.05.2023 / Revised 10.05.2023.

Статья принята к публикации 12.05.2023 / Accepted 12.05.2023.

УДК: 349.6; 504

DOI: 10.31857/S2686673024100074

EDN: YVQFDR

Правовое регулирование ликвидации накопленного экологического вреда на промышленных площадках в США

Р.Ю. Колобов

Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук».

Российская Федерация, 664033, Иркутск, ул. Фаворского, 1.

Иркутский государственный университет, Юридический институт.

Российская Федерация, 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

ResearcherID: H-4644-2016 AuthorID: 505082

ORCID ID: 0000-0003-1488-7530

e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Резюме. Рассматривается практика устранения накопленного вреда окружающей среде в Соединённых Штатах Америки. Констатируется актуальность заявленной проблематики для Российской Федерации и необходимость критического анализа аналогичного зарубежного опыта. Описывается общее правовое регулирование обращения с опасными химическими веществами в США, определяется непосредственный предмет исследования в виде правовых и организационных форм устранения последствий высвобождений опасных химических веществ в окружающую среду в соответствии с законом КЭРКО. Исследуются исторические предпосылки появления нормативного акта, выявляется негативное влияние политических обстоятельств на его качество. Последовательному анализу подвергаются основные элементы системы ликвидации накопленного вреда окружающей среде, созданной КЭРКО, детально раскрываются особенности юридических процедур, связанных с подготовкой и реализацией мероприятий по ремедиации загрязнённых объектов. Выявляются проблемы финансовой устойчивости указанных мероприятий, вызванных изменением налоговых режимов, раскрываются некоторые особенности привлечения к ответственности лиц, виновных в загрязнении окружающей среды опасными химическими веществами. По результатам исследования формулируются выводы о возможности рецепции отдельных позитивных черт зарубежного опыта и необходимости продолжать компаративистские исследования в сфере ликвидации накопленного вреда окружающей среде.

Ключевые слова: отходы, накопленный вред, окружающая среда, экология, экологическое право.

Для цитирования: Колобов Р.Ю. Правовое регулирование ликвидации накопленного экологического вреда на промышленных площадках в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(10): 98–118. DOI: 10.31857/S2686673024100074
EDN: YVQFDR

Legal Regulation of the Remediation of Accumulated Environmental Damage at Industrial Sites in the USA

Roman Yu. Kolobov

Federal Research Centre “A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”.

1 Favorskogo St., 664033 Irkutsk, Russian Federation.

Law Institute of Irkutsk State University.

10 Ulan-Batorskaya St., 664082 Irkutsk, Russian Federation.

Abstract. The practice of eliminating accumulated environmental damage in the United States of America is reviewed. The relevance of the stated problems for the Russian Federation and the need for critical analysis of similar foreign experience is stated. The general legal regulation of handling hazardous chemicals in the USA is described, the direct subject of the research is defined as legal and institutional forms of elimination of consequences of releases of hazardous chemicals into the environment in accordance with the CERCLA law. The historical background of the regulatory act is investigated, and the negative influence of political circumstances on its quality is revealed. The main elements of the system of liquidation of accumulated environmental damage created by CERCLA are thoroughly analysed, the features of legal procedures related to preparation and implementation of measures on remediation of contaminated objects are revealed in detail. The problems of financial sustainability of these measures caused by changes in tax regimes are revealed, some peculiarities of prosecuting persons guilty of environmental contamination with hazardous chemicals are revealed. Based on the results of the study, conclusions are formulated about the possibility of adopting some positive features of foreign experience and the need to continue comparative research in the field of elimination of accumulated environmental damage.

Keywords: waste, accumulated damage, environment, ecology, environmental law.

For citation: Kolobov, R.Y. Legal Regulation of the Remediation of Accumulated Environmental Damage at Industrial Sites in the USA. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2024; 54(10): 98–118. DOI: 10.31857/S2686673024100074 EDN: YVQFDR

ВВЕДЕНИЕ

С развитием науки и инженерной мысли производственные процессы стали специализироваться и усложняться, а их постоянным спутником стало образование отходов. В XX веке темпы индустриализации приобрели беспрецедентный характер, а с ними произошло количественное и качественное усложнение проблем обращения с промышленными отходами. Прежде всего такие проблемы коснулись почвы – невозобновляемого ресурса, одной из основ существования человека [Sanchez-Castro I. 2023: 1], и подземных вод, поскольку по мере введения государством ограничений на сброс отходов в реки, общей практикой стало их складирование в прудах и котлованах [Colten C. 1991: 215].

Страны, принадлежащие к разным экономическим системам, проходившие через периоды интенсивной индустриализации, столкнулись с необходимостью устранять накопленный экологический вред, вызванный деятельностью предприятий различных отраслей промышленности (не в последнюю очередь – химической).

Описываемая проблематика имеет особое значение для России. Сложные социально-экономические условия 90-х годов XX века способствовали запустению многих объектов советского индустриального наследия. Ярким примером деградации промышленных площадок стала территория предприятия «Усольехимпром», в границах которого находились опасные отходы химического производства. Реализация комплекса мероприятий по нейтрализации угроз привела к комплексному обновлению законодательства в сфере ликвидации накопленного вреда окружающей среде (далее – НВОС). Новые правила предусматривают детальную регламентацию процессов выявления и ликвидации [1] НВОС, равно как и порядок финансирования таких мероприятий.

Формирующиеся новые подходы к решению проблем требуют научного осмысления с использованием разнообразного инструментария методов. Значительным потенциалом обладают сравнительно-правовые способы и приёмы. Они позволяют выявлять общие закономерности развития регулирования сопоставляемых общественных отношений, избегать ошибок и предотвращать негативные последствия, с которыми уже столкнулись зарубежные правовые порядки. Объектом настоящего исследования выступает общественная практика устранения последствий высвобождения опасных химических веществ в окружающую среду в Соединённых Штатах Америки. Предмет исследования представлен юридическими и организационными формами такой деятельности, отражёнными в федеральном законе 1980 года

«О комплексном экологическом реагировании, компенсации и ответственности» – КЭРКО (*Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act, CERCLA*). Этот закон включён в Кодекс США, поэтому нумерация параграфов приводится в соответствии с устоявшимся стандартами указания на раздел и параграф, например: 42 U.S.C. § 9661 (e) (1) [2]. В США устранение накопленных опасных отходов из окружающей среды возможно в рамках процедур, предусмотренных различными нормативными актами. При этом особенности федеративного устройства государства предопределяют и значительную роль законодательства штатов (например, такой закон принят в Нью-Джерси) [3]. Однако именно КЭРКО содержит наиболее общее регулирование рассматриваемых отношений. Статья восполняет отсутствие *юридических* исследований проблем ремедиации загрязнённых объектов в зарубежных странах и создаёт основу для продолжения сравнительно-правового анализа в этой области. В частности, интерес представляет американская практика ремедиации объектов, загрязнённых ртутью в штате Нью-Джерси. Многолетний сброс ртутьсодержащих отходов на промышленном комплексе компании «Вентрон» (*Ventron*) привёл к необходимости провести масштабные мероприятия по устранению вреда окружающей среде [Reinfelder J. R., Jansen S. E. 2019: 122].

ИСТОРИЯ КЭРКО

Появление закона было обусловлено множеством факторов, среди которых выделяются три обстоятельства. Во-первых, 1970-е годы представляют собой период расцвета природоохранного движения в Северной Америке. В это время было создано национальное Агентство по охране окружающей среды (далее – Агентство) и приняты основополагающие нормативные акты экологической направленности: закон «О национальной экологической политике» 1970 года (*National Environmental Policy Act*), закон «О чистом воздухе» 1970 года (*Clean Air Act*). Отдельно отметим, что закон «О сохранении и восстановлении ресурсов» 1976 года (*Resource Conservation and Recovery Act*) создавал систему регулирования обращения с опасными отходами от момента их образования до захоронения [Davis C. 1985].

Второе обстоятельство, которое повлияло на ускоренное принятие КЭРКО, состоит в том, чтобы выявить места захоронения опасных химических отходов, оказавших негативное влияние на здоровье большого числа людей. К таким случаям относится знаменитое дело района Лав-Канал в городе Ниагара-Фолс (штат Нью-Йорк). С 1942 по 1952 год недостроенный канал для отвода воды из реки Ниагары был заполнен отходами химического производ-

ства, а затем засыпан грунтом и продан прежним собственником за 1 долл. с условием освободить химическую компанию от ответственности [Fjelland R. 2016: 106–107]. На территории захоронения была построена начальная школа и дома, жители которых подверглись воздействию опасных химических веществ, проникавших на поверхность после нескольких сезонов затяжных дождей. Защита своих экологических прав сообществом местных жителей стала одной из важных причин, которая способствовала выработать общие процедуры ликвидации последствий. Одновременно необходимо оговориться, что в данном исследовании мы используем нейтральный термин «высвобождение», избегая поиска точного эквивалента в действующем российском позитивном праве, поскольку полагаем, что он наиболее общим образом отражает содержание понятия *release*, центрального в нормативно-правовых актах, затронутых в статье. В соответствии с 42 U.S.C. § 9601 (22) оно включает в себя любой разлив (*spilling*), утечку (*leaking*), перекачку (*pumping*), вливание (*pouring*), выброс (*emitting*), опорожнение (*emptying*), сброс (*discharging*), впрыскивание (*injecting*), выделение (*escaping*), вымывание (*leaching*), сваливание (*dumping*) или размещение (*disposal*) в окружающую среду, включая оставленное содержимое в бочках, контейнерах или иных закрытых резервуарах. При этом из содержания понятия исключаются высвобождения на рабочих местах в отношении требований о возмещении вреда работникам, выбросы из двигателей, высвобождения ядерного материала (в общем случае) и обычное использование удобрений [4] опасных химических веществ в США. При этом ситуация с отходами в Лав-Канале получила отражение в отдельном разделе КЭРКО, посвящённом добровольному выкупу всей частной собственности в этом районе штатом Нью-Йорк [5], а также подняла сложные вопросы социальной справедливости в обеспечения прав на благоприятную окружающую среду [Thomson J. 2015: 13–14]. Многие исследования показывают, что наиболее уязвимые слои населения в Северной Америке, обладающие низким доходом или принадлежащие к этническим меньшинствам, больше подвержены рискам воздействия неблагоприятных экологических факторам, в том числе связанным с высвобождением в природную среду опасных химических веществ [O'Neil S. G. 2007: 1087–1088].

Третье обстоятельство, оказавшее влияние на закон КЭРКО в 1980 году, заключается в особенностях организации политической системы США. Президентские выборы 1980 года выиграл республиканец Р. Рейган, известный своими анти-энвайроменталистскими настроениями, выступая в предвыборной кампании, заявлял о необходимости либерализации правового регулирования отношений в области охраны окружающей среды [Weinberg P. 1988: 1321]. В связи с этим уходящая администрация Джимми Картера мобилизовала усилия для то-

го, чтобы в ускоренном режиме принять закон, что значительным образом изменило его содержание по сравнению с первоначальными проектами [Maloney J.P.S. 1992: 530]. Такие политические обстоятельства, с одной стороны, обеспечили консолидацию политических усилий и появление регулирования острой социальной проблемы, а, с другой – предопределили ряд системных недостатков, вызванных недостаточной проработкой текста и необходимостью достижения компромисса с группами индустриального лобби. В официальном тексте КЭРКО присутствуют грамматические ошибки (неверные формы глаголов и лишние запяты) [Nagle J.C. 1997: 1421]; непоследовательное использование союзов, приводящее к правовой неопределённости (например, в 42 U.S.C. § 9607 (a) 1) закрепляется ответственность владельца *и* оператора судна или объекта, а в п. (a) 2) того же параграфа говорится об ответственности лица, которое на момент утилизации отходов являлось собственником *или* оператором объекта) [Nagle J. C. 1997: 1427]; недостаточно чётко сформулированные дефиниции [Nagle J. C. 1997: 1427] и другие содержательные проблемы, которые будут раскрыты в статье.

Политические процессы и лоббистские усилия представителей промышленности и в дальнейшем оказывали существенное влияние на эффективность мероприятий, реализуемых в рамках закона. Ещё одной гранью политического компромисса, сопровождавшего принятие закона в 1980 году, стало исключение из понятия «опасные вещества» нефтепродуктов и природного газа. По словам сенатора от штата Мэриленд Б. Микульски, такое решение было единственным способом принять законопроект [Baller J. 1990: 919]. Несмотря на указанное исключение, компании нефтегазового сектора обязаны были уплачивать специальный акциз для обеспечения государственного финансирования мероприятий в рамках закона, размер которого был значительно увеличен в 1986 году, после того, как был принят закон «Об улучшении финансирования и перераспределении полномочий», САРА (*Superfund Amendments and Reauthorization Act of 1986, SARA*). По этому закону размер налога увеличивался с 0,79 до 8,2 цента за баррель сырой нефти, произведённой в США, и до 11,7 центов за баррель на импортируемую сырую нефть. В 1989 году в целях выполнения международных обязательств была установлена единая ставка налога в размере 9,7 цента за баррель [6: 2–1]. Принятие закона встретилось с серьёзными политическими препятствиями. Президент США Рональд Рейган выступал против повышения налогов для предприятий химической промышленности, однако был вынужден подписать закон, принятый большинством голосов, превышающим порог преодоления президентского вето [DeMeo K. 1994: 495]. А в 1995 году взимание акциза было приостановлено, в том числе по причине его изначально несправедливого характера – нефтепродукты не

включались в понятие опасных веществ по КЭРКО, однако индустрия неслала налоговое бремя по реализации мероприятий по этому закону. Восстановление налога в отношении продуктов нефтяной промышленности в размере 16,4 цента за баррель произошло лишь с вступлением в силу закона «О снижении инфляции» 1 января 2023 года. В отношении иных химических веществ налогообложение было восстановлено законом «О трудоустройстве и инфраструктурных инвестициях» [7; 8]. Подобная нестабильность финансирования, обусловленная политическими причинами, не сказалась на эффективности проводимых в рамках КЭРКО мероприятий.

Среди множества нормативных актов, действующих в совокупности с КЭРКО, особо выделяется Национальный план действий в чрезвычайных ситуациях (*National Contingency Plan*, далее – План). Этот документ разрабатывается в соответствии с законом «О чистой воде» [9] и КЭРКО, а его содержание составляет закрепление компетенции органов публичной власти по вопросам устранения высвобождений опасных веществ, процедуры координации их действий, перечня и характеристик способов проведения работ по очистке вод и иные вопросы. Принимаемые меры по устранению высвобождений опасных веществ должны, согласно нормам закона, соотноситься с требованиями Плана.

Анализ комплексной системы, созданной в соответствии с КЭРКО, целесообразно начать с её структурирования. В науке предлагается выделять четыре её элемента: а) систему сбора и анализа информации, позволяющей Агентству осуществлять мониторинг уровней концентрации опасных отходов; б) полномочия федеральных органов власти принимать меры в отношении распространения опасных веществ и понуждать виновных лиц осуществлять такие мероприятия; в) Суперфонд (*Superfund*), обеспечивающий, прежде всего, финансирование очистки территорий, в отношении которых не представляется возможным возложить эти обязанности на виновных лиц; г) правила о привлечении к ответственности виновных лиц [Panzer J. E. 1996: 439–440].

СИСТЕМА СБОРА ИНФОРМАЦИИ ОБ ОПАСНЫХ ОТХОДАХ

Первый элемент представлен разнообразными информационными системами и обязанностями по их наполнению. Прежде всего, КЭРКО определяет широкий круг опасных веществ, при высвобождении которых необходимо принимать мер по ремедиации. Он закреплён в 42 U.S.C. § 9601 (14) путём отсылки к другим федеральным нормативным актам [10].

Любой управляющий судном или объектом хранения должен сообщить о ставшем ему известном случае высвобождения опасных веществ в отсутствие разрешения в Национальный реагирующий центр. Отметим, что одно из основных «объектных» понятий, используемых в законе, обозначается словом *facility*. Его определение, содержащееся в 42 U.S.C. § 9601 (9), весьма обширно и перевести его русскими терминами «предприятие», «завод» или «установка» не представляется возможным, в связи с чем в тексте используется словосочетание «объект хранения». Так, термин означает любое здание, сооружение, установку, оборудование, трубу или трубопровод (включая трубу, ведущую в канализацию или очистное сооружение), колодец, яму, пруд, канаву, свалку, контейнер, воздушное судно, подвижной железнодорожный состав, а также любое место или территорию, на которой хранилось, утилизировалось или было иным образом размещено опасное вещество. По умолчанию количество вещества, требующее уведомления, устанавливается в один фунт, но может изменяться положениями отдельных нормативных актов.

При этом обязанность подать указанное уведомление обеспечивается санкцией вплоть до тюремного заключения до трёх лет (до пяти лет при повторном совершении правонарушения). Владелец или оператор объекта хранения должен уведомить Агентство о веществах и их количестве, а также сохранять документацию о месте, состоянии хранилища, качественных и количественных характеристиках содержащихся опасных веществ не менее 50 лет также под угрозой наступления уголовной ответственности.

Основной публичной информационной системой, формируемой Агентством для организации работы по ликвидации последствий высвобождения опасных веществ, является Список национальных приоритетов (*National Priorities List*, далее – Список). Он формируется по представлению штатов на основании оценки, проводимой Агентством. Поправки 1986 года усилили роль системы оценки опасности веществ, используемой в качестве основного инструмента для решения о внесении объекта в Список. В соответствии с утверждённой методологией используется стобалльная шкала, а для внесения в Список объект должен набрать не менее 28,5 баллов (методология проведения оценки закреплена в приложении А к части 300 Плана) [11].

Строго говоря, в Список вносится не объект хранения в физическом смысле, а информация о высвобождении или угрозе высвобождения опасных веществ. Как отмечается в специальном разъяснении Агентства, посвящённом в трактовке термина *site* применительно к объектам, включаемым в Спи-

сок, такие ситуации высвобождения обычно происходят в границах каких-либо производств, однако это вовсе не значит, что границы вносимого объекта должны совпасть с границами соответствующей производственной площадки [12]. Вместе с тем наименование объекта должно отражать основную причину, по которой он внесён в Список (к примеру, наименование соответствующего завода).

По данным на 7 сентября 2023 года, в Список включено 1 336 объектов, 41 предложено к включению, 456 было исключено из него в разное время [13]. Согласно статистическим исследованиям, по состоянию на июль 2023 года около 23 млн человек в США живёт на расстоянии в одну милю от объектов, внесённых в Список, среди них 7% детей младше пяти лет. В пределах 3 миль от объектов, находящихся в Списке, живёт 78 млн человек, включая 24% детей младше пяти лет [14].

Включение в Список само по себе не означает, что к ответственности привлекаются собственники, операторы или владельцы, но это служит началом исследования состояния объекта для определения того, какие меры необходимо принять. К числу несомненных достоинств системы ведения Списка необходимо отнести публичный характер содержащейся в нём информации, её достаточно полный характер, а также удобные сервисы поиска, включающие картографический материал [15]. Информационная составляющая системы, помимо очевидной функции накопления сведений для принятия мер, направлена на выполнение ещё одной важной функции – обеспечить осведомлённость населения об опасных объектах, на которых произошло высвобождение опасных веществ и вовлечения представителей местных сообществ в процессы рекультивации соответствующих площадок. Этому вопросу посвящены различные элементы анализируемой системы, мы обратим внимание на два наиболее важных. Во-первых, это положения 42 U.S.C. § 9617 «Участие общественности», закрепляющие обязанность публиковать план работ по ремедиации объекта хранения, возможность давать замечания на него, а также право федеральных властей предоставлять финансовые гранты местному населению для технического содействия в интерпретации информации о планируемых мероприятиях. Второй важный элемент был введён поправками к КЭРКО 1992 году и стал законом «О содействии общественности при проведении природоохранных мероприятий» (*Community Environmental Response Facilitation Act, CERFA*). Как отмечается в тексте обоснования этого закона, закрытие федеральных предприятий может повлечь за собой негативные социальные последствия для местного населения, связанные с потерей работы и нарушением сроков проведения мероприятий по ремедиации соответствующих территорий [16]. В связи с этим положения 42 U.S.C. § 9620

закрепляют обязанность органа власти, в ведении которого находится объект хранения, деятельность которого прекращается, выявлять территорию, которая не является загрязнённой и пригодна для дальнейшего экономического использования. Находящиеся в открытом доступе отчёты, подготовленные в соответствии с этим законом, достаточно объёмны и содержат информацию о категоризации земельных участков по признакам загрязнения химическими веществами [17; 18].

Привлекая общественность к процессам ремедиации объектов хранения и повышая осведомлённость о проблемах накопления опасных химических веществ в окружающей среде, Агентство проводит разнообразные мероприятия. К ним относится вручение ежегодных премий наиболее активным местным сообществам, принимающим участие в программах Суперфонда [19]; образовательные программы в рамках инициативы Университет Суперфонда [20]; создание общественных консультативных органов [21] и др.

ЛИКВИДАЦИЯ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Процедуры, реализуемые в рамках КЭРКО, достаточно подробно урегулированы самим законом и иными нормативно-правовыми актами. Мы сгруппируем наиболее важные из этапов проведения ремедиации объектов хранения, включённых в Список. Первый этап – оценка объекта на предмет его соответствия критериям включения в Список. Эта административная процедура состоит из предварительного исследования, представляющего собой малозатратную процедуру выявления условий для последующего включения объекта в Список [22], предварительной оценки [23], а если объект набирает больше 28,5 баллов по рассмотренной ранее шкале, продолжается его инспекцией на месте [24]. При этом происходит формальная дифференциация в зависимости от того, находится ли потенциальный объект в ведении федеральных органов власти. Оценка начинается внесением объектов в Перечень, содержащий сведения о выполнении требований по обращению с опасными отходами (*Federal Agency Hazardous Waste Compliance Docket*) [25], в рамках этой оценки осуществляются указанные процедуры. В случае если существуют возможности ликвидировать отходы в соответствии с какими-либо иными федеральными или региональными программами, объект хранения предлагается к применению соответствующих альтернатив. В иных случаях он предлагается к включению в Список.

Следующая стадия мероприятий, реализуемых на объекте после его включения в Список, объединяет проведение исследования по определе-

нию корректирующих мер – КМ (*remedial investigation, RI*) и разработку технико-экономического обоснования – РТЭО (*feasibility study, FS*), осуществляемые привлечённым подрядчиком. Стандарты проведения этих процедур также изложены в специальном руководстве, подготовленном Агентством [26].

Основная задача КМ – сбор данных и описание характеристик объекта, определение природы отходов, оценка рисков здоровью людей и состоянию окружающей среды, а также проведение лабораторных исследований [27]. Процедуры РТЭО направлены на выработку, отбор и детальную оценку альтернативных корректирующих мер. Появление однотипных объектов хранения повлекло за собой и типизацию подходов к проведению процедур КМ/РТЭО. Примером этого процесса является появление Руководства по проведению КМ на муниципальных мусорных полигонах [28], представляющих на момент его подготовки, около 20% всех объектов, включённых в Список. Такая практика также представляется обоснованной, поскольку позволяет мультиплицировать позитивный опыт ликвидации опасных отходов и применять его в будущем. На этом этапе происходит и определение так называемого основного органа, который будет координировать процедуры в соответствии с КЭРКО. Таким органом может выступать Агентство, иной федеральный орган исполнительной власти или штат, однако именно за Агентством сохраняется право окончательного выбора реагирующих мер в отношении мероприятий, финансируемых из Суперфонда, а также реализуемых в отношении объектов хранения, находящихся в федеральном управлении.

На следующем этапе происходит определение реагирующих мер. Этот процесс в значительной мере носит технический характер и связан с выбором необходимых технологий, в связи с этим проанализируем наиболее важные социальные черты процесса. На основе отчёта РТЭО происходит выбор мер и формируется план, который обсуждают с представителями общественности. После публичного обсуждения и сбора позиций государственных органов формируется Протокол (*Record of Decision*), имеющий три функции [29]: подтверждает выполнение требований нормативных актов; описывает технические параметры способов ремедиации и обеспечивает общественность консолидированным итоговым документом относительно объекта и выбранных мер.

На основании Протокола происходит разработка инженерных решений – ИР (*Remedial Design, RD*). Если за разработку ИР отвечает Агентство, оно привлекает независимого подрядчика и контролирует его деятельность. Если процесс координирует Инженерный корпус Армии США, инженерные решения могут

быть разработаны им самостоятельно. Основным субъектом, ответственным за реализацию этой стадии, является управляющий проектом, который разрабатывает план управления проектом, формирует группу по техническому консультированию, подготавливает документы, формализующие задания для подрядчиков.

Реализация реагирующих мер на объекте осуществляется подрядчиком, привлечённым в соответствии с установленными правилами о государственных закупках на основании технического задания. Работы на объекте считаются завершенными при выполнении четырёх условий: 1) достижение показателей, закреплённых в Протоколе; 2) надлежащее качество проведённых работ; 3) охраны здоровья граждан и окружающей среды; 4) связь выполняемых на объекте работ только с эксплуатацией и техническим обслуживанием (но не ликвидацией опасных веществ) [30].

После завершения работ управляющий проектом публикует уведомление о предстоящем исключении объекта из Списка. Условия исключения закреплёны в части 300.425(е) Плана, к которым относится выполнение запланированных мероприятий и подтверждённое отсутствие угроз здоровью человека и состоянию окружающей среды. Участие общественности на данном этапе обеспечивается за счёт установления тридцатидневного периода, в течение которого любое лицо вправе подать свои комментарии и возражения относительно предстоящего исключения из Списка. При этом, в соответствии с указанной нормой, управляющий обязан ответить на каждое существенное замечание, поступившее от представителей общественности, и включить их в завершающий отчёт.

Одна из важных черт системы КЭРКО связана с вовлечением рекультивированных объектов в хозяйственный оборот. По информации на 2022 год, Агентство обладало данными об экономическом использовании 671 объекта, на которых осуществляют деятельность 10 253 предприятия с объёмом продаж в 74,1 млрд долл., создающие 236 802 рабочих места [31].

ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ

Экономическая привлекательность развития рекультивированных территорий и вовлечение их в хозяйственную деятельность связана с двумя оставшимися элементами системы КЭРКО – Суперфондом и в особенности с институтом потенциально ответственных лиц (*potentially liable party*). Основные проблемы, связанные с финансовой устойчивостью Суперфонда, были раскрыты выше, поэтому обратимся к частноправовому регулированию отношений. Рыночные условия хозяйствования предполагают, что подавляющая часть средств произ-

водства находится в частной собственности, что порождает вопрос об имущественной ответственности частных субъектов за вред, причинённый окружающей среде.

Публично-правовые субъекты, рассмотренные в качестве владельцев и операторов потенциально опасных объектов, также не освобождаются от соответствующих обязанностей. Правило 42 U.S.C. § 9620 предусматривает применение правил КЭРКО к любому департаменту, агентству и иному органу власти (независимо от ветви власти, к которой он принадлежит), отдельно оговаривается применение 42 U.S.C. § 9607 об ответственности [32]. Правовое регулирование отношений по привлечению к такой ответственности должно, с одной стороны, обеспечивать проведение мероприятий по минимизации указанного вреда и справедливо распределять имущественное бремя их осуществления. С другой – такие правила должны чётко определять границы ответственности разных субъектов и создавать стимулы для дальнейшего экономического развития территорий.

Решение этих задач происходит с использованием классических правовых конструкций. Прежде всего, к ним относится установление субъектного состава ответственных лиц. В положениях 42 U.S.C. § 9607 определяются четыре категории таких лиц: владельцы и операторы объекта либо те, кто владел или управлял им на момент высвобождения опасных веществ; лица, организовавшие обращение с отходами или их перемещение; перевозчики опасных отходов. При этом в отношении указанных субъектов может применяться доктрина «прокалывания корпоративной вуали», позволяющая привлекать к ответственности контролирующих лиц [Akey P., Appel I. 2021: 12]. Одним из важнейших элементов, составляющих режим ответственности, является определение добросовестных приобретателей соответствующего недвижимого имущества. Они должны быть защищены от применения к ним механизмов ответственности за причинение вреда окружающей среде, что является исходным началом для любого процесса повторного запуска рекультивированных объектов в хозяйственный оборот. С этими целями КЭРКО предъявляет ряд требований, чтобы приобретатель считался добросовестным. В соответствии с правилами 42 U.S.C. § 9601 (40) к таким условиям относится приобретение имущества до имевшего место высвобождения опасных веществ, но после 11 января 2002 года (дату поправок к КЭРКО, получивших название закон «О смягчении ответственности малого бизнеса и восстановлении загрязнённых площадок» (*Small Business Liability Relief and Brownfields Revitalization Act*) [33]; осуществление всех необходимых проверок приобретаемого имущества; добросовестное поведение после того, как подтверждено наличие опасных веществ. Для этого надо подать предусмотренных законами

уведомлений, принять меры, ограничивающие распространения таких веществ, сотрудничать с органами публичной власти; не быть аффилированными с лицами, виновными в высвобождении опасных веществ.

Одно из наиболее важных и неоднозначных с практической точки зрения – требование о проведении «всех необходимых проверок» (*all appropriate inquiries*). Поправки 2002 года наделяют Агентство компетенцией по установлению стандартов для проведения проверок, последняя редакция которых была утверждена в 2017 году и составляет часть 312 главы 40 Федерального свода нормативных актов [34]. В число этих стандартов входит проведение собеседования с предыдущими собственниками объекта, изучение документов органов власти, заключение специалиста, осмотр объекта, соотнесение покупной цены и среднерыночного значения цен для таких объектов и др. Стоит отметить, что широкое нормативное определение высвобождения опасных веществ в совокупности с правилами о строгой безвиновной ответственности вызывало крайне неоднозначные ситуации признания потенциально ответственными лицами организаций, проводивших исследования почвы и организовавших такое исследование в целях покупки земельного участка и получения статуса добросовестного приобретателя [Scheller J. L. 2005].

Признание лица ответственным в соответствии с положениями КЭРКО влечёт серьёзные финансовые последствия, поскольку 42 U.S.C. § 9607 закрепляет широкий круг возмещаемых убытков. К ним относятся все затраты, понесённые органами государственной власти или иными лицами в связи с ликвидацией высвобождения опасных веществ, если принятые меры соответствуют требованиям Плана (соотносимость таких мер с положениями Плана также нередко становится предметом судебных разбирательств) [Saint-Amour T. 1996]; возмещение вреда, причинённого природным ресурсам (включая затраты на оценку такого вреда), затраты на оценку вреда здоровью или исследования в этой области. Так, правила 42 U.S.C. § 9613 (j)(3) предусматривают возможность судебного снижения сумм возмещения, если будет доказано, что выбор мер по устранению высвобождения отходов был произвольным и необоснованным. В научных исследованиях также показано, что такие случаи не были редкостью [Ehlers W.C. 1995]. В свою очередь, основания освобождения от ответственности для виновного лица весьма ограничены: это обстоятельства непреодолимой силы, война и действие или бездействие третьего лица (которое не было привлечено лицом, привлекаемым к ответственности. В случае совместного причинения вреда ответственность по КЭРКО является солидарной, это предполагает возможность взыскивать возмещение вреда с одного из тех, кто его причинил, в полном объёме.

Выявив лицо, потенциально виновное в высвобождении отходов, Агентство направляет ему «общее уведомление» о возможности привлечь к ответственности по положениям КЭРКО, а после этого – «специальное уведомление», содержащее предложение провести переговоры о заключении соглашения по вопросам урегулирования экологической проблемы. Такое соглашение может быть заключено в административном или судебном порядке и содержать условия о выполнении работ или их финансировании. В любом случае предпочтительным является заключение соглашения, поскольку, если сторона не проявляет воли к сотрудничеству, Агентство наделено полномочиями по вынесению так называемого одностороннего административного предписания (*unilateral administrative order*) о выполнении работ в соответствии с 42 U.S.C. § 9606 (a), неисполнение которого влечёт за собой взыскание пени, размер которых может достигать до 25 тыс. долл. в день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет выявить некоторые общие тенденции в организации правового регулирования отношений по устранению накопленного вреда окружающей среде в США и России. Наиболее яркой общей закономерностью является формирование соответствующего правового регулирования после обострения экологических проблем на заброшенных площадках химической промышленности. Упомянутый российский Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 446 получил в прессе неформальное название «Усольский закон», поскольку был направлен на решение сложных проблем комплексного оздоровления промышленной площадки предприятия «Усольехимпром».

Анализ практики функционирования системы КЭРКО позволяет сформулировать общие тенденции и существенные отличия в организации процессов ликвидации накопленного экологического вреда на промышленных площадках. Возможности лоббистского вмешательства в организацию столь важной для общества деятельности приводит к крайне негативным последствиям, выразившимся в практике США в длительном системном недофинансировании мероприятий по рекультивации объектов, загрязнённых опасными веществами. Равным образом политическая «турбулентность» предопределила и другие серьёзные недостатки текста КЭРКО. Эти негативные обстоятельства проявляли себя не только в рассматриваемых отношениях, но и при реализации иных природоохранных мероприятий. Изменение политической ситуации в штате Нью-Джерси привело к тому, что с 2011 по 2017 год этот регион выходил из субрегиональной системы торговли квотами

на выброс парниковых газов, а затем вновь возвращался в неё. Подобные непоследовательные политизированные решения существенно затрудняют достижение целей и приводят к убыткам у субъектов экономической деятельности [Колобов Р. Ю. 2023: 113].

Положительные решения, существующие в правовом порядке США, заслуживают внимания при совершенствовании российского правового регулирования. Положительно следует оценить установленные правила КЭРКО о формировании проектной документации и единого плана управления мероприятиями по устранению высвобождения опасных химических веществ, а также назначение управляющего проектом. Как отмечается в публикациях участников ликвидации накопленного вреда окружающей среде на территории ООО «Усольехимпром», отсутствие общего проекта вызывало недопонимание у представителей различных ведомств по вопросам распределения обязанностей, что снижало эффективность выполняемых задач [Мальцев С.А., Вебер Е.В., Иноземцев В.А., Цапок М.В., Беляков П.Е., Ковтун В.А., Антонин А.А., 2021: 145].

Следует обратить внимание и на особую роль различных подразделений вооружённых сил в ликвидации накопленного вреда окружающей среде в двух странах. Как отмечалось, Инженерный корпус Армии США может выполнять важные функции при ликвидации высвобождённых опасных химических веществ. Равным образом в цитируемой публикации отмечается ведущая роль войск радиационной, химической и биологической защиты при ликвидации чрезвычайных ситуаций химического характера.

К числу конструктивных зарубежных решений, в частности, относится разработка типовых документов, регламентирующих проведение отдельных процедур ремедиации отдельных видов объектов. Такой подход будет содействовать созданию общей комплексной модели проведения мероприятий по устранению накопленного вреда окружающей среде.

Наконец, положительно необходимо оценить и широкое вовлечение общественности в процессы ремедиации объектов накопленного вреда окружающей среде, их информационную открытость и направленность на вовлечение объектов, прошедших очистку, в хозяйственный оборот. В России в современный период активно реализуются проекты создания экотехнопарков на базе перепрофилируемых объектов химической промышленности, включённых в перечень объектов накопленного вреда окружающей среде, к числу которых относится и площадка ООО «Усольехимпром». В связи с этим представляется плодотворным продолжать исследования зарубежного опыта в ликвидации накопленного вре-

да окружающей среде и создании устойчивого использования рекультивированных земельных участков.

ИСТОЧНИКИ

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 446-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 2022. № 1 (ч. 1) ст. 15.
2. Закон включён в 103 главу 42 раздела Кодекса Соединённых Штатов Америки. Available at: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title42/html/USCODE-2011-title42-chap103.htm#9601_3 (accessed 15.10.2023).
3. Brownfield and Contaminated Site Remediation Act. Available at: <https://www.nj.gov/dep/srp/regs/statutes/bcsra.pdf> (accessed 15.12.2023).
4. 42 U.S.C. § 9601 (22). Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/9601> (accessed 15.12.2023).
5. 42 U.S.C. § 9661. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/9661> (accessed 15.12.2023).
6. Economic Impacts of Superfund Taxes. P. 2-1. Available at: https://www.epa.gov/sites/default/files/2018-02/documents/ee-0096_1-2_acc.pdf (accessed 15.12.2023).
7. Inflation Reduction Act of 2022. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ169/uslm/PLAW-117publ169.xml> (accessed 15.12.2023).
8. Infrastructure Investment and Jobs Act of 2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-117publ58> (accessed 15.12.2023).
9. 33 U.S.C. § 1321 (d). Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2018-title33/pdf/USCODE-2018-title33-chap26.pdf> (accessed 15.12.2023).
10. § 311(b)(2)(A) Федерального закона о контроле за загрязнением вод (англ. Federal Water Pollution Control Act, 33 U.S.C. § 1321 (b)(2)(A) и § 112 Закона о чистом воздухе (42 U.S.C. § 7412). Available at: <https://www.ecfr.gov/current/title-40/chapter-I/subchapter-J/part-302/section-302.4> (accessed 15.12.2023).
11. Appendix A to Part 300 – The Hazard Ranking System. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/100002489.pdf> (accessed 15.12.2023).
12. Clarifying the Definition of «Site» Under the National Priorities List. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/174025.pdf> (accessed 15.12.2023).

13. Superfund: National Priorities List (NPL). Available at: <https://epa.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=33cebcdfdd1b4c3a8b51d416956c41f1> (accessed 15.12.2023).

14. Population Surrounding 1,881 Superfund Sites. Available at: <https://www.epa.gov/system/files/documents/2023-08/FY22%20Population%20Estimates%20Superfund%20Final.pdf> (accessed 15.12.2023).

15. Superfund National Priorities List (NPL) Where You Live Map. *United States Environmental Protection Agency*. Available at: <https://epa.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=33cebcdfdd1b4c3a8b51d416956c41f1> (accessed 15.12.2023).

16. Community Environmental Response Facilitation Act. Available at: <https://www.epa.gov/fedfac/community-environmental-response-facilitation-act> (accessed 15.12.2023).

17. Community Environmental Response Facilitation Act (CERFA) Report Fort Devens Facility Fort Devens, Massachusetts. Available at: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA282109.pdf> (accessed 15.12.2023).

18. Community Environmental Response Facilitation Act (CERFA) Report I Umatilla Depot Activity Hermiston, Oregon. Available at: https://www.umadra.com/sites/umadra.com/files/Files/historical-documents/historical_data/HD0020_CERFA_1994_part1.pdf (accessed 15.12.2023).

19. Citizen Excellence in Community Involvement Award. Available at: <https://www.epa.gov/superfund/citizen-excellence-community-involvement-award> (accessed 15.12.2023).

20. Superfund Community Involvement University. Available at: <https://www.epa.gov/superfund/superfund-community-involvement-university> (accessed 15.12.2023).

21. Guidance for Supporting Community Advisory Groups at Superfund Sites. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/100002540.pdf> (accessed 15.12.2023).

22. Pre-CERCLA Screening Guidance United States Environmental Protection Agency Office of Land and Emergency Management OLEM Directive 9200.3-107. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/196807.pdf> (accessed 15.12.2023).

23. Guidance for Performing Preliminary Assessments Under CERCLA. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/157081.pdf> (accessed 15.12.2023).

24. Guidance for Performing Site Inspections Under CERCLA. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/174029.pdf> (accessed 15.12.2023).

25. Docket Reference Manual Federal Agency Hazardous Waste Compliance Docket. Available at: <https://www.epa.gov/sites/default/files/2015-10/documents/docket-reference-manual-nov-2013.pdf> (accessed 15.12.2023).

26. Guidance for Conducting Remedial Investigations and Feasibility Studies Under CERCLA. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/100001529.pdf> (accessed 15.12.2023).

27. Guidance for Conducting Treatability Studies under CERCLA. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/175665.pdf> (accessed 15.12.2023).

28. Feasibility Study Analysis for CERCLA Municipal Landfill Sites. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/175672.pdf> (accessed 15.12.2023).

29. A guide to preparing Superfund Proposed Plans, Records of Decision, and Other Remedy Selection Decision Documents. P. 1–5. Available at: https://www.epa.gov/sites/default/files/2015-02/documents/rod_guidance.pdf (accessed 15.12.2023).

30. Remedial Design / Remedial Action Handbook. Available at: <https://semspub.epa.gov/work/HQ/156935.pdf> (accessed 15.12.2023).

31. Redevelopment Economics at Superfund Sites. Available at: <https://www.epa.gov/superfund-redevelopment/redevelopment-economics-superfund-sites> (accessed 15.12.2023).

32. 42 U.S.C. § 9620. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/9620> (accessed 15.12.2023).

33. Small Business Liability Relief and Brownfields Revitalization Act. Available at: <https://www.epa.gov/brownfields/summary-small-business-liability-relief-and-brownfields-revitalization-act> (accessed 15.12.2023).

34. Part 312 – Innocent Landowners, Standards for Conducting All Appropriate Inquiries. Available at: <https://www.ecfr.gov/current/title-40/chapter-I/subchapter-J/part-312> (accessed 15.12.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колобов Р.Ю. Системы торговли квотами на выброс парниковых газов как основной элемент климатической политики: российский и зарубежный опыт / Право и инновации: цифровизация, промышленность, экология: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2023. 152 с.

Мальцев С.А., Вебер Е.В., Иноземцев В.А., Цапок М.В., Беляков П.Е., Ковтун В.А., Антохин А.А. О ходе выполнения первоочередных мероприятий по устранению накопленного вреда окружающей среде от деятельности химических предприятий на территории г. Усолье-Сибирское Иркутской области. *Вестник войск РХБ защиты*. 2021. № 2. С. 136–148. DOI: <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-2-136-148>.

REFERENCES

- Akey, P., Appel, I. 2021. The Limits of Limited Liability: Evidence from Industrial Pollution. *Journal of Finance*, vol. 76, № 1, pp. 5–56.
- Baller, J. 1990. The Petroleum Exclusion – Stronger That Ever after Wilshire Westwood. *SMU Law Revie*, vol. 43, № 3, P. 915–928.
- Colten, C. A Historical Perspective on Industrial Wastes and Groundwater Contamination. *Geographical Review*. 1991. vol. 81. № 2. pp. 215–228.
- Davis, C. 1985. Implementing the Resource Conservation and Recovery Act of 1976: Problems and Prospects. *Public Administration Quarterly*, vol. 9, № 2, pp. 218–236.
- DeMeo, K. 1994. Is CERCLA Working? An Analysis of the Settlement and Contribution Provisions. *St. John's Law Review*, vol. 68, № 2, P. 493–526.
- Ehlers, W.C. 1995. Who Pays? PRP Liability for CERCLA Investigations. *Ohio State Journal*, vol. 56, P. 259–276.
- Fjelland, R. 2016. When Laypeople are Right and Experts are Wrong: Lessons from Love Canal. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*, vol. 16, pp. 105–125.
- Kolobov, R.Y. Systems of the greenhouse gas emission quotas trading as the main element of climate policy: Russian and foreign experience / Law and Innovation: digitalisation, industry, ecology: monograph. Irkutsk: IGU. 2023. 152 p.
- Maloney, J.P.S. 1992. A Legislative History of Liability Under CERCLA. *Seton Hall Journal of Legislation and Public Policy*, vol. 16, № 2, P. 517–550.
- Maltsev, S.A., Veber, E.V., Inozemtsev, V.A., Tsapok, M.V., Belyakov, P.Y., Kovtun, V.A., Antokhin, A.A. Implementation of Priority Measures to Eliminate the Accumulated Environmental Damage Caused by Chemical Enterprises in the City of Usolye-Sibirskoye, Irkutsk Region. *Journal of NBC Protection Corps*. 2021;5(2):136–148. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-2-136-148>.
- Nagle, J.C. 1997. CERCLA's Mistales. *William and Mary Law Review*, vol. 38, P. 1405–1463.
- O'Neil, S.G. 2007. Superfund: Evaluating the Impact of Executive Order 12898. *Environmental Health Perspectives*, vol. 115, № 7, pp. 1087–1093.
- Panzer, J.E. 1996. Apportioning CERCLA Liability: Cost Recovery or Contribution, Where Does a PRP Stand? *Fordham Environmental Law Review*, vol. 7, № 2, P. 437–482.

Reinfelder, J.R., Jansen, S.E. 2019. Tracking legacy mercury in the Hackensack River estuary using mercury stable isotopes. *Journal of Hazardous Materials*, vol. 375, pp. 121–129.

Saint-Amour, T. 1996. Is It Consistent or Not Inconsistent - The Question Remains Unanswered following Washington State Department of Transportation v. Washington Natural Gas Co. *Villanova Environmental Law Journal*, vol. 7, № 2. P. 401–439.

Sanchez-Castro, I., Molina, L., Prieto-Fernandez, M.A., Segura A. Past, present and future trends in the remediation of heavy-metal contaminated soil - Remediation techniques applied in real soil-contamination events. *Heliyon*. 2023. vol. 9. № 6. Art. e16692. P. 1–24.

Scheller, J.L. 2005. No Good Deed Goes Unpunished: The CERCLA Liability Exposure Unfortunately Created by Pre-acquisition Soil Testing. *Michigan Law Review*, vol. 103, № 7, P. 1930–1950.

Thomson, J. 2015. Toxic Residents: Health and Citizenship at Love Canal. *Journal of Social History*, vol. 50. № 1. pp. 1–20.

Weinberg, P. 1988. Masquerade for Privilege: Deregulation Undermining Environmental Protection. *Washington and Lee Law Review*, vol. 45, № 4, P. 1321–1343.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЛОБОВ Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук».

Российская Федерация 664033 Иркутск, ул. Фаворского, д. 1.

доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета. Российская Федерация, 664082 Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 10.

Roman Yu. KOLOBOV Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Researcher at Federal Research Centre “A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”.

1 Favorskogo St., Irkutsk 664033, Russian Federation.

Associate Professor of the Department of International and Comparative Law at the Law Institute of Irkutsk State University.

10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk 664082, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024 / Received 16.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.06.2024 / Revised 15.06.2024.

Статья принята к публикации 17.06.2024 / Accepted 17.06.2024.

УДК 327+94(71).06

DOI: 10.31857/S2686673024100085

EDN: YVQEEV

Первые международные чтения по канадоведению в РГГУ памяти В.А. Коленеко

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Researcher ID: K-3377-2015

Scopus AuthorID: 57188987396

РИНЦ ID: 256205

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Е.В. Исаева

Российский государственный гуманитарный университет.

Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

ORCID 0000-0002-7971-3243

e-mail: isaeva.e@rggu.ru

Резюме. В материале говорится о научной конференции, состоявшейся в Российском государственном гуманитарном университете 4 апреля 2024 года. Данная конференция была организована учебно-научным центром «Москва-Квебек» и кафедрой американских исследований РГГУ при участии Центра канадских исследований СПбГУ и посвящена памяти выдающегося советского/российского учёного-канадоведа, специалиста по истории Канады и Квебека Вадима Александровича Коленеко (1943–2011). В конференции участвовало около 30 учёных из различных научно-образовательных учреждений. Представленные на конференции доклады были посвящены анализу научного наследия В.А. Коленеко, а также важным проблемам истории, политики, культуры Канады.

Ключевые слова: Россия, Канада, канадоведение, В.А. Коленеко, научная конференция, РГГУ.

Для цитирования: Акимов Ю.Г., Исаева Е.В. Первые международные чтения по канадоведению в РГГУ памяти В.А. Коленеко. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(10):119–125. DOI: 10.31857/S2686673024100085 EDN: YVQEEV

Vadim Kolenecko Memorial Conference on Canadian Studies at the Russian State University of Humanities

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: K-3377-2015

Scopus AuthorID: 57188987396

РИНЦ ID: 256205

ORCID: 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Ekaterina V. Isaeva*Russian State University of Humanities,**6 Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation.**ORCID 0000-0002-7971-3243**e-mail:isaeva.e@rggu.ru*

Abstract. The article provides information about the Vadim Koleneko Memorial Conference on Canadian Studies at the Russian State University of Humanities (RSUH) on April 4, 2024. This conference was organized by the Research and Educational Centre “Moscow-Quebec” and the Department of American Studies of RSUH with the assistance of the Centre for Canadian Studies of Saint-Petersburg State University. It was dedicated to Memory of Vadim Koleneko (1943–2011) – Soviet and than Russian Academic who was the leading Russian-speaking expert on the Canadian and Quebec History and Politics. It is noted that the conference was attended by 30 scholars from different educational and research institutions. Their papers were devoted to the Scientific Heritage of Vadim Koleneko as well as to the important issues of Canadian history, politics and culture.

Keywords: Russia, Canada, Canadian Studies, Vadim Koleneko, International Conference, Russian State University of Humanities.

For citation: Akimov, Y.G., Isaeva, E.V. Vadim Koleneko Memorial Conference on Canadian Studies at the Russian State University of Humanities. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(10):119–125. DOI: 10.31857/S2686673024100085 EDN: YVQEEV

4 апреля 2024 года в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) с успехом прошла международная научная конференция «Первые международные чтения по канадоведению памяти В.А. Коленеко». Мы рассмотрим тематику докладов и сообщений, прозвучавших на конференции, и оценим её итоги.

* * *

Конференция была организована Международным Российско-канадским центром «Москва – Квебек» и кафедрой американских исследований РГГУ при участии Центра канадских исследований СПбГУ (в рамках договора о сотрудничестве между РГГУ и СПбГУ). Центр «Москва – Квебек» создан в 1998 году при сотрудничестве с филологическим факультетом Университета им. Лавалья (Квебек, Канада). Правовой базой для деятельности Центра является «Договор о сотрудничестве между РГГУ и Университетом им. Лавалья (Квебек, Канада)», подписанный в 1997 году ректорами соответствующих университетов. УНЦ «Москва – Квебек», занимаясь изучением языка, культуры, истории, политики, современного социокультурного развития франкоязычной провинции Канады, ведёт учебную, научную, издательскую и культурно-просветительскую деятельность. В РГГУ ежегодно проводятся «Дни Квебека».

Созданная на факультете международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ кафедра американских исследований РГГУ занимается подготовкой американистов-международников на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, ведёт активную исследовательскую деятельность.

Конференция была посвящена памяти Вадима Александровича Коленеко (1943–2011) – крупнейшего советского / российского специалиста по истории Канады и Квебека. Он является автором первых фундаментальных русскоязычных работ по квебекской проблеме, истории канадских католических профсоюзов, истории Французской Канады [Поздеева Л.В, 2011:19–22]. Следует особо отметить, что высказанные и сформулированные им в этих работах идеи, наблюдения и выводы привлекли внимание канадских учёных, по достоинству оценивший вклад В.А. Коленеко в изучение ключевых проблем канадской и квебекской истории [Bertold E., 2007].

В.А. Коленеко был инициатором создания «Канадского ежегодника» – периодического издания, где печатались работы российских исследователей-специалистов по истории, внутренней и внешней политике, экономике, культуре, литературе Страны Кленового листа. Вплоть до своей безвременной кончины Вадим Александрович оставался главным редактором ежегодника (в общей сложности в 1997–2011 годах им было подготовлено 15 выпусков). Кроме того, В.А. Коленеко подготовил ряд очень ценных тематических сборников и библиографических справочников по канадской и квебекской истории. Также он был единственным представителем нашей страны в редакции «Международного журнала канадских исследований» (*International Journal of Canadian Studies*).

В.А. Коленеко активно сотрудничал с УНЦ Москва – Квебек, где с 2000 года он преподавал дисциплины исторического цикла в рамках первой образовательной программы канадских исследований «История, культура и архивы франкоязычной Америки: цивилизация Квебека», открытой на факультете архивного дела РГГУ. Включившись в педагогическую работу с большим энтузиазмом и свойственной ему энергией, В.А. Коленеко составил целый ряд курсов по истории и политике Квебека и Канады. За годы работы В.А. Коленеко совместно с РКЦ «Москва – Квебек» выпустил несколько сборников научных статей, в том числе и студенческих. Он пользовался большой любовью у студентов, которые писали под его руководством дипломные работы, стали его аспирантами [Исаева Е.В., 2011].

На площадке конференции собрались представители вузов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Саратова, Реджайны, Эдмонтона. Первое пленарное заседание открыла заведующая кафедрой американских исследований РГГУ профессор В.И. Журавлёва. В своей приветственной речи она

обратила внимание на роль Канады в региональных и глобальных процессах, которую необходимо учитывать при формировании внешней политики России, в особенности с учётом перспектив российско-канадского взаимодействия в Арктике.

С приветствием к участникам и гостям конференции обратилась исполняющая обязанности проректора по международным связям РГГУ, доктор филологических наук, профессор *В.И. Заботкина*. Она отметила важность сохранения и развития изучения историко-культурного наследия Канады, важных научных исследований спектра гуманитарных наук.

Директор УНЦ Москва – Квебек, сопредседатель программного комитета конференции профессор *Е.В. Исаева* в своём выступлении подчеркнула, что проведение научной конференции по канадским исследованиям очень важно для продолжения того интеллектуального диалога между Россией, Канадой и Квебеком в области образования и науки, у истоков которого находился выдающийся учёный-историк Вадим Александрович Коленеко.

Сопредседатель программного комитета директор Центра канадских исследований СПбГУ профессор *Ю.Г. Акимов* в своём приветственном слове подчеркнул важность сохранения, изучения и продвижения творческого наследия В.А. Коленеко, который был учёным с мировым именем, что подтверждается, в том числе, высоким интересом к его работам за рубежом.

Также в церемонии открытия конференции приняла участие *Т.Р. Кузьмина* – ведущий научный сотрудник ИСКРАН, президент Российского общества изучения Канады, которая, обращаясь к участникам конференции, говорила о существенной роли, которую Российский государственный гуманитарный университет играет в области развития научно-исследовательских проектов, посвящённых Канаде. Кузьмина вручила благодарственную Грамоту РОИК, составленную на имя ректора РГГУ А.Б. Безбородова, за многолетнее сотрудничество в сфере канадских исследований и поддержку научно-образовательной деятельности Российско-канадского центра «Москва – Квебек» РГГУ. Благодарности РОИК были также вручены директору РКЦ «Москва – Квебек» *Е.В. Исаевой* и профессору РГГУ *А.Н. Комарову*.

Первое пленарное заседание конференции (модераторы *В.И. Журавлёва* и *Ю.Г. Акимов*) было посвящено актуальным историческим проблемам. Первым прозвучал доклад *А.Ю. Петрова* (ИВИ РАН), посвящённый малоизученным страницам истории Канады в эпоху Британского колониального господства – борьбе великих держав за Британскую Колумбию в первой половине XIX века. *Е.Ю. Сергеев* (ИВИ РАН и РГГУ) остановился на «русском вопросе», обсуждавшемся в ходе имперской экономической конференции, проходившей в Оттаве в 1932 году. *Ю.Г. Акимов* (СПбГУ) в своём докладе рассмотрел действия американской дипломатии в период подготовки второго референдума о суверенитете Квебека (1995).

А.Н. Комаров сконцентрировал своё внимание на трансформации политической системы Канады в конце XX – начале XXI века.

В ходе второго пленарного заседания (модераторы Е.В. Исаева и А.Н. Комаров) было продолжено рассмотрение исторических и историографических сюжетов, а также затронуты некоторые актуальные политические проблемы. *И.А. Азгеева* (ИВИ РАН) подробно проанализировала особенности советской историографии Квебека и проследила эволюцию исследовательской проблематики. *К.В. Минкова* (СПбГУ) на основе неопубликованных материалов Российского государственного архива экономики показала, как после окончания Второй мировой войны в СССР и в Канаде виделись перспективы развития двусторонних экономических отношений. *И.А. Соков* (ВолГУ) посвятил свой доклад рассмотрению в сравнительном ключе национальной идеи и понятия «суверенность» в Квебеке и России на современном этапе. *К.С. Романов* (МГУ им. М.В. Ломоносова) остановился на иммиграционном вопросе в Квебеке, который был проанализирован в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в Канадской федерации.

После двух пленарных заседаний работа конференции продолжилась в секционном формате. Первая секция была посвящена истории и культуре Квебека (модераторы Л.В. Разумова, М.М. Сиротинская). Естественно, что особое внимание докладчики уделили рассмотрению вклада В.А. Коленеко в их изучение. *Е.В. Исаева* подробно остановилась на особенностях восприятия наследия В.А. Коленеко в Канаде. *С.В. Павленко* (Университет Альберты, Эдмонтон) сделала содержательный доклад об истории франкофонного сообщества провинции Альберта. *Л.В. Разумова* (РГГУ) остановилась на особенностях языковой нормы французского языка в Квебек, показав её генезис и современное состояние. *М.М. Сиротинская* (ИВИ РАН и РГГУ) рассказала о взгляде на Канаду 1870–1880-х годов епископа Александра-Антонена Ташэ и журналиста Эдмона Фаррана. *А.Е. Кулаков* (СГУ) проанализировал отражение различных аспектов жизни Квебекского общества конца XIX века в творчестве Жозефа-Фердинанда Мориссетта. *Майкл Поплянский* (университет Реждайны) поднял тему исследования Вадимом Александровичем Коленеко Акадийской партии, действовавшей в провинции Нью-Брансуик в 1970–1980-е годы. *Л.М. Троицкая* (ИВИ РАН) подчеркнула весомый вклад В.А. Коленеко в освещение канадской проблематики на страницах «Американского ежегодника».

На секции также прозвучали сообщения молодых исследователей. *М.И. Котенко* (студент ГАУГН) показал особенности взаимоотношений канадского федерального правительства и провинции Квебек на современном этапе (начало 2020-х годов). *А.С. Шишова* (студентка РГГУ) рассказала об особенностях квебекского кинематографа на примере фильма Дени Аркана «Закат американской империи» (*Le déclin de l'empire américain*).

Вторая секция была посвящена актуальным проблемам внутренней и внешней политики современной Канады (модераторы Т.Р. Кузьмина, К.С. Романов). Её работу открыл доклад *Т.Р. Кузьминой*, посвящённый сильным и слабым сторонам современного канадского мультикультурализма. *Н.С. Вяхирева* (РСМД) затронула важную тему американо-канадского сотрудничества в Арктике. *В.В. Тимофеев* (СПбГИКиТ) поднял сложную проблему взаимосвязи миротворчества и трансляции определённых ценностей. *М.А. Черных* (ИСКРАН) остановилась на острой проблеме нелегальной миграции на американо-канадской границе. *Е.М. Романова* (МГИМО) рассказала о проблемах привлечения иностранных инвестиций в экономику Канады. *Е.Е. Григорьева* (ГАУГН) и *П.С. Шульга* (МГУ им. М.В. Ломоносова) подробно рассмотрели особенности современного аграрного сектора Квебека. *О.А. Федосюк* (независимый исследователь и переводчик) напомнила об особенностях отражения образа Канады на страницах первого выпуска историко-культурологического альманаха «Размышления о Канаде», выпущенном под редакцией В.А. Коленеко в 1996 году.

Молодые исследователи, принимавшие участие в работе данной секции, также сделали содержательные сообщения. *И.С. Самойленко* (аспирант РГГУ) рассказал об экономическом сотрудничестве СССР / России и Канады при правительстве Брайана Малруни. *Е.С. Бударин* (аспирант РГГУ) показал особенности военной стратегии правительства Стивена Харпера в Арктике. *Н.А. Сениошкин* (студент ГАУГН) остановился на сходствах и различиях миграционных систем США и Канады.

Научное мероприятие проводилось в смешанном формате, что позволило охватить большую студенческую и преподавательскую аудиторию. Важно отметить, что в конференции вместе с ведущими исследователями, учёными и профессорами выступали аспиранты и студенты РГГУ и ГАУГН. Их сообщения были посвящены проблемам экономики, политики и культуры Канады и Квебека.

Прошедшая в РГГУ научная конференция наглядно продемонстрировала актуальность проведения подобных мероприятий, расширяющих межуниверситетский диалог по важным проблемам истории и культуры Канады и способствующих знакомству студентов с достижениями школы канадоведения в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Поздеева Л.В. Памяти коллеги. *Канадский ежегодник*. Вып. 15. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 19–22.

Исаева Е.В. Вклад В. А. Коленеко в развитие международных образовательных программ РГГУ. *Канадский ежегодник*. Вып. 15. М., ИВИ РАН, 2011. С. 23–24).

REFERENCES

Pozdeeva, L.V. In memory of a colleague [Pamiati kollegi] (In Russ.). *Kanadskii ezhegodnik*. Vol. 15. Moscow: IVI RAN, 2011. PP. 19–22.

Bertold, E. Le Québec vue de la Russie : regards de l'historien Vadim Koleneko. Québec : PUL, 2007.

Isaeva, E.V. Koleneko's contribution to the development of international educational programs of RSHU [Vklad V.A. Koleneko v razvitie mezhdunarodnykh obrazovatel'nykh programm RGGU] (In Russ.). *Kanadskii ezhegodnik*. Vol. 15. Moscow, IVI RAN, 2011. P. 23–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, директор Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Yury G. AKIMOV, Doctor of Sciences (History), Full Professor at the Department of American Studies, and Director of the Center of Canadian Studies, Saint Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation.

Екатерина Васильевна ИСАЕВА, кандидат филологических наук, доцент, Заслуженный работник РГГУ, Кавалер Ордена франкофонов Америки (Ordre des Francophones d'Amérique). Российский государственный гуманитарный университет.

Российская Федерация, 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6.

Ekaterina V. ISAEVA, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Honored Worker of the Russian State University for the Humanities, Knight of the Order of Francophones of America (Ordre des Francophones d'Amérique).

Russian State University of Humanities, 6 Miusskaya sk., Moscow 125047, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 2.06.2024 / Received 2.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.06.2024 / Revised 15.06.2024.

Статья принята к публикации 17.06.2024 / Accepted 17.06.2024.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название, город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Примеры ссылок:

1. КГБ – ЦРУ: заклятые друзья и лучшие противники. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2017/12/20_a_11501390.shtml (accessed 02.02.2017).

Cordesman A. 2018. Chinese Grand Strategy – A Net Assessment: Cooperation, Competition and/or Conflict. November 29, 2018. Available at: <https://www.csis.org/analysis/chinese-grand-strategy-net-assessment-cooperation-competition-andor-conflict> (accessed 01.01.2019).

Kissinger, H. 2015. World Order. New York, Penguin Books, 432 p.

Trenin, D. 2016. The revival of the Russian Military: How Moscow Reloaded. *Foreign Affairs*. Vol. 95, No. 3, May/June. P. 23–29.

Гарбузов В.Н. 2017. Трамп: заблокированное президентство. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 11. С. 5-28.

Garbuzov, V.N. 2017. Tramp: blokirovannoe prezidentstvo [Trump: Presidency Blocked] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*, No. 11, P. 5-28.

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.